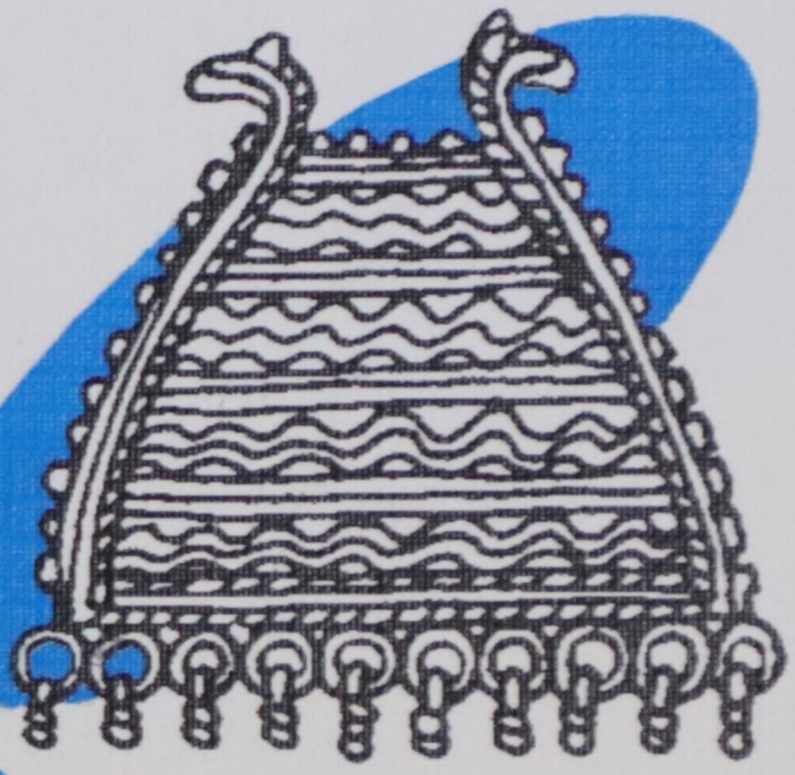
ФИННО-УГРОВЕДЕНИЕ

2.2007

ФИННО-УГРОВЕДЕНИЕ, 2007, № 2

Научный журнал
Основан в феврале 1994 г.
Выходит 2 раза в год

Редакционная коллегия:

К.Н. Сануков (*главный редактор*)
С.С. Сибатрова (*зам. главного редактора*)
Т.Л. Молотова (*отв. секретарь*)
И.Г. Иванов
Л.Е. Кириллова
Н.И. Кульбаева
С. Лаллукка
Н.Ф. Мокшин
И.И. Муллонен
Т.Б. Никитина
А.Н. Ракин
Л.С. Христолюбова

Мнения, высказываемые в материалах журнала,
не обязательно совпадают с точкой зрения редакции

© МарНИИЯЛИ им. В.М.Васильева, г. Йошкар-Ола

СОДЕРЖАНИЕ

СТАТЬИ

Федосеева Е.А. Формирование книжной формы мордовского героического эпоса 3

Сибатрова С.С. Вклад И.С. Галкина в марийскую лингвистику и развитие других гуманитарных наук в Республике Марий Эл (штрихи к творчеству) 21

Сануков К.Н. Газета «Ужара» – памятник марийской общественно-политической мысли (к 90-летию издания) 33

Исанбаев Н.И. Русские заимствования XVIII века в марийском языке и их тематические группы 48

СООБЩЕНИЯ

Федосеева Н.А., Пенькова М.В. Фольклор и литературные произведения в «Марла календаре» 59

Попова Е.В. Запреты в контексте механизмов сохранения священных рощ у бесермян 74

Лисовская Г.К. Вклад В.Н. Демина в исследование творчества И.А. Куратова и некоторые проблемы современного куратоведения 84

Владыкин В.Е. Великая труженица этнографии 91

Игнатов М.Д. О происхождении названий *Кува* и *Кудымкар* 96

Казимова М.А. Нравственные основы этнических традиций народа мари 101

Рощевская Л.П., Чупрова Э.Г. У истоков изучения фольклора коми этноса... 107

ПЕРСОНАЛИИ

Куклин А.Н. Юбилей Д.Е. Казанцева 112

Иванова М.Г. Куликов Кузьма Иванович (к семидесятилетию со дня рождения) 120

Куклин А.Н. Юбилей Л.П. Васиковой 128

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

Цыпанов Е.А. Рец.: Лушникова А.В. Модель универсума древних календарей (на материале языков разных семей). Диссертация на соискание ученой степени доктора филологических наук. Москва, 2006. – 331 л. 132

Загребин А.Е. Рец.:R. Blumberg. Lībieši un vēstulēs: Somijas zinātnieku ekspedīcijas pie lībiešiem. Rīga: Latvijas vēstures institūta apgāds, 2006. 383 lpp.+81 lpp. krāsu il. 137

Калинина О.А. Рец.: Сепеев Г.А. История расселения марийцев. – Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ, 2006. – 200 с. 139

ХРОНИКА

Лузгин А.С. Многоцветье культур в фестивальном преломлении 142

Сведения об авторах 149

«Финно-угроведение», 2007, № 2

СТАТЬИ

Елена Федосеева
Саранск

ФОРМИРОВАНИЕ КНИЖНОЙ ФОРМЫ МОРДОВСКОГО ГЕРОИЧЕСКОГО ЭПОСА

Героический эпос, создававшийся всеми народами в периоды формирования государственности, уходит корнями в древнейшие формы фольклора, в мифологию, стремящуюся воспроизвести легендарную предысторию народа и мира в целом. С появлением достаточно развитой письменной литературы веками устно бытовавшие песни и сказания стали собираться в единое целое, приобретать книжную форму существования. Таковы древнегреческая «Илиада», индийская «Махабхарата», немецкая «Песнь о Нибелунгах», французская «Песнь о Роланде», скандинавская «Эдда», карело-финская «Калевала» и др. К данного рода книжно-письменным эпическим памятникам по всем формальным и сущностным признакам относится и эрзяно-мокшанская «Масторава». Однако не всегда произведения эпического плана, родившиеся в недрах народного творчества, могли обрести единство и письменное воплощение. Так случилось, например, с русскими былинами (о Святогоре, Микуле Селяниновиче, Илье Муромце, Добрыне Никитиче, Алеше Поповиче и др.), в которых ясно наметилась тенденция образования целостного многогеройного повествования о судьбах русской земли в IX–XIV веках и в более позднее время. Но в силу определенных исторических причин, резко изменяющих содержание и направление национально-культурного развития, эта тенденция не получила ни устного, ни письменно-литературного воплощения в окончательной ее форме. По своей природе эпос подразделяется на героический и богатырский. Героика характерна для архаических повествований, богатырство – для эпосов более позднего происхождения, когда речь идет уже о достаточно зрелых этнических государственных образованиях. Эпос возникает на той стадии развития фольклора. когда в нем еще ярко выражен художественный и идеологический синкретизм. В силу этого его содержание и формы весьма сложны и многообразны. Ввиду космичности мышления древнего человека, его мифологического сознания в

эпосе запечатлена жизнь всего народа в эпоху военной демократии и становления государственности, отражены различные стадии и стороны этого сложного процесса. Так, в «Калевале» рассказывается о сотворении мира, о рождении главного ее персонажа Вяйнямейнена, о семейно-брачных обычаях в период родоплеменного общества, о кузнеце Ильмаринене, о магии слова и песни, в «Песне о Нибелунгах» – о борьбе с враждебными племенами за самостоятельность народа, в «Калевипоэге» – о древнем правителе эстов богатыре Калевипоэге, боровшемся с враждебными силами, крестоносцами. Художественный пафос древних эпопей составляет монументальная героика, ибо их действующие лица – герои и богатыри – участвуют в событиях общенародного масштаба и своими деяниями решают судьбы всего общества и государства. В них присутствует гиперболическая образность, волшебное и фантастическое, которые для людей того времени являлись актуальной реальностью.

Вырастая на почве мифологического мировосприятия, эпос создает феноменальные образы всепобеждающих героев с демиургическими функциями, борющихся за новое, прогрессивное, несущее благо народу. Олицетворяя добро, красоту и разум, эти персонажи придают произведениям ту широту и полноту в художественном освоении мира, благодаря которым они и теперь сохраняют значение недосягаемых образцов эпического творчества. В них предстает многоуровневая картина мира – мир небесный, земной и демонический, в которой состязаются боги, люди и силы зла, совместно участвующие в процессе миротворения. Художественное содержание эпических сказаний воплощено в адекватной поэтической форме, языке и стиле, несущих на себе печать времени и пространства, как бы застывших в них, но до сего времени интересных и в известном смысле актуальных. Возникновение героического эпоса прекращается вместе с окончанием «детства человеческого общества». Художественно и эстетически он детерминирован до тех пор, пока сохраняются породившие его общественные отношения, пока живет и определяет человеческое восприятие мира космогоническое сознание мифа. После утверждения государственности и зрелых форм цивилизации эпос уже не может развиваться в рамках устно-поэтической традиции.

Мифология как способ познания и объяснения мира на ранних и последующих стадиях развития общества присутствует во всех видах человеческой деятельности: хозяйственно-экономической, семейно-бытовой, социальной, ритуально-обрядовой, художественно-эстетической, мировоззренческой и т.д. Она выступает не только как тип мышления, но и как способ бытия человека, образ жизни рода, племени, народности. В силу этого ее нельзя сводить к одной или нескольким функциям, например, к этиологической и мировоззренческой с элементами художественной формы выражения. Огромную роль в ней играют вера в бога, обычай, обряд, традиция, магия, анимизм, стремление все одушевить и очеловечить, сделать близким и понятным людям. Поскольку она исторически определенный тип сознания, охватывающий собой все сферы жизнедеятельнос-

ти людей, в мифологии ведущее значение принадлежит слову как способу выражения мыслей, чувств, ощущений, настроений, интересов, желаний и т.д. Словесная форма выражения потенциально содержит в себе предпосылку поэтического творчества, использование элементов повествовательности, сюжетности, образности, метафоричности, структурной организации, ибо события, о которых идет речь, происходят во времени и пространстве в той или иной последовательности.

В процессе исторической эволюции, достигнув определенной стадии зрелости, мифология начинает осмысливать, осознавать свое содержание и форму и, чтобы придать своему самосознанию разумный характер, творит мифы, повествования о происхождении явлений окружающего мира. На этнической стадии развития она создает мифы о возникновении мира и человека. Мифы повествовательны, в них есть конфликт и противоборствующие персонажи, намечен сюжет. Однако миф решает не художественные задачи. Его предметом являются мировоззренческие проблемы, объяснение происхождения многообразия явлений мира и человека с его разумом, противоречивой природой, болезнями тела и духа, любовью, ненавистью и т.п.

Сложился ряд имен исследователей мифов и героического эпоса разных народов, чьи труды приобрели статус классических в области фольклористики и мифологии: А.Н. Афанасьев, А.Н. Веселовский, В.М. Жирмунский, Н.Н. Поппе, В.Я. Пропп, Б.Н. Путилов, Д.С. Лихачев, А.Ф. Лосев, Е.М. Мелетинский, О.М. Фрейденберг, С.Ю.Неклюдов, Д.Фрэзер, А.Хойслер, С.Крамер. В российской фольклористике и литературоведении конца XX – начала XXI вв. над проблемой национального героического эпоса и параллельно ей возникающими вопросами работают А.К. Микушев (Коми), Ф.Урманче (Татарстан), А.М. Шаронов (Мордовия), В.И. Рогачев (Мордовия), Н.В. Морохин (Нижний Новгород), З.К. Тарланов (Карелия), А.Е. Китиков (Марий Эл). Героический эпос – категория национальная, этническая. В связи с исторической неравномерностью развития народов, он возникает в разное время (у греков в VIII в. до н.э., у германцев, французов, финнов, эстов, мордвы, русских – в IX–XIV вв.), но на одной и той же стадии их социально-политического развития – в эпоху перехода от первобытнообщинного строя к классовому обществу и государственности. С появлением письменности и развитой художественной литературы эпос из устной формы бытования может трансформироваться в книжную (литературную) форму. Появление книжной формы героического эпоса также причинно детерминировано, но она может возникнуть спустя много столетий после оформления фольклорной эпопеи («Калевала» – XIX в., «Лачплесис» – XX в., «Масторава» – конец XX в.). Объясняется это тем, что мифолого-эпическое прошлое, воспроизведенное в ней, в сознании этноса всегда присутствует как актуальная реальность, ибо он воспринимает свое настоящее сквозь призму прошлого, живущего в нем в виде сакрального божественного образа. Единственное, что есть у человека, народа и мира в целом как совершенно достоверное и осмысленное – их

прошлое. Поэтому повествование, являющееся в историческом измерении рассказом «о делах давно минувших дней», в нравственно-психологическом измерении представляет собой повествование не только о прошлом, но о прошлом, живущем в нас сегодня. Данное обстоятельство интерес к героическому эпосу делает непреходящим и стимулирует создание его книжных форм.

На протяжении столетий многие поэты предпринимали попытки «возродить» жанр древней эпопеи. Но созданные на вымышленном ими материале произведения не могли встать в один ряд с перечисленными выше творениями. Гегель писал об «Освобожденном Иерусалиме» Тассо: «Этот эпос раскрывается как поэма, т.е. как поэтически сконструированное событие и находит удовольствие и удовлетворение преимущественно в художественном создании изящного, отчасти лирически, отчасти эпически повествовательного языка и вообще формы, вместо того, чтобы, подобно Гомеру, произведение, как подлинный эпос, находило слово для всего, что представляет собою нация в своих подвигах и раз навсегда высказало это слово с непосредственной простотой» (1, с. 287).

Мировой эпос в своем развитии прошел длительный и сложный путь, претерпел большие изменения, расцвет и упадок, в нем откладывались напластования различных исторических эпох. Результатом его развития стало возникновение различных исторических типов: архаического («Гильгамеш»), классического («Илиада»), раннефеодального (русские былины), позднефеодального («Песнь о Роланде»). Эпос каждого народа обладает национальным своеобразием как отражение своеобразия его истории, культуры, быта, языка, психологии, миросозерцания, философии мышления. Вместе с тем изучение фольклорных и фольклорно-литературных памятников, представляющих героический эпос, приводит к выводу о том, что эпическое время, отображаемое в них, относится к периоду варварства и отличается сходным общественным строем, политической организацией, религиозными верованиями, аналогичными эстетическими воззрениями. У мордвы героический век охватывает IV–IX вв. с продолжением в X–XIII столетиях, когда шло формирование раннеклассовых отношений. Характер эпохи обусловил и характер эпического героя. Им стал сын или потомок рожденного божеством и смертным человеком, призванный выполнять волю неба на земле, упорядочивать жизнь людей, вносить в нее меру, закон, справедливость, преодолевая первобытную стихию. Герой для совершения подвигов нуждается в сверхъестественной силе, которая лишь отчасти присуща ему от рождения, обычно в силу божественного происхождения. Подвиги героя, независимо от характера героизма, всегда сопровождаются помощью божественного родителя или другого бога.

Героизм сводится к организации хозяйственной деятельности людей и более совершенных общественных отношений, к совершению культурных подвигов, к защите нарождающегося этноса от внешних врагов. В мифологической части он выражается в творении верховным богом Чам-Пасом (Шкаем, Инешкипазом) мира в борьбе с Идемевсем (Шайтаном), во введении основ жизни (обычаев,

традиций, обрядов), в создании семьи богами и людьми – во внесении света, разума и гармонии в мироздание; в эпической части – в создании царем Тюштей государственности, в переводе общества от первобытной неустроенности к закону и порядку. Обустраивая природу (Чам-Пас, Шкай, Инешкипаз) и общество (Тюштя), герои выступают как мироустроители, помощники и учителя человека. Ввиду этого герой – категория прежде всего социальная и духовно-культурная (2, с. 5).

Героический эпос – исторически конкретная поэтическая форма, порожденная определенными социально-историческими условиями и связанная с определенной ступенью человеческой культуры. Он возникает в период разложения первобытнообщинного строя и продолжает развиваться на ранних ступенях классового общества (3, с. 424). В его основе как художественно-эстетический, так и познавательно-этиологический интерес, стремление осмыслить новые явления в социально-исторической и этнической сфере и дать им нравственно-психологическое и мировоззренческое истолкование. Главное в героическом эпосе – пробуждение национально-исторического самосознания, интеллектуальный образ этноса, его государства и родной земли.

Великие эпопеи, сложившиеся в Древней Греции и Индии на заре рабовладельческого общества («Илиада», «Одиссея», «Махабхарата», «Рамаяна», то есть классический эпос в узком смысле понятия), кардинально отличаются от эпоса, возникшего в условиях раннего западноевропейского феодализма (ирландские саги, древнескандинавские песни и саги, древнейшие памятники эпоса континентальных германцев, англо-саксонская «Песня о Беовульфе»), и от специфических форм эпопеи, развившейся в атмосфере кочевого феодализма у тюрко-монгольских народов Центральной Азии («Алпамыш», «Манас», «Джангар», «Гэсэриада»). Последние, в свою очередь, нельзя смешивать с эпическими памятниками развитого феодализма, к числу которых относятся ярко выражающие национальное самосознание и проникнутые высоким патриотическим пафосом армянский эпос о Давиде Сасунском, русские былины, героические песни южных славян и других балканских народов, французские и испанские эпопеи о Роланде и Сиде. Некоторые памятники феодального эпоса обнаруживают отчетливые черты куртуазного романа (немецкая «Песнь о Нибелунгах») или романического эпоса (поэмы о Кёр-оглы в Средней Азии и Закавказье). Указанные эпические произведения демонстрируют различную степень и различные формы как народного патриотического сознания, так и самого историзма, эволюционирующего в основном в сторону большей конкретности (3, с. 436).

Художественная природа мордовского эпоса подобна греческому и финскому эпосам, в которых также органически соединены космогонический миф и героическая песня, история мифологизированная и эпическая, совместно действуют боги и люди, доминирует мирное, созидательное мироощущение над воинским, а мерой всех вещей является человек, мыслимый как пользователь и хозяин земных богатств. Небогатырский характер присущ эпосам и других финно-угорских

народов, в которых, подобно мордовскому, героическое выражается «не в богатырских подвигах на поле брани, а в утверждении и сохранении своей семьи, рода, племени», «в утверждении земледелия, высоких моральных устоев народа» (4, с. 238). Известные мордовские фольклористы А.И. Маскаев и М.Ф. Ефимова героическое видят в семейно-бытовых и морально-нравственных подвигах, связанных с самопожертвованием того или иного персонажа во имя коллектива или членов своей семьи. С их точки зрения, источником героического может быть и не герой, а обыкновенный смертный человек. Вместе с тем М.Ф. Ефимова, не находя в поэме В.К.Радаева «Сияжар» (долгое время определявшейся как мордовский героический эпос) признаков героического эпоса, пишет об отсутствии героического эпоса в мордовском фольклоре вообще, ибо, по ее мнению, для его создания «не было объективных причин, породивших эпосы других народов» (4, с. 238).

По мнению венгерского ученого П.Домокоша, градация эпоса на различные виды и типы порождает неоднозначность его определений «не только в международной фольклористике, но и среди ученых одной страны. Эпосами считаются «Калевала» и «Калевипоэг», сознательно сложенные из народных поэтических произведений, поэмами считаются «Илиада» и «Одиссея»...» (5, с. 91–92). В отношении «Калевалы» различают собственно народную традицию, уходящую корнями в седую древность, и литературную, принадлежащую Э.Лённроту. Сочетание названных традиций породило новую художественно-эстетическую систему, где органически соединились коллективное и авторское начала. То же самое можно сказать о «Калевипоэге», в котором роль Ф.Крейцвальда еще значительнее. Как книжные формы народного эпоса эти произведения сохраняют связь с фольклором с точки зрения их содержания и миросозерцания, но теряют ее в языке и характере поэтической интерпретации текста, который в устно-поэтической традиции мог быть как стихотворным, так и прозаическим.

Книжные формы эпоса, в отличие от аутентичных эпосов, многожанровые произведения. При доминировании эпических сюжетов в них включаются также обрядовые и лирические песни, пословицы и поговорки, используются мифы, легенды, предания. Сложный симбиоз разнообразных жанров, сюжетов, персонажей превращает их в авторские литературные произведения, созданные на основе фольклорного материала. Ни «Калевалы», ни «Калевипоэга», ни «Масторавы» в фольклоре финнов, эстонцев и мордвы не существовало. Они плод авторского творчества, соединенного с научно-исследовательской работой и художественно-эстетическим воплощением полученных результатов, теоретических концепций. В.Я. Пропп в статье «Калевала в свете фольклора» писал: «Народ иногда и сам объединяет отдельные сюжеты путем контаминаций. Но народ никогда не создает эпопей – не потому, чтобы он этого не мог, а потому, что народная эстетика этого не требует... Эпос создается для пения, а не для чтения, и пение стремится к свободе и подвижности, тогда как эпопея неподвижна...» (6, с. 311). Задача книжной формы – воплотить древний фольклорный текст в оболочку совре-

менных представлений об истории, мифологии и эпосе народа, наделив его новой эстетикой, философией, идеологией. Книжная форма – не возрождение исчезнувшей традиции, что невозможно, а взгляд на эту традицию с высоты сегодняшнего дня сквозь призму письменного слова, рождающегося не при помощи импровизации во время коллективного спонтанного исполнения, а созданного в кабинетной тиши в процессе долгого многовариантного творческого труда с многократными исправлениями и переделками. Книжная форма изначально укладывается в заранее намеченную литературную схему и канонизируется.

Подходы к мордовскому героическому эпосу до сего дня окончательно не определились. А.В.Алешкин, обращаясь к полемике о художественной природе «Сияжара», пишет, что «и сторонники и противники его народного происхождения ведут споры, не вникая глубоко в само существо понятия героический эпос» (7, с. 22). Образцами народно-героического эпоса он называет произведения, созданные самим народом (песни о Тюштяне и Литове), или произведения, возникшие в результате соединения и обработки народных сказаний, песен, баллад героического содержания (7, с. 19). К такого рода эпосу, по его мнению, относится «Сияжар» В.К. Радаева, оцениваемый им как особая разновидность народного эпоса -- эпос историко-героический (8, с. 164). Сходное мнение во взгляде на «Сияжар» высказал П.Домокош: «В.К.Радаев в содержании своего эпоса соединил разнообразные элементы, мотивы и жанры фольклора. В этом смысле он поступил подобно создателю «Калевалы» Э.Леннроту» (9, с. 78). По П.Домокошу, у мордвы «наиболее богатая и красочная фольклорная эпика» среди ураловолжских финно-угров; «она богата как в мифологическом, так и в историческом плане» и как будто «сама предполагает формирование эпоса. И мордва пользовалась и пользуется этим своим необыкновенным богатством» (5, с. 103–104). П.Домокош, учитывая опыт мировой литературы, формирование «книжных» эпосов на основе фольклорной эпики считает закономерным явлением, рассматривая их как следствие появления общепринятого разговорно-литературного языка и становления народа как нации. Из «наивного» эпоса поэты большей или меньшей личной одаренности, объединяя разрозненный материал в законченное произведение, формируют эпос. Посредством подобной обработки и соблюдения норм и правил этого литературного вида и созданы все известные и малоизвестные эпосы мировой литературы (9, с. 69). М.Дуганчи в своей монографии «Eposet Sijzjar» (10) соглашается с точкой зрения А.В.Алешкина и П.Домокоша. И.К.Инжеватов «Сияжар» в «Истории мордовской советской литературы» охарактеризовал как «величайший памятник художественной культуры мордовского народа и вместе с тем свидетельство огромного труда талантливого писателя» (11, с. 273).

К «книжному эпосу» относятся произведения, созданные на основе подлинного фольклорного материала – мифов, песен и сказаний, возникших в героический век, содержание которых составляют повествования о зарождении мироздания и человеческого общества в его конкретном этническом образе. Такого рода эпосы не есть возрождение в современных условиях древних фольклорных форм.

они их литературные версии, изложенные на языке поэта-реставратора. Как невозможно выдумать историческую эпоху, так невозможно написать и эпос о прошлом, который всегда есть порождение конкретных событий и идей. Попытка того или иного автора, даже гениального, создать «народно-героический эпос» заведомо несостоятельна. Книжные эпосы типа «Калевалы», «Калевипоэга», «Масторавы» – плод глубочайших научных изысканий и талантливейшей поэтической идентификации, но не результат только литературной обработки.

Возникновение книжной формы эпоса в мордовской литературе имеет свою историю. Первые шаги в этом направлении были сделаны жителями эрзянского села Новая Тепловка Бузулукского уезда Самарской губернии Т.Е. Завражновым и С.А. Ларионовым, сотрудничавшими с Русским географическим обществом. В 1907 году по просьбе А.А. Шахматова они собрали материалы, которые были названы «Мордовская история. Об исходе мордовского наречия (эрзякель), об их царе Тюштяне и царице Паштене и о разных суевериях (sic) этого народа». Главным источником «Истории…» послужили рассказы 119-летнего старика Федяпора. По А.А. Шахматову, большая их часть представляет сплошной вымысел, разукрашенный вставками исторических имен и географических названий, совершенно произвольно приуроченных к древнейшей истории мордвы (12, с. 2). Некоторые современные комментаторы считают, что «Мордовская история» «написана в подлинно народном духе и пронизана теми же настроениями и мотивами, что и народные предания, легенды и сказки (13, с. 259). Н.Г. Юрченкова «Мордовскую историю» оценивает как «произведение, являющееся переходной ступенью от фольклора к собственно литературному творчеству» (14, с. 84). По А.А. Шахматову, рассматриваемое произведение «сильно напоминает, например, труды Каменевича-Рвовского, Андрея Лызлова и многих других русских баснословных бытописателей. Приемы сочинительства Завражнова и Ларионова весьма сходны с приемами, которым следовали средневековые наши книжники» (12, с. 5). Признавая наличие фольклорного элемента в сочинении Завражнова – Ларионова, А.А. Шахматов называет его произведением авторского содержания и формы, которое включает в себя признаки героического повествования и может рассматриваться как один из первых письменных памятников подобного рода, которому присуща книжная форма.

На другом уровне и в ином историческом и идеологическом направлении тему, поднятую Т.Е. Завражновым и С.А. Ларионовым, затронул эрзянский поэт Я.Я. Кулдуркаев в «сказке о древних временах» «Эрьмезь» (1935). Предметом его повествования стали взаимоотношения между героями, носящими имена древнего мокшанского князя Пурейши и эрзянского князя Пургаса, которые, однако, не имеют фактической связи с реальными историческими деятелями. Сюжет сказки составляет любовная драма, развивающаяся между дочерью Пурейши Котовой и сыном Пургаса Эрьмезем. Элемент героичности сочинению Я.Я. Кулдуркаева придает борьба между Пурейшей и Пургасом при участии половецкого и русского князей за укрепление мокшанской и эрзянской государственности. Суж-

дения литературоведов и фольклористов об «Эрьмезе» весьма кратки, фрагментарны. Он не оценивается ими как мордовский эпос, хотя содержит некоторые признаки последнего. Отсутствие должного внимания к поэме «Эрьмезь» объясняется прямолинейностью и противоречивостью ее содержания: Я.Я. Кулдуркаев изображает как враждебные отношения между мокшанским, эрзянским и русским княжествами. Пурейша вступает в союзнические отношения с русским и половецким князьями и силами войск трех княжеств подвергает разорению землю Пургаса. Таким образом нарушается традиция безоблачного взгляда на вековечную дружбу Эрзи, Мокши и Руси, история которых в действительности не лишена была антагонизма.

В ином свете контакты между Эрзянией и Русью представлены в «Сияжаре» (1960) В.К. Радаева, который в своем произведении следовал логике политических и идеологических установок 40–60-х годов XX века. Русские богатыри Слава и Волга помогают эрзянам села Гайрусы, расположенного на берегу реки Суры, в борьбе против хана Алаяра, учат их воинскому искусству, совместно с ними бьются под Казанью, Волга женится на эрзянке Витове, скрепляя воинскую дружбу брачными узами. Положительно в «Сияжаре» изображаются взаимоотношения эрзян с рядовыми татарами, которые не любят своих мурз и помогают русским и эрзянам в их борьбе с общими поработителями. Тематика «Сияжара», описываемые в нем события и персонажи по времени и статусу не героические и не богатырские, поскольку такие понятия, как геройство и богатырство к XVI столетию изжили себя. В XVI веке сформировался принципиально новый эпический жанр – историческая песня, отличающаяся реалистичностью и исторической достоверностью содержания и действующих лиц. В поэме В.К.Радаева вопреки логике развития фольклорной и литературной эпической поэзии действуют богатыри (Дуболго, Дувар, Сияжар, Гамзур, Слава, Волга), но природа их богатырства не раскрывается и не мотивируется. Поэтика в «Сияжаре» не эпико-героическая, что и обусловило при номинальном наличии в нем богатырей отсутствие богатырского духа, богатырских подвигов, богатырских нравов, богатырского миросозерцания. Автор констатирует богатырство таких персонажей, как Дуболго, Дувар, Сияжар и прочие, но не дает возможности читателю проследить развитие и увидеть признаки этого явления.

Безусловно, в момент появления «Сияжар» представлял собой примечательное явление (несмотря на недостатки, которые кажутся очевидными с высоты современного развития литературы и литературоведения), что позволило поставить его в ряд высокохудожественных произведений и назвать народным героическим эпосом. Особенно пафосно это определение прозвучало в устах И.К. Инжеватова (11, с. 273), Н.И. Черапкина (15, с. 75–86), А.В. Алешкина (16, с. 8–62), П.Домокоша (17), что отчасти объяснимо конкретными обстоятельствами времени, его вызвавшими. Против фольклорности «Сияжара» выступили фольклористы (А.И. Маскаев, Л.С. Кавтаськин, К.Т. Самородов, А.Г. Самошкин, М.Ф. Ефимова, А.М. Шаронов), но они были не до конца последовательны, ибо

признали использование В.К. Радаевым некоторых фольклорных мотивов, сюжетов, образов, вследствие чего произведение «рассматривать вне фольклора трудно» (18, с. 415). Не приведя теоретически обоснованных аргументов в пользу своей точки зрения, фольклористы подвигли литературоведов на более энергичное отстаивание своей позиции. А.В. Алешкин, обосновывая создание в середине XX века «историко-героического» эпоса, пишет, что у мордвы и некоторых других народов Поволжья героический эпос сложиться не успел вследствие установления монголо-татарского ига, затормозившего становление национального самосознания (19, с. 7). Обосновывая появление в наше время книжных форм эпоса, он ссылается на высказывание В.Г. Белинского, который считал, что народная эпическая поэма есть «идеализированное представление такого исторического события, в котором принимал участие весь народ, которое слито с религиозным, нравственным и политическим существованием народа и которое имело сильное влияние на судьбы народа» (20, с. 360). Если же у народа такой поэмы не явилось в полуисторическую эпоху политического существования, «ее должен создать какой-нибудь записной поэт» (20, с. 404). Эту мысль развил и один из комментаторов эстонского эпоса «Калевипоэг» Эндель Нирк: «Появление целостных эпосов, начиная со времен античной Греции, всегда было результатом сознательной организации материала, большей или меньшей литературной обработки, объединения и слияния многочисленных вариантов. И это вполне закономерно, так как при устной передаче даже самый выдающийся народный певец-импровизатор не мог бы точно запомнить сказания и легенды, достигающие порой объема в десятки тысяч строк» (21, с. 356). В свете сказанного А.В. Алешкин критикует А.И. Маскаева, стремящегося отторгнуть «Сияжар» от фольклора. А.И. Маскаев пишет: «Объемистые произведения в мордовском фольклоре встречаются редко. Поэтому мы решительно отвергаем, не принимаем в расчет романы и поэмы, сочиненные современными поэтами и выдаваемые за фольклорные героические поэмы. Эти стилизованные под фольклор поэмы не только не являются народными, но и противоречат характеру мордовской эпической поэзии» (18, с. 37). Суть точки зрения А.И. Маскаева сводится к отрицанию не книжных форм эпоса, созданных поэтами на основе народных героических песен и сказаний, а авторских сочинений, не имеющих под собой фольклорной основы, но выдаваемых за фольклорные. Таким образом, точка зрения А.И. Маскаева согласуется с мнением В.Г. Белинского, Э.Нирка и даже А.В. Алешкина.

В 1991 году В.К. Радаев опубликовал «ёвтамот» («сказания») под названием «Тюштя», представив их как, якобы, им лично собранные и литературно обработанные. Писатель предложил собственную версию жизни и деятельности древнеэпического мордовского правителя, отвлекшись от фольклорного материала.

Принципиально иной характер отношения к устно-поэтической традиции и использования ее поэтики, сюжетов и мотивов продемонстрировал А.М. Шаронов в эпосе «Масторава», увидевшей свет на эрзянском языке в 1994 году. Согласно отраженной на титульном листе информации, она написана на основе эрзянских и мокшанских мифов, эпических песен и сказаний. В предисловии

автор определяет свое произведение как литературный вариант мордовского героического эпоса. «Масторава» снабжена комментариями и списком фольклорных источников, словарем мифологических и эпических персонажей. Вследствие всего этого она открыта для понимания её художественной природы. В многочисленных отзывах рецензенты расходятся во мнении относительно доминирования в нем авторского и фольклорного начал. Н.Е. Адушкин в «Мастораве» увидел «монументальное эпическое произведение, которое достойно будет представлять мордовский народ и его культуру на международной арене» (22); член-корреспондент АН Украины О.Б. Ткаченко написал: «Масторава» – великая книга. Это – настоящая эрзянская Библия… Народ, который смог сквозь века гнета и унижения пронести такой бесценный духовный клад, заслуживает самого глубокого уважения. Он уже обессмертил себя в веках этой великой книгой» (23, с. 42); доктор филологических наук В.И. Демин считает, что А.М. Шароновым «создан труд поистине мирового значения, которому, несомненно, предстоит занять достойное место в ряду немногочисленных книжных памятников подобного характера, таких, как «Илиада» и «Одиссея» Гомера, «Калевала» Э.Леннрота, «Калевипоэг» Ф.Крейцвальда…» (24); «Каждая глава, каждое сказание «Масторавы», – пишет эрзянский романист и поэт А.М. Доронин, – это песня человека о человеке, о том, как надо стать борцом за свою нацию. Это и воссоздание забытых вековых традиций, приходящих к нам издалека. Это и наивно-материалистическая философия Инешкипаза, творца и защитника человека. Это и богиня красоты Анге, вносящая добро, любовь и красоту в род человеческий…» (25). Н.И. Чиняев оценил «Масторавy» как литературный вариант мордовского эпоса, «ее сюжет и композиция авторского происхождения, однако в них отражена логика развития эпического фольклора, а систематизация материала соответствует требованиям, принятым в мордовской и русской фольклористике» (26). Тщательному анализу подвергла «Масторавy» доктор философских наук Н.Г. Юрченкова, которая отметила, что «А.М. Шаронов при создании произведения, несомненно, отталкивался от фольклорных мотивов. При этом в некоторых сказаниях «Масторавы» народная основа сохранилась, претерпев существенную переработку, в других же она едва прослеживается. Исходя из этого и присоединяясь к мнению тех исследователей, которые считают, что композиция «Масторавы» и ее сюжет авторского происхождения, вышеназванную работу можно характеризовать как талантливое авторское произведение» (14, с. 94). Высокая оценка «Мастораве» как художественному и научному произведению дана в Финляндии в отзывах Пекки Лентонена (27).

«Масторавy» А.М. Шаронова, как о том пишет большинство рецензентов и критиков, безусловно, следует рассматривать как книжную форму мордовского героического эпоса. В ней мы видим плодотворное взаимодействие знаний и логики ученого с фантазией поэта. Создание книжной формы мордовского героического эпоса задержалось вплоть до конца XX века в связи с тем, что учеными не было разработано понятие героического эпоса. По этой причине не был

очерчен с достаточной определенностью круг героических сюжетов и героев. А.И. Маскаев среди эпических песен выделил «песни героического содержания» (18, с. 54–267), к которым отнес песни о борьбе человека со смертью, песни о построении города, песни о Литове, песни о борьбе с чудовищем и об избрании племенного вождя, песни об охотнике, рыболове и коне. Существует мнение, что из них героическими, то есть повествующими о мироустройстве, можно признать лишь песни о Литове и о Тюште (2). Космогонические сюжеты и герои вообще не подвергались анализу. В исследованиях Т.П. Девяткиной (28), Н.Ф. Мокшина (29), В.А. Юрченкова (30) рассматриваются некоторые космогонические персонажи, но вне художественного контекста.

Понятие «книжная форма героического эпоса» появилось для обозначения авторских поэм и эпопей, написанных на фольклорном материале, преобразованном в иную поэтическую систему, решающую отличные от фольклора художественные, идеологические и философские задачи. Мордовская «Масторава», так же как финская «Калевала» и эстонский «Калевипоэг» – яркое тому подтверждение. В них есть фольклорные персонажи и сюжеты, но нет фольклора как такового. Однако они сохранили слово и разум народа и имеют право именоваться его эпосом.

Эпос – автономное художественно-эстетическое и идеологическое образование. Его мир, события и персонажи, время и пространство порождаются реальной исторической действительностью, но не являются ее прямым отражением, независимы от нее, живут и развиваются по своим законам, природу которых абсолютно познать невозможно. Развитие идей происходит как под влиянием вещей, событий, так и под влиянием самих идей, причинно-следственные отношения между которыми едва уловимы. Авторы книжных форм эпоса вынуждены сочетать сознательное творчество с бессознательным, происходящим на уровне интуиции. Однако талант – явление тоже интуитивное, неосознанное, боговдохновенное, и в нем находят прекрасную гармонию мысль и чувство.

Мордовская «Масторава» по художественной природе ближе всего к «Калевале», «Калевипоэгу», «Лачплесису», что объясняется генетическим родством фольклора и культуры финнов, эстонцев, латышей. Отличается она от названных эпосов, помимо содержания и действующих лиц, степенью научной систематизации и организации материала, присутствием в ней, кроме художественного замысла, научной концепции. Автор «Масторавы» в меньшей степени, чем Лённрот, Крейцвальд и Пумпур, чувствовал себя свободным в своей фантазии, во введении в эпос вымышленных персонажей и мотивов, что можно рассматривать и как достоинство, и как недостаток произведения. Однако, следуя установке на фольклорную достоверность, на воспроизведение слова народа, он избрал единственно верный путь.

Опыт публикации «Масторавы» А.М. Шароновым в конце XX века показал: литературные версии древнего эпоса не имеют ограничения во времени для возникновения, они всегда актуальны, если свободны от фальсификации оригинала,

если выражают разум и дух народа, который бережно сохранял эпическую старину, но в то же время не закрывал дорогу в нее новому взгляду на прошлое и настоящее, ибо каждое поколение свое прошлое мыслит с точки зрения своего настоящего. К тому же аутентичный эпос «древний» лишь по сюжету и содержанию, по языку и художественно-изобразительным средствам он адекватен времени бытования, поколению, изустно хранящему и исполняющему его.

Книжная форма героического эпоса есть аутентичный текст в его научной систематизации и литературной обработке с учетом закономерностей возникновения и развития героической поэзии, особенностей ее содержания, формы, поэтики и эстетики.

Почти все народы, пережившие этап перехода от первобытности к государственной стадии развития, создали героический эпос, отразивший своеобразие их исторического бытия. Ввиду сходности происходивших экономических, социальных, политических и этнических процессов, форма и содержание героических мифов, песен и сказаний обнаруживают большую общность, что объясняется действием закономерностей исторической и фольклорно-культурной типологии. Народно-героические эпопеи как повествования о деятельности выдающихся героев, социально-политических и культурных демиургов, включают в себя множество сюжетов об их социальных и военных подвигах, которые имеют тенденцию к объединению и циклизации вокруг имени героя. Однако до образования одного монументального произведения в народно-поэтической традиции дело не доходит, ибо фольклор как устное творчество, ориентированное на коллективное исполнение, не терпит масштабных произведений, развернутых во времени. Возникают циклы разносюжетных песен и сказаний о подвигах героя. Большие эпические повествования создают ученые и поэты развитых письменных литератур, когда у народа появляется потребность в художественном осмыслении своего прошлого, а на его основе – настоящего и будущего. Данные эпопеи выступают как литературные версии устно-поэтических мифов, песен и сказаний, связанных общей тематикой («Илиада», «Калевала», «Калевипоэг», «Лачплесис», «Масторава» и др.). Все они результат сотворчества народа и автора, поэтому имеют в себе два начала, которые, переплетаясь подобно корням дерева, делают повествование сильнее и многомернее. Если бы автором «Калевалы» был не Э.Лённрот, получилась бы совершенно другая «Калевала», с другими сюжетами, персонажами, эстетикой, миросозерцанием. По этой причине перед исследователем стоит задача выяснить, что в книжном эпосе от поэта, а что от фольклора, в какой мере сюжет, содержание, поэтика, эстетика, философия и идеология этого эпоса принадлежат народу, а в какой – поэту. Важно также исследовать обратное влияние книжного эпоса на аутентичный эпос, то встречное течение, которое происходит между ними: воспринимает ли народ как «свой» эпос, возвращенный ему в письменном слове в интерпретации поэта.

Мордовский героический эпос по своей природе мифолого-исторический, в нем синтезированы миф и эпическая песня, сознание мифологическое и истори-

ческое. Однако в силу того, что он возник уже на стадии пробуждения исторического сознания и космогонический миф выступает как его органический компонент, то историзм в нем доминирует (в смысле изображения жизни народа с минимальным использованием волшебно-фантастического элемента). Космогонический миф не «затемняет» его, а, наоборот, «проясняет», выполняя функцию воспроизведения доисторического прошлого. Как вторичный элемент в героическом эпосе присутствует и архаика, описание родоплеменных отношений, главным образом столкновений между родами из-за земли, лугов, лесов и т.д., ибо эти конфликты преодолеваются с избранием инязора, царя. Следовательно, в момент возникновения героических песен данных межродовых столкновений уже не было и архаика в них вторичного, художественного порядка (как воспроизведение минувших процессов). Данная особенность аутентичного эпоса сохранена и в его книжном варианте. Отчетливо выраженный историзм обусловил ограниченное использование гиперболы в мифологической и собственно эпической частях эпоса, хотя здесь сказалось и своеобразие национального менталитета, мирный народный нрав, отсутствие гигантизма в социальных и этнических устремлениях, склонность к размеренной спокойной жизни.

Героический эпос – это поэтическая концепция национальной истории, в которой заключены социальная философия, идеология, этика, космогония народа, его представления о прошлом, настоящем, будущем, связанные с реализацией им своей этнокультурной миссии. В этой истории события и персонажи – суть олицетворенные идеи, которые стали актуальными под влиянием объективных общественных интересов. Поэтому с точки зрения идейного содержания героический эпос вполне реалистичен. Что касается его фактической стороны, то здесь господствует вымысел, за исключением географических реалий. События происходят в нем на эрзянской земле, в бассейнах рек Ра, Мокша, Сура, Клязьма, Ока.

Героический эпос формируется в эпоху господства мифологического мышления. Поэтому в нем мифологизации подверглись и события, и действующие лица, и пространство, и время, что выражается в их объективизации и в освящении именем Инешкипаза. Инешкипаз присутствует везде и во всем. Покровительствуя царю Тюштяну, он вмешивается в исторический процесс, становится соучастником совершаемых им деяний. Однако на ход истории он не оказывает влияния, так как лишь помогает в осуществлении того, что должно произойти.

Мифологизация истории в эпосе не есть ее «затемнение» или искажение. Миф одухотворяет ее, внося в нее элемент космической разумности, заставляет придерживаться определенных традиций и обрядов, учит людей соблюдению проверенных временем законов, норм, правил, вселяет в человека веру в благополучный исход событий, ибо их контролирует и направляет Инешкипаз, символизирующий добро и свет.

Время действия в эпосе – «Тюштянь пинге» – «Век Тюшти», охватывающий VIII–XVIII века, когда шло становление раннеклассовых отношений. Век Тюштяна – это особый идеальный эпический мир, живущий самостоятельной жизнью.

Сформировавшись как художественная модель героического века, героический эпос населил себя собственными персонажами и событиями и получил относительно независимое от реальной истории существование. Однако мыслит он о тех проблемах, которые потрясают живущих на земле людей. Героический эпос – повествование о прошлом, но прошлое питает современность так, как корни дерева питают его крону. Поэтому интерес к нему в каждом новом поколении актуализируется заново.

Возникновение книжной формы мордовского героического эпоса обусловлено пробуждением интереса у русской и зарубежной общественности к мордовскому народу, к его истории и культуре, наличием значительного фольклорного материала, накопленного собирателями и исследователями устно-поэтического творчества. Первые попытки создания связных повествований эпической направленности в конце XIX – начале XX века были далеки от концептуального взгляда на национальную историю и эпос, ибо не существовало их отчетливого знания и понимания. Однако они сыграли свою положительную роль, зародив идею составления и написания литературного варианта героического эпоса.

Невозможность создания полноценного произведения подобного рода была обусловлена недостаточной ориентированностью в эпическом материале, его неисследованностью, отсутствием понятия художественно-эстетической природы героического эпоса и его содержания. Собрание фольклорных материалов Х.Паасонена, в которых в наибольшей полноте представлены космогоническая мифология и героическая поэзия эрзи и мокши, опубликовано лишь в 1938–1947 и 1977–1981 годах. Первое монографическое исследование, посвященное мордовскому эпосу, принадлежащее А.И. Маскаеву, появилось в 1964 году (18). А.И. Маскаев, разобрав большинство эпических сюжетов, выделил песни героической тематики, сделав заключение, что героико-богатырский эпос у мордвы не сложился ввиду такой объективной причины, как отсутствие национальной государственности. Обошел своим вниманием ученый и космогоническую мифологию, ставшую составной частью героического эпоса, характерной особенностью которого является органическое слияние архаических сюжетов мифологического содержания с эпико-историческими песнями и сказаниями, где главным действующим лицом становится царь Тюштя, выступающий как богочеловек.

Мордовский героический эпос в целостном его виде как особая художественно-эстетическая система, воспроизводящая процессы зарождения и становления мордовской государственности и в связи с ней мордовской этнической общности, всесторонне исследован А.М. Шароновым, опубликовавшим в 2001 году монографию «Мордовский героический эпос: сюжеты и герои», посвященную героической поэзии (2). А.М. Шаронов сформулировал понятие мордовского героического эпоса, обозначил его важнейшие сюжеты и персонажи, рассмотрел главные темы, особенности поэтики и эстетики, своеобразие эпического и исторического сознания народа. Он показал, что развитие эпоса идет от мифа к песне. Песни продолжают тему мироустройства на земле, в мире людей. Они воспроизводят

жизнь и историю народа, сферу человеческих отношений. Влияние мифа на песню носит мировоззренческий характер. Миф рассказывает о происхождении мира, песня – об истории созданного Инешкипазом-Шкаем эрзя-мокшанского народа.

У авторов эпических произведений «Эрьмезь», «Сияжар» и «Тюштя» Я.Я. Кулдуркаева и В.К. Радаева научного взгляда на героический эпос даже на уровне своего времени не было. Они творили, не придерживаясь каких-либо литературоведческих и исторических концепций, свободно распоряжаясь фактами и персонажами. Тем не менее они затронули героическую тематику, сделали первые шаги в ее художественном освоении, подготовили почву для создания более совершенных поэтических произведений эпического плана. И в этом заключается их положительная роль.

«Масторава» А.М. Шаронова, написанная на основе фольклорных сюжетов и мотивов, представляет собой произведение совершенно другого рода, а именно литературный вариант героической поэзии мордвы. Поскольку она литературный вариант, то в ней несомненно присутствует авторское видение героического эпоса, его философии, эстетики, идеологии, круга основных персонажей и второстепенных действующих лиц. Однако при этом фольклорная основа сохраняется, и народность произведения не подвергается сомнению.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. *Гегель.* Лекции по эстетике. Сочинения. Т. IV. – М., 1958.

2. *Шаронов А.М.* Мордовский героический эпос: Сюжеты и герои. – Саранск, 2001.

3. *Мелетинский Е.М.* Происхождение героического эпоса. Ранние формы и архаические памятники. – М., 1963.

4. *Ефимова М.Ф.* Мордовский народный эпос и поэма В.К. Радаева «Сияжар» // Горение. – Саранск, 1986.

5. *Домокош П.* Формирование литератур малых уральских народов. – Йошкар-Ола, 1993.

6. *Пропп В.Я.* Фольклор и действительность. – М., 1976.

7. *Алешкин А.В.* Эпическая поэзия младописьменных народов Поволжья (дооктябрьский период). – Саранск, 1985.

8. *Алешкин А.В.* Эпос дружбы: (Типология жанра поэмы в литературе народов Поволжья). – Саранск, 1985.

9. *Домокош П.* Является ли «Сияжар» третьим финно-угорским эпосом? // Аспект–1989. Исследования по мордовской литературе. – Саранск, 1989.

10. *Dugantsy M.* Eposet Sijzar. – Uppsala, 1999.

11. История мордовской советской литературы. – Саранск, 1971. Т. 2.

12. *Шахматов А.А.* Из области новейшего народного творчества // Живая старина. 1909. Вып. 2–3.

13. Мордовское устное народное творчество. Учебное пособие. – Саранск, 1987.

14. *Юрченкова Н.Г.* Мифология в культурном сознании мордовского этноса. – Саранск, 2002.

15. *Черапкин Н.И.* В братском содружестве. – Саранск, 1969.

16. *Алешкин А.В.* Единство традиций: (Народ и личность в мордовской эпической поэзии). – Саранск, 1978.

17. *Домокош П.* Рядом с «Калевалой» («Сияжар» – фольклор и история для мордвы) // Советская Мордовия, 1984, 27 октября.

18. *Маскаев А.И.* Мордовская народная эпическая песня. – Саранск, 1964.

19. *Алешкин А.В.* «Сияжар» и эпическое наследие мордовского народа // Сияжар: Сказания мордовского народа. – М.: Современник, 1989.

20. *Белинский В.Г.* ПСС в 13 т. – М., 1964. Т. 7.

21. *Нирк Э.* Эстонский эпос «Калевипоэг» // Калевипоэг. Эстонский народный эпос. – Таллин, 1961.

22. *Адушкин Н.Е.* Эпос о красоте, мудрости и величии души народа // Известия Мордовии, 1996, 19 января.

23. *Ткаченко О.Б.* «Масторава» – эрзянская «Калевала» // Ткаченко О.Б. Письма далекого друга. – Саранск, 2004. С. 42.

24. *Демин В.И.* Вопреки всему… // Литературная Россия, 2002, 28 июня, № 26.

25. *Доронин А.М.* Источник жизни // Известия Мордовии, 1996, 10 января.

26. *Чиняев Н.И.* «Масторава» – эпос эрзи и мокши // Мордовия, 1995, 23 марта.

27. *Lentonen P.* «Mastorava» on pienen Kanzan Zankaritarina» // Kanzan Uutizet. 11.2.1998.

28. *Девяткина Т.П.* Мифология мордвы. – Саранск, 1998.

29. *Мокшин Н.Ф.* Религиозные верования мордвы. – Саранск, 1998.

30. *Юрченков В.А.* Хронограф, или Повествование о мордовском народе и его истории. – Саранск, 1991.

Elena Phedoseyeva

FORMATION OF THE BOOK FORMS OF MORDVINIAN HEROIC EPOS

Heroic epos, originated by all people for ages at the period of statement formation, extended their roots to ancient forms of folklore, to the mythology which strives to reproduce legendary pre-history of people and world in whole. With the appearance of the developed writing literature, songs and sayings which existed orally for ages, began to gather single integrity and gain book forms of existence. Epos is divided to heroic and bogatyr. Heroic style is characterized for archaic narration, bogatyr – for ethos of more later origin, when the question is state formation. Origin of book forms of Mordvinian heroic epos was conditioned by the interest of Russians and foreign societies in Mordvinian people, their history and culture. The first attempts of epos formation at the end of XIX and beginning of XX century were far from perfection. However, they played positive role when they generated idea of creation of literary variant of heroic epos. The first monographic research of Mordvinian epos was published in 1964. The author of this work was A.I. Maskayev. Mordvinian heroic epos was studied by A.M. Sharonov. He published epos "Mastorava" in 1994 and monograph "Mordvinian heroic epos: subject and heroes" in 2001. He showed that development of epos begins from myths to songs. Myths tells about the origin of world, the songs – about the history of creation of erzya and moksha people.

A.M. Sharanov's "Mastorava" is a literary variant of Mordvinian epos. The author's vision of epos, its philosophy, aesthetics, ideology and characters are presented in this epos. But folklore basis is saved and nationality of work is not called in question.

«Финно-угроведение», 2007, № 2

Серафима Сибатрова
Йошкар-Ола

ВКЛАД И.С. ГАЛКИНА В МАРИЙСКУЮ ЛИНГВИСТИКУ И РАЗВИТИЕ ДРУГИХ ГУМАНИТАРНЫХ НАУК В РЕСПУБЛИКЕ МАРИЙ ЭЛ
(штрихи к творчеству)

Профессор И.С. Галкин, известный финно-угровед, один из ведущих специалистов по марийскому языку, неизмеримо много сделал для развития марийских гуманитарных наук. Огромна его заслуга в исследовании актуальных вопросов марийской исторической и современной грамматики и лексикологии, ономастики, диалектологии, лексикографии, проблем контактирования марийского языка с другими, в решении языковых проблем прикладного характера.

И.С. Галкин начал свой творческий путь в стенах Марийского научно-исследовательского института языка, литературы и истории им. В.М. Васильева. Он проработал в институте более 35 лет. Время его работы в МарНИИ (с 2003 г. МарНИИЯЛИ) условно можно разделить на 3 периода: 1956–1960 гг. – время начинающего исследователя, 1960–1982 гг. – время работы в качестве директора, 1995–2006 гг. – время работы после возвращения в институт. В 1982–1995 гг. И.С. Галкин работал в Марийском государственном университете, первый год – в качестве научного консультанта, с 1983 г. – в должности профессора кафедры финно-угорских языков, в 1991–1992 гг. возглавлял кафедру марийской филологии.

И.С. Галкин поступил на работу в МарНИИ в августе 1956 г. Вначале работал в должности младшего научного сотрудника сектора языка. В январе 1959 г. был переведен старшим научным сотрудником, проработал в этой должности до сентября 1960 года. В этот период он написал и опубликовал около 10 статей: научные статьи по истории глагольных суффиксов, типов спряжения, лексики; публицистические статьи о зарубежных и марийских языковедах, внесших значительный вклад в марийское языкознание (академике Ф.И. Видемане и его работах, В.М. Васильеве, Э. Беке), и о творчестве марийских писателей (М. Якимова, М. Шкетана, О. Шабдара); ряд рецензий на книги (моногафию С.Я. Черных о жизни и творчестве О. Шабдара, учебник по синтаксису, сопоставительную грамматику русского и марийского языков Н.Т. Пенгитова). Особенно результатив-

ным был 1958 год. В феврале в Тартуском государственном университете И.С. Галкин защитил кандидатскую диссертацию на тему «Суффиксальное образование глаголов в современном марийском языке» и издал свою первую книгу «Залоги в марийском языке». В конце 1950-х гг. написал разделы «Введение в морфологию», «Местоимение», «Глагол» для книги «Современный марийский язык. Морфология» (1961).

В эти же годы по плану института И.С. Галкин приступил к активному сбору диалектологического материала и изучению марийских диалектов. Практически каждый год летом ездил в экспедиции в различные районы нашей республики, а также в другие республики и области – районы проживания марийцев. Так, в 1957 г. И.С. Галкин со студентом Е.Н. Мустаевым провел экспедиции в Оршанский, Новоторъяльский, Казанский районы МАССР и Лебяжский, Пижанский районы Кировской области. В 1958 г. с младшим научным сотрудником Л.П. Грузовым и студентом И.Е. Егоровым собирал материалы в Шарангском районе Кировской области и Тоншаевском районе Горьковской области, в 1959 г. со студентами пединститута – в Малмыжском и Шурминском районах Кировской области. В 1960 г. со старшим научным сотрудником Н.И. Исанбаевым и двумя студентами пединститута был в Пермской и Свердловской областях. Краткие итоги экспедиций 1958 и 1959 гг. опубликованы в 13 и 15 выпусках «Трудов МарНИИ», в них отражены главные фонетические и морфологические особенности изучаемых говоров.

В 1958 и 1959 гг. И.С. Галкин принимал участие во всесоюзных совещаниях – совещании по вопросам диалектологии финно-угорских языков (Тарту) и совещании по вопросам исторической грамматики и исторической диалектологии финно-угорских языков (Москва); на последнем выступал с докладом о происхождении двух типов спряжения в марийском языке.

1 сентября 1960 г. И.С. Галкина назначили директором МарНИИ. В качестве директора он проработал до января 1982 г., когда был освобожден с должности в связи с выходом на пенсию. Именно в этот период И.С. Галкин внес неоценимый вклад в развитие института и гуманитарных наук в республике. Он успешно сочетал трудную научно-организаторскую деятельность с плодотворной исследовательской работой.

Умелое руководство И.С. Галкина проявилось во многих направлениях: в неуклонном увеличении штата института, создании новых секторов, повышении квалификации научных сотрудников и подготовке дипломированных кадров, организации научной деятельности, издании результатов исследования сотрудников.

В этот период принято (или переведено) на должность научного сотрудника в разные подразделения института более 80 человек: в 60-е гг. – Г.Н. Айплатов, А.Е. Иванов, И.Г. Иванов, Н.И. Куторов, Д.Е. Казанцев, С.Я. Черных, А.А. Саваткова, К.Н. Сануков, К.К. Васин, А.С. Патрушев, В.А. Акцорин, А.Н. Чимаев, В.И. Демин, А.А. Микин, А.М. Александров, О.К. Егорова, А.Е. Китиков, В.П. Васильев; в 70-е – начале 80-х гг. – В.А. Петров, В.Н. Аблинов, А.П. Виноградова,

А.Н. Сидорова, А.Ф. Бугаев, В.В. Никитин, Р.С. Николаева, Г.И. Соловьева, Д.М. Кульшетов, З.Г. Медведева, Г.И. Зайниева, В.И. Куликов, Н.И. Исанбаев, И.Ф. Васильев, А.А. Беляков, Л.А. Дубровина, А.А. Абрамова, В.Д. Шаров, А.Т. Горинов, Л.В. Добронравова, А.С. Казимов, Т.А. Болло, Н.И. Рябчикова (Кульбаева), Н.С. Попов, Л.А. Петухова, Т.А. Товашова (Рыбалка), А.В. Краснова, Л.М. Серебрякова, В.И. Шабыков, А.Н. Куклин, А.Г. Иванов, В.П. Яковлева, О.В. Орлова, Г.Л. Кубаев, Ю.М. Иванов, Т.Б. Шикаева (Никитина), С.С. Сабитов, В.В. Кузнецов, А.А. Васинкин, Б.С. Соловьев, В.С. Соловьев, В.И. Рыбалка, Т.Л. Молотова, А.А. Лукаев, И.А. Андреев, А.С. Ефремов, Е.А. Чемекова (Алексеева), В.И. Сухин, М.М. Калямшин, Р.Л. Филиппова, В.Н. Петров, В.И. Вершинин, Г.Н. Сандаков, А.С. Ефремов, С.Н. Исанбаев, С.Е. Лохачев, С.В. Нефедов, А.М. Медведев, С.Г. Якимов, Е.В. Чурилин, О.Н. Тихонов, С.С. Сибатрова. В начале 80-х гг. количество научных сотрудников института составило более 40 единиц.

По понятным причинам найти дипломированных специалистов тогда было крайне трудно, поэтому предпринимались значительные усилия для повышения квалификации сотрудников. Им часто организовывали научные, служебные командировки в разные города страны (Москву, Ленинград, Таллин, Тарту, Саранск, Ижевск, Сыктывкар, Уфу, Казань, Горький, Чебоксары, Киров и др.), республики (Козьмодемьянск, Волжск) для работы в научных библиотеках, научно-исследовательских учреждениях и госархивах, для консультаций у известных ученых, обсуждения своих исследований, а также для решения вопросов издания книг. Молодые сотрудники направлялись на курсы по подготовке в аспирантуру, на стажировку в ведущие научные центры страны. Научные сотрудники ездили на научные конференции, совещания, сессии. Они командировались также в районы, хозяйства, населенные пункты республики для работы в местных архивах, сбора материалов по темам исследований, обследования археологических объектов и т.д.

Большое внимание уделялось подготовке высококвалифицированных специалистов по разным гуманитарным наукам. В 1960-е – начале 80-х гг. в аспирантуры Москвы, Ленинграда, Тарту, Казани и некоторых других городов были направлены: по языку – Л.Ш. Арсланов, И.Г. Иванов, А.Н. Куклин, В.В. Кузнецов, Л.А. Петухова, А.С. Ефремов, В.И. Вершинин, С.С. Сибатрова; по литературе - И.С. Иванов, А.Е. Иванов, А.М. Александров, В.И. Куликов, А.А. Васинкин, Г.Л. Кубаев, Г.Н. Сандаков; по фольклору – В.А. Акцорин, А.Е. Китиков, С.С. Сабитов; по истории – К.Н. Сануков, А.С. Патрушев, А.Н. Чимаев, Г.Н. Айплатов, В.И. Демин, В.Н. Аблинов, Л.А. Дубровина, А.С. Казимов, С.И. Васильева, В.П. Яковлева, В.И. Рыбалка; по этнографии – Г.А. Сепеев, И.Н. Смирнов, В.Д. Шаров, Н.С. Попов, И.А. Андреев, Т.Л. Молотова, В.Н. Петров; по археологии – Г.А. Архипов, В.В. Никитин, Т.Б. Никитина, Б.С. Соловьев; по экономике – И.Ф. Васильев; по социологии – А.Ф. Бугаев, В.И. Шабыков, В.П. Васильев, Ю.И. Васильев, О.В. Орлова. Впоследствии многие из них защи-

тили диссертации, стали кандидатами наук, а некоторые (И.С. Галкин, И.Г. Иванов, А.Е. Китиков, К.Н. Сануков, Г.Н. Айплатов, Л.А. Дубровина, Г.А. Архипов, В.В. Никитин, Т.Б. Никитина, А.Н. Куклин) – докторами наук. В этот период МарНИИ был кузницей дипломированных специалистов. Надо отметить, что в настоящее время во многих высших образовательных учреждениях республики успешно работают преподаватели-ученые, получившие соответствующую подготовку по направлению МарНИИ.

Благодаря постепенному пополнению штата специально подготовленными кадрами разных направлений появилась возможность открывать в институте совершенно новые секторы. В 1960 г. в институте было 3 сектора: языка, истории и этнографии, литературы и фольклора. Исходя из требований научной и практической жизни республики в 1967 г. был создан сектор экономики. В сентябре 1977 г. он реорганизован в сектор социологии, ставший центром социологических исследований в республике. Учитывая необходимость совместных полевых исследований для решения проблем этногенеза марийского народа, в 1969 г. был учрежден объединенный сектор археологии и этнографии. В феврале 1981 г. в соответствии с письмом Министерства финансов РСФСР, установившим минимальное число сотрудников научных подразделений не менее 10 человек, осуществлено объединение в одно подразделение 1) сектора истории и социологии и 2) сектора литературы, фольклора и искусства. В 1981 г. в институте стало 4 сектора, помимо вышеназванных, сектор языка, сектор археологии и этнографии. В июне 1981 г. «в целях лучшей организации труда» объединенный сектор истории и социологии был разделен на два самостоятельных сектора: сектор истории и сектор социологии.

Успешное решение кадровых вопросов и проблем повышения уровня квалификации сотрудников дало замечательные результаты. В 1960-е – начале 80-х гг. институтом издано около 120 книг. Это, прежде всего, 40 выпусков «Трудов МарНИИ» (15–55), посвященных широкому кругу вопросов языка, литературы, фольклора, истории, археологии, этнографии, искусства мари. В рамках данных трудов изданы также 3 тома «Трудов Марийской археологической экспедиции» (1960, 1962, 1966), 6 выпусков серии «Археология и этнография Марийского края» (1976–), 6 выпусков серии «Вопросы марийского языка» (1975–), 3 выпуска серии «Вопросы марийского фольклора и искусства» (1977–), 3 выпуска серии «Вопросы марийской ономастики» (1978–). Кроме того, выпущены такие фундаментальные труды, как «Современный марийский язык» – 3 тома четырехтомной научной грамматики: морфология (1961), синтаксис сложного предложения (1961), лексикология (1972); первая часть «Очерков истории марийской литературы» (1963), первая часть «Очерков истории Марийской АССР» (1965), «Историческая грамматика марийского языка» в двух частях И.С. Галкина (1964, 1966), «Русско-марийский словарь» (1966), «Марийский орфографический словарь» (1972), «Вопросы аграрной истории Среднего Поволжья» в двух частях (1978).

Вышло в свет около 30 монографий и отдельных книг сотрудников, в т.ч.: «Деепричастия в марийском языке» Н.И. Исанбаева (1961), «Драматургия Н. Арбана» А.Е. Иванова (1962), историко-литературный справочник «Псевдонимы марийских литераторов» К.К. Васина (1965), сборник литературно-документальных материалов «Публицистика М. Шкетана» (1966, сост. – С.Я. Черных), творческий портрет «Анастасия Гавриловна Страусова» М.А. Георгиной (1968), историко-литературный очерк «Творческие взаимосвязи марийской литературы» К.К. Васина (1969), «Марийская драматургия» А.Е. Иванова (1969), «Русские заимствования в марийском языке» А.А. Саватковой (1969), «Северо-западное наречие марийского языка» (1970) и «Словарь северо-западного наречия марийского языка» (1971) И.Г. Иванова и Г.М. Тужарова, «Марийский поэт Н.С. Мухин» Н.А. Александрова и К.К. Васина (1970), «Живой камень: Русские писатели о марийском крае» (1970, сост. – К.К. Васин), «Марийцы IX–XI вв.» Г.А. Архипова (1973), очерк «С. Чавайн в Казани. Годы учебы в учительской семинарии» А.С. Патрушева (1973), «Марийские народные загадки» А.Е. Китикова (1973), «Марийская деревня в период империализма» А.С. Патрушева (1974), «Национальные традиции в опере Э. Сапаева “Акпатыр”» О. Егоровой (1974), «История марийского литературного языка» И.Г. Иванова (1975), «Восточные марийцы» Г.А. Сепеева (1975), очерк творчества «Ким Васин» А.М. Александрова (1975), историко-литературоведческие очерки «Просветительство и реализм» К.К. Васина (1975), «Марийская народная драма» В.А. Акцорина (1976), «Социологические исследования – в практику идеологической работы» В.С. Соловьева (1977), «Истоки финно-угорского родства» Д.Е. Казанцева (1979), «Марийский драматический театр» М.А. Георгиной (1979), историко-литературоведческий очерк «История и литература» К.К. Васина (1980), «Глагольно-именные словосочетания в марийском языке» Л.А. Петуховой (1980), «Орнамент марийской вышивки» Г.И. Соловьевой (1982). Они представляли собой в основном результаты плановых исследований по языку, литературе, истории, театру, музыке, археологии, этнографии.

Изданы сборники произведений по отдельным жанрам фольклора: «Марийские народные загадки» (1967, авт. и сост. – А.Е. Китиков), «Песни уржумских мари» (1971, сост. – Д. Кульшетов), «Частушки горных мари» (1971, сост. – В.А. Акцорин, Н.П. Егоров, К.Г. Юадаров), «Марийские легенды и предания» (1972, сост. – В.А. Акцорин), «50 танцевальных мелодий для баяна» (1973, сост. – Д.М. Кульшетов), «Марийские народные приметы» (1977, авт. и сост. – А.Е. Китиков).

Выпущены отдельные тематические сборники по финно-угроведению, истории сельского хозяйства, литературе; 3 выпуска материалов к археологической карте МАССР (каталог памятников); тезисы докладов и материалы крупных научных сессий (1965, 1974, 1975, 1977), регулярных научных сессий по итогам исследовательских работ института, конференций молодых ученых (1980, 1982); более 10 вопросников по изучению мнения отдельных категорий населения отно-

сительно различных проблем, справочные издания в связи 50-летним юбилеем МарНИИ (библиографический указатель, текст доклада).

В 1960–70-е гг. были достигнуты крупные успехи в сборе полевых материалов. В соответствии с планами научно-исследовательских работ организовано более 200 экспедиций по сбору диалектологических, топонимических, фольклорных, музыкальных, этнографических, археологических материалов, материалов прикладного искусства. По итогам экспедиций составлялись подробные научные отчеты, а в начале 60-х гг. они рассматривались и утверждались на Совете института.

В 1960–70-е гг. институтом организованы и проведены 4 крупные конференции: в 1965 г. – научная сессия по этногенезу марийского народа, в 1969 г. – XIII Всесоюзная конференция по финно-угроведению, в 1975 г. – научная сессия «200 лет марийской письменности», в 1976 г. – I конференция историков-аграрников Среднего Поволжья. Помимо этого, с 1963 г. в институте организовывались ежегодные сессии по итогам исследовательских работ (проведено 9 таких сессий), в 1979–82 гг. состоялись 4 конференции молодых ученых. Тезисы и материалы почти всех научных мероприятий были опубликованы.

В январе 1981 г. в связи с 50-летием создания МарНИИ за заслуги в исследовании марийского языка, литературы и истории, развитии просвещения и культуры институт был награжден орденом «Знак Почета». В этом, несомненно, заслуга И.С. Галкина как директора, возглавлявшего институт в течение 21 года.

Несмотря на большую загруженность обязанностями директора, И.С. Галкин активно работал над исследованием проблем марийского и финно-угорского языкознания. В 1960–70-е гг. им опубликовано около 50 работ. Это, прежде всего, монография, научные статьи, тезисы и тексты докладов, рецензии на книги, справочные статьи о состоянии и развитии марийского языкознания, учебные программы для вуза, публицистические статьи.

В начале 1960-х гг. И.С. Галкин усиленно занимался вопросами исторической грамматики марийского языка. Написал статьи об истории падежей, личных форм глаголов, числительных. Главным итогом стал хорошо известный в ученом мире фундаментальный труд в двух частях «Историческая грамматика марийского языка» (1964, 1966). По данной теме 10 января 1968 г. в АН ЭССР И.С. Галкин защитил докторскую диссертацию.

Еще в первой половине 1960-х гг. у И.С. Галкина появился интерес к топонимике, впоследствии ставшей одним из главных направлений в его исследовательской деятельности. Так, в сентябре 1963 г. в газете «Марий коммуна» И.С. Галкин опубликовал статью о необходимости сбора топонимического материала, в 1965 г. выступал с докладами о топонимии Марийского края на Всесоюзной конференции по финно-угроведению в Сыктывкаре и на научной сессии по этногенезу марийского народа в Йошкар-Оле.

В начале 1970-х гг. совместно с Н.Т. Пенгитовым и З.В. Учаевым участвовал в разработке орфографических и пунктуационных правил и составлении словника «Марийского орфографического словаря» (1972).

В 1970-е гг. И.С. Галкин начал заниматься также проблемами контактирования языков, в 1970, 1974, 1977, 1979 гг. опубликовал на эту тему ряд статей и тезисов докладов.

В середине 1970-х гг. в журнале «Советское финно-угроведение» напечатаны его рецензии: на книгу А.Е. Смиренникова о залогах в мордовских языках (1973), книгу Л.В. Бобковой об ударных и безударных гласных марийского языка (1975) и кандидатскую диссертацию Э.С. Якимовой о соматических фразеологизмах в марийском языке (1976).

В 1972–75 гг. И.С. Галкин был первым заведующим кафедрой марийской филологии только что открывшегося университета. В связи с этим им разработаны программы для студентов отделения марийской филологии – по исторической грамматике марийского языка (в соавт. с Л.П. Грузовым) и по основам финно-угроведения. В конце 1970-х и начале 1980-х гг. совместно с Е.Н. Мустаевым написана и издана на марийском языке книга в двух частях «Основы финно-угроведения» (1980, 1984), предназначенная, прежде всего, для студентов.

В 1979 г. И.С. Галкин опубликовал статьи об истории латива на *-n* в финно-угорских языках и о развитии системы глагольных времен в марийском языке. В начале 1980-х гг. напечатал около 10 статей по исторической лексикологии (о монголизмах) и исторической грамматике (о хронологии в развитии местных падежей), фонетике (о гармонии гласных в горном и северо-западном наречиях), топонимике (о типах марийских топоформантов, топонимические этюды и заметки).

В 1960–70-е гг. И.С. Галкин продолжал ездить в экспедиции, но уже с целью сбора топонимического материала: в 1962 г. повторил экспедицию в Свердловскую и Пермскую области, в 1963 г. ездил в Мари-Турекский район МАССР и Малмыжский, Кильмезский районы Кировской области, в 1964 г. – вновь в Малмыжский, Кильмезский районы Кировской области, в 1965 г. с К.Н. Сануковым – в Чувашию и Горномарийский район МАССР, после длительного перерыва в 1972 г. – по территории МАССР, в 1973 г. – в Юринский район, в 1974 г. – в Звениговский район, в 1975 г. – в Волжский район. Собранный в экспедициях богатый материал в дальнейшем стал фактической базой для разноплановых исследований по марийской топонимии. В результате были опубликованы многочисленные статьи (прежде всего в серийном издании «Вопросы марийской ономастики», с 1978 по 2001 гг. вышло 9 выпусков, гл. ред. – И.С. Галкин) и изданы широко известные книги «Тайны марийской топонимики» (1985), «Кто и почему так назвал? Рассказ о географических названиях Марийского края» (1991), «Марийская ономастика. В помощь краеведу» (2000, на марийском языке), «Топонимика Республики Марий Эл. Историко-этимологический анализ» (2002, соавт. – О.П. Воронцова).

В тот период И.С. Галкин активно участвовал в научных и научно-практических конференциях, совещаниях, сессиях различных уровней. Так, выступал с докладами на институтских конференциях: на конференции, посвященной 90-летию со дня рождения В.М. Васильева (Йошкар-Ола, 1973), о научной и педагогической деятельности видного ученого; на конференции, посвященной 100-летию со дня рождения Г.Г. Кармазина (Йошкар-Ола, 1982), о вопросах истории марийского языка в трудах известного лингвиста. Прочитал доклады на республиканских сессиях: на сессии по этногенезу марийского народа (Йошкар-Ола, 1965) о топонимике Марийского края в связи с вопросом происхождения марийского народа, на сессии «200 лет марийской письменности» (Йошкар-Ола, 1975) о формировании марийской письменности и литературного языка. Принимал участие в работе всесоюзных конференций и совещаний: на совещании по вопросам финно-угорской филологии (Петрозаводск, 1961) выступал с докладом об истории марийских падежей; на совещании по проблеме «Русский язык и советское общество» (Алма-Ата, 1962); на XI Всесоюзной конференции финно-угроведов (Сыктывкар, 1965) прочитал доклад о пермской топонимике на территории МАССР; на XII Всесоюзной конференции финно-угроведов (Ижевск, 1967); на XV Всесоюзной конференции финно-угроведов (Петрозаводск, 1974) сделал доклад о вопросах контактирования языков; на конференции «Русский язык и советское общество» (Москва, 1974); на конференции по теории языкознания (Москва, 1974). В 1964 г. участвовал в научной сессии по этногенезу мордвы в Саранске.

В эти годы И.С. Галкин участвовал в 5 Международных конгрессах финно-угроведов: был участником I (Будапешт, 1960) и II (Хельсинки, 1965) конгрессов, на III конгрессе (Таллин, 1970) выступал с докладом о некоторых вопросах проницаемости языков, на IV (Будапешт, 1975) – о финно-угорском и не финно-угорском в системе глагольных времен марийского языка, на V (Турку, 1980) – о причинах возникновения гармонии гласных в горном и северо-западном наречиях марийского языка и (в соавт. с Ф.И. Гордеевым) о типах марийских топоформантов. В августе 1964 г. был участником Международного конгресса антропологических и этнографических наук как действительный член конгресса.

Плодотворным для ученого был период с середины 80-х до середины 90-х гг. прошлого столетия. В это время, помимо многочисленных статей (большей частью по топонимии, этимологии слов, а также юбилейных) и рецензий, им написаны и изданы отдельные монографии и учебные пособия для студентов на марийском языке. Это вышеназванные монографии по топонимии («Тайны марийской топонимики», 1985; «Кто и почему так назвал? Рассказ о географических названиях Марийского края», 1991) и пособия по исторической грамматике и исторической лексикологии марийского языка (1986). В эти годы И.С. Галкин принимал активное участие в составлении многотомного «Словаря марийского языка», «Марийско-финского словаря» (Турку, 1992, соавт. – В.Н. Васильев, А. Мойсио), орфографического словаря (1992).

И.С. Галкин был одним из инициаторов и организаторов открытия при Марийском государственном университете аспирантуры по подготовке специалистов по марийскому языку (1991), а также специализированного совета по защите кандидатских (1991) и докторских (1993) диссертаций по финно-угорским и самодийским языкам. Он является его председателем до настоящего времени. За время существования совета защищено 74 (49 кандидатских и 25 докторских) диссертаций по финно-угорским языкам. 6 диссертаций защищено под научным руководством И.С. Галкина.

В октябре 1995 г. И.С. Галкин вернулся в МарнИИ, где проработал (с небольшими перерывами) до 2006 года: вначале, более 3 лет, в качестве ведущего научного сотрудника; в январе 1999 г. был назначен на должность заведующего отделом языка; в сентябре 2001 г. по собственному желанию уволился с работы, вернулся на полставки ведущего научного сотрудника в сентябре 2002 г., в марте 2003 г. был переведен на работу по договору, работал по договору до июля 2006 г.

В это время в институте И.С. Галкин занимался составлением и редактированием 10-томного «Словаря марийского языка». Им составлены словарные тексты на часть букв **Д**, **У**, **Ч** и полностью на буквы **Г**, **Ы**, Ы, **Ю**; отредактированы последние шесть томов словаря. Для юбилейного издания МарНИИ им написана подробная статья о развитии отдела языка за 70 лет (2001). В последние годы в составе орфографической комиссии И.С. Галкин (практически возглавлял комиссию) много работал над совершенствованием правил орфографии и составлением орфографического словаря марийского лугово-восточного литературного языка.

В первые годы нового века И.С. Галкин выпустил три книги: учебные пособия на марийском языке «Марийская ономастика. В помощь краеведу» (2000) и «Современный марийский язык. Лексикология» (2003, соавт. – Л.И. Барцева), словарь с историко-лингвистическим анализом географических названий «Топонимика Республики Марий Эл» (2002, соавт. – О.П. Вороноцова).

В журналах «Финно-угроведение» и «Лингвистика. Уралика» И.С. Галкин опубликовал множество рецензий на монографии, словари: в 1998 г. на книгу А.Н. Куклина «Топонимия Волго-Вятского региона»; в 2000 г. на «Словарь синонимов марийского языка» Е.Н. Мустаева, «Breakthrogh in Present-Dau Uralistics» А. Кюннапа, «Диалектный словарь марийского языка» Э. Беке, книгу «Республика Марий Эл. Сернурский район. Прошлое и настоящее» Д.Е. Казанцева; в 2004 г. на книгу «Орфоэпия лугово-восточных мари» А.Н. Куклина, «Словарь неологизмов» И.Г. Иванова; а также юбилейные статьи о Ф.И. Гордееве, Н.И. Исанбаеве, М.И. Федотове, Н.Т. Пенгитове.

На страницах республиканских газет «Марий Эл» и «Кугарня» напечатаны его публицистические статьи по проблемам орфографии, литературного языка и юбилейные статьи о зарубежных исследователях марийского языка (А. Регули, А. Генеце, Х. Паасонене).

В течение последних 10 лет, как и раньше, И.С. Галкин активно участвовал в различных конференциях. Выступал с докладами на конференциях межвузовского, республиканского уровней: на конференции «Актуальные проблемы развития, изучения, преподавания марийского языка в условиях марийско-русского двуязычия» (Йошкар-Ола, 1987) об основных итогах и задачах марийского языкознания; на конференции «Финские ученые о языке и культуре марийского народа» (Йошкар-Ола, 1996) об изучении финскими учеными проблем исторической грамматики марийского языка; на конференции, посвященной 110-летию со дня рождения краеведа-исследователя М.Н. Янтемира (Йошкар-Ола, 1997) о значении работы «Описание Маробласти» для топонимистов и историков; на ежегодной конференции по краеведению (Йошкар-Ола, 1998) об ономастической лексике в школьном обучении; на конференции «Марийцы: проблемы социального и национально-культурного развития» (Йошкар-Ола, 1999) о неотложных задачах языковедов РМЭ; на конференции «Проблемы развития марийского языка как государственного» (Йошкар-Ола, 2000) об актуальных задачах марийских языковедов; на конференции, посвященной 120-летию со дня рождения Г.Г. Кармазина (Йошкар-Ола, 2002), о Г.Г. Кармазине как лингвисте; на конференции «Проблемы современной марийской терминологии» (Йошкар-Ола, 2003) об особенностях марийской терминологии. Прочитал доклад о роли азелинской и городецкой культур в этногенезе мари по данным языка и топонимии на региональной конференции «Этногенез и этническая история марийского народа» (Йошкар-Ола, 2000).

Во второй половине 1990-х гг. и первые годы XXI в. участвовал в Международных конференциях по финно-угроведению, состоявшихся, прежде всего, в Йошкар-Оле: на конференции «Структура и развитие волжско-финских языков» (1996) выступал с докладом о наличии формы будущего времени в финно-угорском праязыке, на конференции «Европейские исследования: проблемы и перспективы развития» (1998) – об изучении венгерскими учеными вопросов исторической лексикологии марийского языка, на конференции «Финно-угорский мир и XXI век» (1998) – о критерии определения времени и источника проникновения иноязычных слов и форм, на конференции по топонимии Поволжья (Волгоград, 1998) – об угорских элементах в топонимике РМЭ, на конференции «Актуальные проблемы финно-угорской филологии» (2000) – о первоначальном значении слов ***лап*** и ***лоп*** в марийском языке, на конференции по терминологии финно-угорских языков (2002) – о передаче официальных и неофициальных названий населенных пунктов на вывесках и указателях дорог. Тексты всех докладов или тезисы опубликованы в специальных сборниках материалов конференций.

В августе 2005 г. на X Международном конгрессе финно-угроведов (Йошкар-Ола) И.С. Галкин являлся соавтором пленарного доклада «Развитие финно-угроведения в РМЭ в конце XX – начале XXI веков» и комментатором пленарного доклада Г. Берецки «Взаимосвязи языков волжско-камского ареала»,

сделал доклад «Марийско-мордовские лексические параллели» на секционном заседании. Принимал активное участие в организации данного конгресса в качестве одного из редакторов.

И.С. Галкин участвовал в редактировании многих изданий по марийскому языку: монографий «Современный марийский язык. Фонетика» (1960) и «Современный марийский язык. Морфология» (1961), сборников «Вопросы марийского языкознания» (1976) и «Проблемы русско-финно-угорского двуязычия и межъязыковых контактов» (1988), сборников материалов конференций «В.М. Васильев» (1985) и «Финские ученые о языке и культуре марийского народа» (2002). Являлся главным или ответственным, или научным редактором отдельных выпусков «Трудов МарНИИ» (1961), монографии «Современный марийский язык. Синтаксис сложного предложения» (1961), «Русско-марийского словаря» (1966), «Исторической грамматики марийского языка» Л.П. Грузова (1969), «Северо-западного наречия марийского языка» (1970) и «Словаря северо-западного наречия марийского языка» И.Г. Иванова и Г.М. Тужарова (1971), «Истоков финно-угорского родства» Д.Е. Казанцева (1979), «Этимологического словаря марийского языка» Ф.И. Гордеева (1979, 1983), монографий Ю.В. Андуганова «Слово или словосочетание» (1985) и «Историческая грамматика марийского языка. Синтаксис. Ч. I. Введение. Субстантивные словосочетания» (1991), сборника материалов республиканской конференции «Проблемы развития марийского языка как государственного» (2000), «Словаря синонимов марийского языка» Е.Н. Мустаева (2000), серии «Вопросы марийской ономастики», учебного пособия для студентов «Марийская диалектология» И.Г. Иванова (1981), десятитомного «Словаря марийского языка» (1990–2005). Он являлся членом редколлегии журнала «Советское финно-угроведение» (1965–1978), является членом редколлегии ежегодника «Марийский археографический вестник». И.С. Галкин был рецензентом множества изданий по марийской лингвистике, монографий марийских языковедов.

Большая научно-организаторская и многосторонняя исследовательская деятельность видного ученого получила заслуженное признание. За большой вклад в развитие науки в республике профессор И.С. Галкин награжден Почетными грамотами Президиума Верховного Совета МАССР (1960, 1965, 1972), медалью «За доблестный труд. В ознаменование 100-летия со дня рождения В.И. Ленина» (1970), медалью «Ветеран труда» (1985), орденом «Знак Почета» (1991), медалью «50 лет Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» (1995), Почетной грамотой Государственного Собрания Республики Марий Эл (2005), ему присвоены звания «Заслуженный деятель науки МАССР» (1975), «Заслуженный деятель науки РСФСР» (1981), «Лауреат Поволжской ассоциации классических государственных университетов» (2001). Он является зарубежным членом Финно-угорского общества (1973), академиком Национальной академии наук и искусств Чувашской республики (1992), почетным профессором МарГУ (1996).

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Библиографический указатель научных трудов за 50 лет (1930–1980). – Йошкар-Ола, 1981.

2. Библиографический указатель научных трудов МарНИИ (1981–1990). – Йошкар-Ола, 1991.

3. Библиографический указатель научных трудов МарНИИ (1991–2000). – Йошкар-Ола, 2000.

4. МарНИИ – 70 лет (1930–2000). – Йошкар-Ола, 2001.

5. Марийские лингвисты: Биобиблиографический сборник / Мар. гос. ун-т. Сост.: И.Г. Иванов, В.Н. Васильев. – Йошкар-Ола, 2005.

6. Ученые Марийского государственного университета: Библиографический справочник / Под общ. ред А.Г. Иванова. Сост.: Г.Н. Айплатов, А.А. Иванов. – Йошкар-Ола, 2002.

7. Архив МарНИИЯЛИ, книга приказов.

Serafima Sibatrova

I.S. GALKIN'S CONTRIBUTION IN MARI LINGUISTICS AND DEVELOPMENT OF OTHER HUMANITIES SCIENCES IN MARI EL REPUBLIC (traits to his creative work)

Professor I.S. Galkin is a well-known researcher of Finno-Ugric Studies, one of the leading specialists on the Mari language. He put in great contribution to the development of humanities in Mari El Republic. He has been a head of Mari Scientific-Research Institute of Language, literature and history during 21 years (1960–1981). He correctly organized training of high-qualified specialists in Linguistics, literary criticism, folklore, history, ethnography, archaeology and sociology. In 60–70th years of the XX century considerable progress in research of language, study of literature, folklore, ethnography of Maris are achieved owing to I.S. Galkin. This period more than 120 books devoted to language, history and culture of the Mari people were published at the Institute. Galkin's merit in working up (out) of actual questions of Mari historical and modern grammar and lexicology, onomastics, dialectology, lexicography, problems of contact of the Mari language with others and in decision of language problems of applied character.

«Финно-угроведение», 2007, № 2

Ксенофонт Сануков
Йошкар-Ола

ГАЗЕТА «ЎЖАРА» – ПАМЯТНИК МАРИЙСКОЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ МЫСЛИ

(к 90-летию издания)

В начале XX века в общественной жизни и развитии культуры финно-угорских народов России произошли крупные перемены: появились периодическая печать и художественная литература на родном языке, зародилась общественно-политическая мысль. Это явилось результатом начала формирования национальной интеллигенции, пробуждения самосознания и общественной активности немногочисленных интеллектуальных сил народов. Толчок этому дала первая демократическая революция 1905–1907 гг. А в полной мере новые явления развернулись в условиях Великой Российской революции 1917–1918 годов. Сказанное здесь в полной мере относится к истории марийского народа.

Начало марийской общественной мысли и литературе положило издание в 1907–1913 гг. журнала-ежегодника «Марла календарь» (1). В начале 1915 года один из его основателей Вятский епархиальный миссионер П.П. Глезденёв стал издавать в городе Вятке первую марийскую газету «Война Увэр».

Новый этап развития марийской общественно-политической мысли начался с весны 1917 года. Начавшаяся в феврале этого года Великая Октябрьская социалистическая революция была с воодушевлением встречена молодой интеллигенцией малочисленных народов, нацеленной на демократическое обновление национальной жизни. В Казани было основано Общество мелких народностей Поволжья, а в нем – Черемисская (Марийская) секция во главе со студентом Казанского университета Валерианом Васильевым, одним из основателей и редактором «Марла календаря».

Во время работы первого съезда Общества в мае 1917 года 70 марийских делегатов собирались и отдельно для обсуждения вопросов, касающихся народа мари. На одном из таких собраний они обсудили вопрос о газете. Многие считали, что необходимо перенести издание марийской газеты из города Вятки в Казань, поближе к основным районам проживания марийцев. Делегаты предварительно решили назвать газету созвучно духу переживаемого момента – «Ӱжара» (Заря), а редактором назначить В.М. Васильева.

На Первом Всероссийском съезде мари в июле в городе Бирске этот вопрос стал предметом более конкретного обсуждения, предлагали начать выпускать газету под новым названием с начала 1918 года. Но на имя съезда из Казани пришла телеграмма, в ней сообщалось, что Губернское земство выделяет на издание марийской газеты 18 тысяч рублей. Было решено начать издавать ее, как только представится возможность, а направление определили: «беспартийно-прогрессивное» (2, с. 48–49).

25 августа (7 сентября по новому стилю) вышел в свет первый номер «Ӱжара», возвестив начало нового этапа национального движения. В обращении к читателям редактор писал: «Как утренняя заря, к нам пришла свобода. Она покончит с нашей трудной, угнетенной жизнью. На нашу родную землю она принесет счастливую жизнь... Название нашей газеты – «Заря». Поэтому мы, издатели газеты, будем считать свое дело выполненным, если она действительно станет зарей новой, счастливой жизни. Все люди должны жить свободно, по-доброму и по-братски дружно». Девизом газеты стали слова – «Добрая жизнь – в развитии» (затем – «Добрая жизнь – в учении»).

Общественно-политическое лицо газеты определялось тем, что редакторы В.М. Васильев, Д.И. Адаев и С.Г. Гаврилов-Эпин, а также ведущие публицисты И.Н. Коведяев-Умшар и П.И. Вавилов-Монарн по политическим взглядам примыкали к правым эсерам (Адаев и Коведяев были членами партии). Поэтому в газете публиковались материалы в поддержку Временного правительства, партии эсеров, несмотря на декларацию о «беспартийном» ее направлении.

Это особенно проявилось в связи с выборами в Учредительное собрание. На съезде в Бирске была принята резолюция: «Признать целесообразным примкнуть всем мари к партии социалистов-революционеров и при выборах в Учредительное собрание голосовать за кандидатов в их списках» (2). Губернским комитетам партии эсеров (правых) были предложены кандидатуры трех ведущих общественных деятелей: И.Н. Коведяева по Уфимской губернии, В.М. Васильева – по Казанской, Л.Я. Мендиярова – по Вятской. Разъясняя решение съезда, газета 3 октября утверждала: «Самая подходящая для марийского народа партия – социалисты-революционеры. В этой партии состоит немало и марийцев, а в других партиях – нет. Если отдадите свои голоса за другие партии, то сами себе на шею наденете петлю. Если хотите жить под добрым солнцем, счастливо, отдайте голоса за партию социалистов-революционеров».

22 октября, когда после получения для публикации партийных списков кандидатов в Учредительное собрание оказалось, что нигде намеченные кандидаты-мари не были поддержаны, в редакции было проведено собрание находящихся в Казани марийских активистов. О принятом на нем решении газета рассказала 2 ноября: «На Бирском съезде мы договорились идти на выборы с партией «с.-р.», наметили трех марийцев. Но они в списки не попали. В списке №3 (независимых социалистов-кооператоров. – *К.С.*) по Казанской губернии есть наш товарищ Сергей Гаврилович Гаврилов. У партии, которая составила

этот список, нет большого отличия от с.-р. Поэтому в Казанской губернии надо голосовать за этот список. В других губерниях мы списки не знаем. Советуем голосовать за список, где есть мари. Но только не за кадетов, если даже в их списке окажутся мари».

На этом же собрании обсуждался несколько затянувшийся вопрос о Центральном Союзе Мари. На Бирском съезде было принято обращение к марийцам всех территорий создавать на местах организации Марий Ушем. И с первого же номера в газете напоминали о необходимости этой работы. И разъясняли: эти организации, начиная от сельских, продолжая волостными и уездными, должны составить стройную систему, завершаемую созданием в Казани Центрального Союза Мари («Рӱдо Марий Ушем»). На собрании 22 октября была избрана организационная группа, которой поручалось подготовить проект его устава. 6 января 1918 года в редакции же состоялось собрание учредителей ЦСМ; 11 января был утвержден устав организации и избран ее Исполнительный комитет из сотрудников газеты «Ӱжара».

Неискушенным в общественной жизни читателям газета разъясняла сложную политическую ситуацию в стране. Адаев-Метри писал: «Германский император Вильгельм, стремясь победить Россию, засылает к нам шпионов. Они, агитируя за скорое прекращение войны, будоражат народ, вносят в него смуту. Остерегайтесь таких людей. Они – наши враги». Хорошо известно, кого в 1917 году называли немецкими шпионами – большевиков. С другой стороны, в статье Коведяева-Умшара резко осуждался мятеж генерала Корнилова. Таким образом, в общеполитических вопросах редакция оставалась на позиции поддержки Временного правительства, веры в Учредительное собрание.

Газета «Ӱжара» очень много сделала по возрождению национального самосознания марийского народа, по пробуждению осознания внутринациональных связей, по преодолению стеснительности проявления национальных чувств. 20 октября 1917 года на всю первую страницу было напечатано публицистическое эссе «Марийцы, вы есть?», которое может служить примером общественно-политической мысли времени национального пробуждения (подписано псевдонимом «Отар»).

«Во время работы Всероссийского съезда мари в Бирске же проходил съезд крестьянских депутатов. Туда для приветствия были направлены двое: один для выступления по-русски и по-татарски, другой – чтобы приветствовать на марийском языке.

Тот, который должен был говорить по-марийски, выйдя к трибуне, первым делом оглядел весь зал и обратился: «Марийцы, вы есть?». Из разных мест послышалось – «есть, есть». Только после этого он стал говорить. Этот случай взбудоражил мою душу. Я очень крепко задумался. Эти три слова я не забуду всю жизнь. И хочу передать их всем марийцам... Ведь это не просто обыкновенные слова, а это – поиск марийской души.

Злая воля русских царей запугала марийцев, раскидала, разъединила их, заставила упрятаться в укромных местах лесной глухомани. И они стали издыхать, как одинокие пчелы. Но ведь всё живое, имеющее душу, хочет жить. И марийцы имеют душу. Чтобы выжить, и они стремились объединиться. Вот они и бродили, подавая голос в поисках родственных душ: «Марийцы, вы есть?». Но этот призывный голос свои как-будто не слышали, а слышали русские купцы, татарские торговцы. Марийцев еще больше гнули, их голос слабел. Так мариец марийца перестал слышать. Кончились взаимное понимание, взаимная помощь. В одном месте копошились одни, в другом – другие, не слыша один другого, не стремясь на помощь друг другу. Но в глубине души у них оставался глухой стон: «Марийцы, вы есть, или вас уже нет?». И когда я на съезде услышал вырвавшийся наружу этот стон, я встрепенулся. Родные! Откликнитесь на этот вскрик! Скорее ответьте: «Есть!». 400 лет этот вопрос не получал ответа, его уносило ветром, не находилось никого, кто осмелился бы выкрикнуть: «Есть!».

Теперь империя рухнула, зло, исходившее от нее, кончается. Теперь бояться не надо, можно выходить на зов. Все – живущие в городе и страждущие на селе, работающие в поле или бродящие в лесу – подайте голос: «Есть!». Вас долго гнули. В одиночку мы ничего не можем добиться. Как и пчелы, мы только вместе можем выжить.

Эй, любимый мой, родной марийский народ! Скорее откликнись! Работы предстоит много. На умственный труд посмотришь – нас мало, о предпринимательстве подумаешь – мы ничего не умеем. А ведь марийцы, как пчелы, трудолюбивы. За это в этом мире много должно быть нам отпущено Богом.

Откликнувшись – «Есть!» – возьмемся за дела, чтобы занять свое место среди всех народов! Дадим вольную дорогу мастерам-умельцам: пусть «книжно-образованный» пишет книги, кузнец крепче держит молот, плотник – топор; в общем, каждый, кто в чем способен, кто что умеет делать, старается в своем деле.

Замечайте вокруг себя способных к грамоте. Думая о будущем, учите их, наставляйте. В одном месте одно дело хорошо получается, в другом – другое. Всё это надо соединять вместе, знакомить с этим всех марийцев. Для этого обо всем хорошем пишите в газету. Газета ознакомит всех с хорошим опытом. Так будет расти, обогащаться наш общий ум, будет улучшаться жизнь.

И наша газета «Ӱжара» уже два месяца взывает: «Марийцы, вы есть?». Ото всех сторон откликнитесь нам: «Есть!», помогите и деньгами для дальнейшего выпуска газеты.

Разлетевшиеся пчелы в конце-концов собираются вместе в рой. И нам надо объединиться. Есть место, вокруг которого мы можем соединиться – газета «Ӱжара». 300 человек прислали свои деньги, как пчелы несут мед в общий улей. И вы, другие, кто еще не сделал это, сделайте то же, присылайте деньги. Будет жить «Ӱжара» – будет крепнуть наша общая сила, уверенность в будущем.

Эй, любимый мой, родной марийский народ! Когда ты соберешь всех своих разрозненных отпрысков? Когда обретешь веру в себя? Эй, народ, пробудись! На нашу землю пролился благодатный Божий свет, влил жизненные силы в наши ослабевшие души. Воспрянь, народ, от этой живительной энергии собери лучшие свои силы и умы вокруг дела, к которому зовет «Ӱжара». Услышав её призыв, объединившись, мы не будем обречены».

15 ноября редакция вновь обращается к символическому выражению «Марийцы, вы есть?» в небольшой заметке «Слово радости и благодарности марийскому народу»:

«Сердечно любимый наш народ! Вначале наша работа двигалась трудно. Но, несмотря на это, мы продолжали начатое дело с верой в великого Бога. Мы ждали, что марийский народ услышит наше обращение, как зов заблудившихся в лесу. И мы действительно не обманулись. На наш клич: «Марийцы, вы есть?», слава Богу, мы услышали: «Есть!». В разных краях появились желающие писать в газету, больше стало подписчиков газеты, стали известны люди, которые начали на местах объединять марийцев. Так в свете Божьей зари стало спориться наше дело».

П.П. Глезденёв 18 декабря опубликовал в газете большую статью «Марий мала» («Спит мариец»), наполненную болью и беспокойством за родной народ. Отметив, что другие народы после свержения царского самодержавия активно включились в обновление жизни общества, он с горечью писал, что среди марийцев этого пока не наблюдается. «Где ты, бесстрашный, храбрый мари, где? – восклицал автор. – Осталась ли в тебе твоя чистая марийская душа? Течет ли еще в твоих жилах кровь наших предков? Есть ли у тебя свой язык? Не потерялся ли он? Ответь нам!» Он для примера подробно рассказал, как татары Вятской губернии добились включения своих представителей в земские органы, в суды. «Больно за то, что наши будничные проблемы отправляют решать к обычному судье. У нас и комиссар русский, и на сходах верховодят все русские. А где мы, марийцы? Нас нет! Спит мариец!» «Русского ребенка обучает грамоте русский, татарина – татарин. А мы, марийцы, неужели сами не можем обучать своих детей на своем родном языке? Добились ведь этого наши соседи – татары. А мы? Неужели мы не можем? Да, к сожалению, не можем, потому что у нас нет единства, сплоченности... Нет пока у марийца ни морального духа, ни сил. С лучших мест гонят марийца, а он молчит... Только объединившись, мы сможем встать с колен и сами решать свои проблемы».

В газете ничего не говорилось о классах, о классовой борьбе. В ее материалах постоянно провозглашалась необходимость единства марийского народа, при этом большая надежда возлагалась на немногочисленную тогда интеллигенцию. Священник-учитель (в будущем известный ученый-историк) Ф.Е. Егоров 18 сентября опубликовал большую статью «Народ и интеллигенция» с призывом ко всем «образованным» марийцам объединиться и прийти на помощь родному народу в его просвещении. Он писал, опираясь на знание и понимание истории:

«В образовании, в знании – сила! Но среди марийцев мало людей, познавших пользу просвещения. Только после 1870 года из марийской среды изредка стали появляться учителя. Окончившие русские школы марийцы полностью обрусевали. Немножко поживут среди марийцев, женятся на русских девушках и, бросив родных марийцев, уезжают в местности с русским населением. Поэтому во многих местах отвернулись от образования, считая: «Какая польза от того, чтобы выучившись стать русским?». Тогда, если бы кто сказал: «Я – мариец, беспокоюсь за марийский народ, стараюсь быстрее просветить его, но хочу, чтобы мариец оставался марийцем», – то такого человека царские законы карали. Но всё же, пусть мало, старатели за родной народ имелись. Однажды они даже выпустили марийский календарь и за это чуть-чуть не угодили в тюрьму.

Простой народ не очень-то верит образованным, интеллигентам, не очень-то их любит.

Теперь, в новой жизни... – кто пойдет вперед? Устремится уверенно вперед тот народ, у которого много образованных – интеллигентных людей. Если так, нам, марийскому народу, надо как можно быстрее призвать отовсюду интеллигентных – образованных марийцев. Не совсем ещё обрусевшие мари вернутся к родному народу. Ведь в их жилах течет марийская кровь!».

Этот же автор 19 января 1918 года звал марийский народ к пробуждению национального самосознания при приближении к общечеловеческой цивилизации:

«Марийцам, выйдя на свободу, тоже надо вздохнуть посвободнее. Хватит, как прежде, ходить, опустив голову, боясь всего. Перестать стесняться, что мы марийцы. А ведь многие образованные марийцы даже пытаются скрыть свою национальность, не говорят по-марийски, не помогают марийцам, не любят (презирают) их. Есть такие полумарийцы.

А почему мы должны стыдиться других? Мы никогда никому плохого не делали. Народ наш, живя в разных местах, в окружении многих других народов, никогда не забывал, что он – народ мари. Он жил, утверждая: я мари, у меня всё свое собственное – язык, нравы, мелодии, обычаи, одежда, и пусть это всегда будет со мною. Он в долгой жизни сохранил свой язык, культуру, белую одежду, гусли, барабан, волынку через века соседства с персами, сарацинами, хазарами, булгарами, татарами, ничего не растеряв. Неужели теперь растеряем это наше большое культурное богатство?

Давайте будем учиться, учиться все, учиться всему тому, чему научены англичане, французы, немцы, американцы. Но только и при этом не будем забывать, что мы марийцы. Наше доброе, нам присущее, пусть останется нашим. Мариец пусть останется марийцем!».

Здесь очень хорошо видна ориентация передовой просветительской интеллигенции на национальный подъем родного народа на основе приобщения к общечеловеческим ценностям и при сохранении этнической самобытности.

Обеспокоенность общественной пассивностью основной массы марийского населения, стремление пробудить ее видны во многих номерах газеты «Ӱжара». Многие опубликованные здесь стихотворения содержали прямой призыв к пробуждению. Т.Ефремов-Уньжинский: «Кынелза, шогалза» («Встаньте, поднимитесь!»); В.Якманов: «Кынелза, шогалза, мари калык чыланат!» («Встаньте, поднимитесь, все марийцы!»); П.Вавилов-Монарн: «Мари калык, помыжалт!» («Проснись, марийский народ!»).

Сотрудники газеты «Ӱжара» без энтузиазма встретили известие о захвате власти в Петрограде большевиками. Они были удовлетворены результатами февральского этапа революции и открывшимися перспективами буржуазно-демократического развития России. В газете «Ӱжара» долго не появлялось никаких сообщений о большевистском перевороте, не публиковались декреты Советского правительства. Отношение к новой власти у лидеров марийского национального движения было сначала, скорее всего, выжидательным.

9 ноября (по старому стилю) И.Н. Коведяев-Умшар опубликовал небольшую корреспонденцию «Война в Казани». «О, Боже! живешь-живешь, и чего только не увидишь! Оказывается, и в Казани может быть война. Солдаты поднялись против юнкеров. Они требуют все дела передать в руки Советов. 28-го стало тихо, стрельба прекратилась. Что будет дальше? – Этого никто не знает». Только спустя почти месяц, 7 декабря, в газете появился более обстоятельный материал о происшедшей смене власти в стране. Умшар напомнил, что уже писал о стычках солдат и юнкеров в Казани. «Еще больше вооруженная борьба шла в Петрограде и Москве. Ее зачинщики по-русски называются «большевики». Они еще летом хотели поднять солдат, но не смогли, Керенский не дал воли. Глава большевиков Ленин скрылся и до сих пор прятался. Керенский даже приказал схватить его, но не нашли. Товарищи Ленина везде среди солдат много вели агитацию. Подготовившись, вдарили. Керенский слетел, сбежал, где прячется – никто не знает. Большевики за неделю всё скрутили. Министров убрали, своих поставили, называются «народные комиссары». Главным из них стал сам Ленин».

20 декабря свое мнение по поводу происшедших событий недвусмысленно высказал другой публицист Д.И. Адаев-Метри: «Тех, кто 25 октября поднял смуту, захватил в свои руки власть и присвоил государственную казну, следует предать суду».

26 января 1918 года газета опубликовала рассказ председателя Царевококшайской земской управы (а незадолго до этого бывшего председателем исполкома уездного Совета) И.Н. Коведяева (Фадейкинского) о поездке в Петроград с ходатайствами о продовольственном снабжении, об открытии высшего начального училища и еще несколькими просьбами. Многодневные хождения по инстанциям ничего не дали. 5 января в связи с разгоном Учредительного собрания Коведяев со своим спутником С.Никифоровым участвовал в уличной демонстрации и попал под обстрел и облаву. Он пишет: «7 января купил газеты.

Но там, кроме крикливых угроз, ничего нет... Ночью снова облава. Хотелось кричать. Но кто услышит? Словами объясниться невозможно, не слушают, для них аргумент – только винтовка... Пусть будут прокляты. Нашей ноги здесь больше не будет...18 дней ходили, привезли три бумажки...»

Но таких острых политических материалов в газете в конце 1917 – начале 1918 года опубликовано совсем немного. В период жестоких политических бурь редакцию больше беспокоили другие проблемы, связанные с подъемом культуры, развитием языка родного народа. Это значит, что марийская общественно-политическая мысль и в это бурное время носила больше культурно-просветительский характер. Эту линию общественно-политической мысли отражал в первую очередь В.М. Васильев. 9 (23) ноября он опубликовал большую статью «Зачем нужны марийские книги и газеты?», в которой убеждал читателей: «Исчезнет язык – исчезнет и народ». В феврале 1918 года в двух номерах газеты печаталась его статья «Устройство марийского языка». Автор вновь внушает, что язык – главное богатство народа; он укоряет тех «образованных» марийцев, которые стесняются разговаривать на родном языке, ратует за обогащение и расширение общественных функций марийского языка; предостерегает от бездумного использования русских слов там, где можно использовать слова родного народа. Призыв хранить, беречь родное слово приобретал в тех условиях не только культурническое, но и общественно-политическое значение. Несколько раз газета обращалась к читателям присылать в редакцию песни и другие произведения фольклора. Через газету же Васильев обратился с призывом собирать вообще сведения о своем народе, составил для этого на русском языке и опубликовал «Программу для сбора сведений о народе мари». В «Необходимом послесловии» автор пояснял: «Старая истина «познай самого себя», но приходится повторять. Говоря о самопознании, мы имеем в виду познание себя не как отдельной личности, но как представителя известной народности. Для сознательного мари познание себя в лице народности мари повелительно диктуется условиями новой жизни» (3).

В пробуждении самосознания народа большое значение придавалось возрождению марийской «национальной» веры – язычества. Всемарийский съезд ратовал за уравнение общественного положения языческих жрецов (картов) с религиозными служителями православной и мусульманской веры, высказался за выделение служителям «национального» культа жалования, равного с представителями других религий. Была выработана стройная структура религиозных организаций от сельских до общемарийских во главе с Центральным Духовным правлением (Мари Онаеҥ Рӱдӧ) в Бирске; предлагались общие правила жертвоприношений, ритуалы похорон и т.д. – на основе соединения некоторых догматов православия с традиционными элементами язычества. Газета разъясняла эти решения. Например, 2 января 1918 года: «У русских есть епископ, митрополит, Синод, у татар имеются ахун, духовное собрание, а у нас нет».

Интересно, что единственным документом Советского правительства, опубликованным до марта в «Ӱжаре» (22 февраля), был «Декрет о свободе совести, церковных и религиозных обществах», к которому дано разъяснение, что предоставлена свобода и для «чимари» (язычников), а «можно не поклоняться никакому богу», т.е. можно быть атеистом.

Национальный областной съезд мари (Казань, февраль 1918 г.) призвал поддержать Советскую власть. Редакция «Ӱжары» только приветствовала съезд, призвав делегатов продолжить дело Бирского съезда по национально-культурному возрождению родного народа, ее представители в политических дискуссиях не участвовали, занимали «нейтральную» позицию (4). На съезде был образован стоявший полностью на платформе Советской власти Марийский комиссариат во главе с левым эсером Владимиром Алексеевичем Мухиным. Газета «Ӱжара» сообщила об этом, затем опубликовала статью Мухина о необходимости поддержки политики Совнаркома.

В связи с этими событиями произошли изменения в редакции. И.Н. Ковердяев уехал в Бирск. Д.И. Адаев отстранился от поста соредактора, но оставался сотрудником редакции в отделе политической жизни.

Основное место в газете редакция, стремясь оставаться политически нейтральной, продолжала отводить материалам просветительского характера, фольклору, призывам учиться, беречь родной язык, разъяснению марийской «национальной» религии. Она пыталась в новых сложных условиях выдерживать объявленную с самого начала «беспартийно-прогрессивную» линию. 1 марта в газете опубликован материал о германской опасности. При этом, кажется, впервые сказано более или менее положительно о большевиках (только в очень своеобразной форме): «Сейчас на большевиков сердятся многие. Но они ошибаются. Сначала надо знать о немцах, потом сравнить их. Когда они (немцы) придут – заплачете».

Просветители, выпускавшие газету «Ӱжара», не обошли и тему о финно-угорском родстве. Интересно, что в первом же номере стала публиковаться большая статья Сергея Эпина «Просвещение марийского народа», в которой, между прочим, автор писал: «Я очень верю в способности марийского народа к просвещению, к умственному совершенствованию, развитию. Хотя наш народ малочислен, он, наподобие финнам, может через образование направить свою жизнь к лучшему, не отстать от других». Пройдет несколько лет – В.М. Васильева как бывшего редактора газеты «Ӱжара» и его коллег начнут обвинять в том, что они публиковали в газете материалы, которые означали преклонение перед финнами, пропаганду панфинизма, а в конечном итоге – стремление присоединить Марийский край к Финляндии.

Действительно, материалов, авторы которых призывали брать пример с финнов, было в вольной марийской прессе напечатано немало. В № 9 20 октября 1917 года напечатана заметка Т. Симолкина. «Что необходимо, чтобы жить, как свободные граждане?» – спрашивал автор. И отвечал: для этого нужна

земля и нужно образование. «Вот в Финляндии живет народ, родственный нам. Какие они, финны, просвещенные, сколько у них грамотных! И как хорошо живут! С них-то вот и надо нам брать пример». 11 декабря И.Н. Коведяев-Умшар писал: «Марийский народ может спасти только одно – просвещение, путь грамоты и образования. Иначе мы так и останемся обманутыми, обездоленными. Любой народ, который встал на ноги, сделал это через образование. Вот и родственный нам финский народ окреп благодаря грамоте, образованности. И нам так же надо. И нам надо пойти таким же путем, каким шли финны». В этом же номере в корреспонденции о съезде вятских мари в слободе Кукарке Вятской губернии приводятся слова марийского священника-учителя А.С. Лебедева: «И марийцы, учась, должны стать такими же, как их родственники финны».

2 января 1918 года крупно выделено редакционное сообщение «Обретение независимости Финляндией». Там сообщалось: «Родственный нам народ по названию «финны» принял решение о своем желании жить независимо. Руководители нашей страны с этим согласились. Торжествуйте, радуйтесь, марийцы! Хотя мы остаемся зависимыми в чужих руках, пусть родственный нам народ выйдет на путь полной свободы. Да поможет ему Бог, пусть счастливыми будут его дни и годы, пусть сбудутся все его желания!». Весьма показательна небольшая заметка в номере от 26 января, в которой сообщается, что американцы начали оказывать продовольственную помощь народу Финляндии. Редакция (заметка напечатана без подписи) заключает: «А мы, марийцы, почему не помогаем? Разве у нас нет хлеба? Или вместе с русскими и мы потеряли разум, не знаем, что нам делать?». Но известно, что тогда же независимости Финляндии представляла большую угрозу инспирированная большевиками попытка пролетарской революции в этой стране, приведшая к гражданской войне. «Ӱжара» сдержанно, но с тревогой сообщала об этом 18 февраля. А 26 февраля к сообщению информационных агентств о выводе советских войск из Финляндии редакция добавила свой краткий выразительный комментарий: «Давно бы надо так».

Как и в отношении финнов, марийская демократическая интеллигенция выразила поддержку и радость по поводу провозглашения независимости Эстонии. 15 марта 1918 года об этом душевно писал Метри (Адаев): «Да поможет Бог нашим родственникам эстам (виро) наладить собственную жизнь». Но через две недели он же с большим сочувствием к братьям-эстонцам сообщал читателям о немецкой оккупации Эстонии, о разгоне органов народной власти, возвращении немецких помещиков. В рассказах о Первом и Втором Всероссийских съездах мари газета уделила внимание ярким приветственным речам почетного гостя этих съездов эстонского профессора Александра Пэрка.

В марте 1918 года из общественной жизни были устранены демократические земские учреждения. А ведь именно Казанское губернское земство финансировало издание газеты «Ӱжара». Губернский совет крестьянских депутатов, сосредоточивший власть в губернии в своих руках, не был удовлетворен ее

политическим обликом (вернее – его отсутствием). Он поставил перед редакцией условие: издание газеты будет финансироваться только в том случае, если будет изменена ее политическая направленность.

«Ӱжара» фактически оставалась органом Центрального Союза Мари, возглавлявшегося национал-демократами, продолжавшими настороженно относиться к Советской власти после разгона Учредительного собрания. В.А. Мухин впоследствии писал, что перед Марийским комиссариатом в первую очередь встала задача – отобрать у Центрального Союза Мари газету.

В марте состоялся IV Казанский губернский съезд Советов. В нем участвовали 37 марийцев. Комиссар В.А. Мухин несколько раз собирал их для обсуждения сугубо марийских вопросов, в том числе о газете «Ӱжара». «Она стала, – говорил он, – добрым другом-советчиком для многих марийцев. Но она может пропасть, потому что нет денег... Совет даст денег на издание газеты, только мне там сказали: смените редактора, тогда выделим деньги». В.М. Васильев, чтобы сохранить газету на родном языке, под нажимом Мухина был вынужден заявить об отставке. Редактором поставили В.А. Мухина-Сави. В редакции были организованы три отдела: политической жизни; информации; публикации художественных и фольклорных произведений.

13 апреля 1918 года «Ӱжара» вышла с указанием: «Издание Казанского Совета крестьянских депутатов»; «Редактор – Изи Мухин». Номер открывался обращением нового редактора к читателям, в котором провозглашалось, что впредь газета будет освещать жизнь трудового народа, бедных людей: «Пусть эта газета будет газетой трудящихся, показывающей их жизнь». В следующем номере наряду с прежним девизом – «Поро илышет – виянгмаштет» («Добрая жизнь – в развитии») – появились новые: «Марий шемер калыклан» («Марийскому трудовому народу») и «Мланде ден эрык – паша ыштыше енглан» («Земля и воля – трудящимся»). В.А. Мухин вспоминал: «Комиссариат придал газете новое направление. «Ӱжара» заметно стала краснеть... Газета перестала быть эсеровской, приняла советский характер, но коммунистической она не была» (5, с. 594).

И на самом деле, новый девиз газеты о «земле и воле» был эсеровским. Г. Кармазин (за подписью «Кустэк тукым») под таким же заголовком опубликовал большую статью, в которой не только разъяснял этот лозунг, но и подробно рассказал о социалистах-революционерах, выступавших выразителями интересов крестьянства. Он же в духе первых номеров «Ӱжары» призывал создавать «Мари Ушемы» и объединяться вокруг Центрального Союза Мари.

21 апреля в газете наряду с подробным рассказом о собрании марийских депутатов губернского съезда крестьянских Советов и отстранении В.М. Васильева, напечатана заметка Г. Кармазина «О редакторе газеты «Ӱжара». В ней говорилось: «Раньше «Ӱжара» печаталась на деньги Казанского земства, теперь печатается на деньги Казанского губернского Совета крестьянских депутатов. До сих пор выпуском газеты руководил (был редактором) Васильев. Валерьян Михайлович Васильев оказал огромную помощь марийскому народу:

издавал Марийский календарь, выпустил много марийских книг. 15 лет Васильев работал в пользу народа мари, перетерпел много и холода, и жары. И образование у него большое: учится в университете, преподает марийский язык в Казанской женской учительской семинарии; отлично умеет писать и по-русски, и по-марийски. Можно сказать, что среди марийцев нет другого, который бы так умело писал по-марийски, так хорошо знал марийский язык. Когда газета «Ӱжара» перешла в руки Казанского совета, Васильев вышел из редакторов. Вместо него поставлен моркинский мариец Изи-Мухин... В.М. Васильев в редакции назначен секретарем, занимается исправлением того, что написали другие».

Тут же помещен ответ В.М. Васильева – «Пояснения прежнего редактора «Ӱжара». «...Редактором меня в августе прошлого года назначила Казанская губернская земская управа. В прошедшем марте земство закрыли, все дела перешли в руки Совета... В это же время несколько марийцев, придя в Совет, наговорили на «Ӱжару»... Так, донесли на одно мое негодное дело: «Почему пишет, что в марийской школе учителем должен быть мариец?» Оказывается, просить для работы среди марийцев марийца – это грех... Хотя я вышел из редакторов, продолжаю помогать газете, желаю добра марийскому народу. А работа моя такая. Как и прежде, поправляю (редактирую) все материалы, идущие в печать; стараюсь, чтобы газета выходила на чистом марийском языке, из статей вычищаю неряшливые слова и предложения, убираю лишние русские и татарские слова и прочее... Облик (то, что по-русски называется «направлением») газеты теперь зависит не от меня. За это отныне отвечает новый редактор В.А. Мухин. Я не в обиде, что моя работа в газете проходит без указания моей фамилии. И нынешнюю «безымянную» работу свою я считаю очень важной, нужной».

Если В.М. Васильев пошел на компромисс с новой властью, то Д.И. Адаев, более близкий к политической работе, не пошел на это. Разногласия с В.А. Мухиным в оценке текущих политических событий привели к тому, что он вообще ушел из редакции. Уходя, он в газете 30 апреля опубликовал «Обращение к читателям». Он писал, что всю свою сознательную жизнь боролся против эксплуататоров, за угнетенных и за свободную Россию. «Начиная с первого номера, до настоящего времени я писал свои статьи, думая помочь в просвещении народа мари, обогатить его знаниями». Заявив о своем уходе, Адаев написал, что намерен ждать «подходящего, более свободного времени». В этом же номере Мухин зло ответил Адаеву, что «свобода» для того – призыв вернуться к старому. «Какая свобода тебе нужна? Сейчас вся власть в руках народа, в руках Советов». С уходом Коведяева и Адаева общественно-политическая тематика теперь была представлена в основном статьями В.А. Мухина по пропаганде политики Советской власти.

В июне 1918 года в Казани состоялся Второй Всероссийский съезд мари. От имени редакции «Ӱжары» съезд в числе первых приветствовал П.И. Вавилов-Монарн. В протоколе записано: «П.И. Вавилов, представитель газеты «Ӱжа-

ра», подчеркивает цель «Ӱжары», как объединяющего начала и создания литературного языка» (6, с. 4). Роль газеты как «объединяющего органа, успевшего уже приобрести общие симпатии» (6, с. 14 об), отмечал и видный общественный деятель народов Поволжья Н.В. Никольский. По настоянию многих делегатов на пленарном заседании 12 июня был заслушан доклад В.А. Мухина о газете «Ӱжара». Он сказал, что «назначен редактором как член Исполнительного комитета губернского Совета крестьянских депутатов вместо Васильева; подробно остановился на том, каким образом отстранен Васильев от редакторства. Совет изъявлял готовность поддерживать газету только при этом условии. Просит освободить, потому что некоторые провоцируют, что это он сделал из эгоистических побуждений. Съезд просит остаться редактором, Мухин соглашается» (6, с. 51). А на заключительном заседании при закрытии съезда «Мухин В.А. предлагает выразить благодарность В.М. Васильеву, как одному из энергичных работников и первому инициатору по изданию книг на языке мари» (6, с. 59).

В дни работы съезда в газете «Ӱжара» было напечатано письмо за подписью «К-к П.» (предположительно, автором был священник Ф. Егоров). Это был ответ на язвительные заметки новых сотрудников редакции о православных священниках, которые пренебрежительно были названы «длинноволосыми». Автор риторически спрашивал: «Неужели теперь мы, марийцы, о достоинствах людей будем судить по длине волос? Если так, то почему вы же, марийцы, отстранили бывшего редактора «Ӱжары», ведь у него и волосы не длинные? Родные! Среди мари нет другого человека с таким высоким образованием, так знающего марийский язык, так любящего марийский народ, так много доброго сделавшего для него, как Васильев; такого другого прекрасного человека еще не родила марийская женщина. Разве что в Вятке есть еще один такой же человек – длинноволосый поп» (конечно, автор имел в виду П.П. Глезденёва) (7).

После Второго съезда газета продолжала выходить. Но в июле 1918 года она вышла только три раза: 1, 6 и 13 июля. В связи с приближением к Казани белочехов и захватом ими города ее издание было приостановлено. Ее выпуск возобновился после освобождения Казани от «белых», 19 октября, с указанием – «Орган Отдела мари при Народном комиссариате по делам национальностей». Но еще раньше, 1 октября, там же, в Казани, стала издаваться новая газета «Йошкар Кече» («Красное солнце» или «Красный день») коммунистического направления. Редактором обеих газет являлся Владимир Мухин-Сави. Он дал читателям такое разъяснение: «Теперь для марийского народа издается две газеты. В «Йошкар Кече» мы будем освещать жизнь всей страны, ход строительства нового общества, а в «Ӱжаре» – только жизнь народа мари». Более понятно разные функции двух газет объяснены Н.А. Алексеевым, заведующим Центральным отделом мари при Наркомнаце, органами которого были обе газеты: «Йошкар Кече» – общественно-политическая газета, «Ӱжара» – культурно-просветительская. Но даже втиснутая в узкое информационное простран-

ство, газета «Ӱжара» со своими демократическими традициями, связями с демократическо-просветительской интеллигенцией не устраивала большевистские власти. В.А. Мухин через десять лет вспоминал: «Выходившая до прихода чехов газета «Ӱжара» не смогла справиться со стоящими перед ней политическими задачами. Было ясно: нужно или закрыть эту газету, или совершенно изменить ее политическое содержание. Целую неделю спорили марийские работники. Что делать? Оставить «Ӱжару» или организовать другую газету? Наконец единодушно решили: уверенно поднимается красное солнце революции, поэтому надо закрыть «Зарю» и начать издавать «Красное солнце» (8).

Но сразу ликвидировать старую газету не решились. «Ӱжара» после возобновления издания еще четыре раза вышла почти в соответствии с объявленной периодичностью: 26 октября, 2, 21, 28 ноября. В этих номерах напечатаны развернутые корреспонденции о работе марийских отделов и секций в Казани и уездах, заметки о болезнях домашних животных и их лечении; песня Т. Ефремова-Уньжинского «Призыв к свету» (ставшая гимном народа мари), марш М.Ф. Токмурзина «Шокте шӱдыр» («Малая Медведица»), другие поэтические произведения и народные песни. Во всех этих номерах большое место заняла научно-популярная статья В.М. Васильева «Родственники марийского народа». Он на уровне научных знаний того времени дал довольно полное изложение общих сведений по этнографии, фольклору, языку всех 16 финно-угорских народов.

После 28 ноября газета почти месяц не выходила. Какие закулисные проблемы решались за это время? Известно только, что 17 декабря 1918 года решением Центрального отдела мари при Наркомнаце была запрещена деятельность Центрального Союза Мари; а организациям «Мари Ушем» было предписано быть культурно-просветительскими обществами и работать полностью в подчинении советских и коммунистически-партийных органов.

Очередной номер газеты «Ӱжара» вышел только 23 декабря. Здесь опубликовано окончание статьи В.М. Васильева о родственных финно-угорских народах. Заключение у него получилось не радостным: «Так, выросшие от общих корней, вышедшие из одной семьи, финно-угорские народы разошлись по разным местам. И живут они по-разному. Одни (финны, венгры) живут хорошо, другие (остяки, вогулы, вадья и другие) барахтаются между жизнью и смертью, уже еле дышат...»

Внизу, на последней четвертой странице помещено объявление: «Читателям. После этого, наверное, выйдет только один номер газеты «Ӱжара». Затем на марийском языке будет выходить только одна газета».

И действительно, вышедший 26 декабря 1918 года 52-й номер газеты оказался последним. В нем опубликовано «Прощальное слово к читателям»: «Это – последний номер нашей газеты... После этого наше общение через «Ӱжару» прекратится. Начав выпускать газету еще осенью прошлого года, мы претерпели множество трудностей, но по мере своих сил, способностей старались.

Просим – сочтите за наше доброе дело мысли, слова, советы, которые нам удалось донести до вас. И простите нас за ошибки, за незавершенные замыслы и другие наши прегрешения».

Так завершилась история газеты «Ӱжара». За полтора года вышло 72 номера газеты (20 – в 1917 году, 52 – в 1918 году). Несмотря на кратковременность существования, она сыграла неоценимую роль в подъеме национальной жизни, общественной активности марийского народа, в развитии общественно-политической мысли, национальной печати, художественной литературы и литературного языка.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

1. *Сануков К.Н.* «Марийскому календарю 100 лет» // Финно-угроведение, 2007, № 1.
2. Первый Всероссийский съезд мари. Протоколы и материалы. – Йошкар-Ола, 2006.
3. Ӱжара. 1918, 16 января.
4. Национальный съезд мари. Протоколы заседаний 12–24 февраля 1918 г. в г. Казани. – Казань, 1918.
5. Архив Управления ФСБ по РМЭ. Д. № 1761.
6. Государственный архив Республики Марий Эл. Ф. 24 п. Оп. 1. Д. 6.
7. Ӱжара. 1918, 15 июня.
8. *Мухин В.* Шочмо пагыт // Йошкар Кэчэ. 1928, 1 октября.

Ksenofont Sanukov

THE NEWSPAPER «ÜZHARA» IS A MONUMENT OF MARI SOCIAL AND POLITICAL THOUGHT (devoted to the 90th of anniversary)

The newspaper «Üzhara», which go on democratic and educational traditions of «Marla calendar» and the first Mari newspaper «War news» is of a great importance in the development of the periodic press and social-political thought. «Üzhara» was published on the decision of the First All-Russian congress of the Mari people which was in July, 1917. Direction of the paper was «non-party and progressive». The first number of the paper was published on the 25th of August (on the 7th of September) in 1917 edited by well-known educator Valerian Vasilyev. Publication was financed by Kazan provincial uyezd (zemstvo). Editorial staff treated without approval to revolution and strived to save the line to «non-party-membership» and distinctive «neutrality» in political question. Editorial staff gave great attention to the cultural and educational problems. Under the threat of financing Kazan provincial Soviet made editorial staff to change an editor and political direction of newspaper. At the beginning of the April, 1918 the follower of the Soviet regime Vladimir Mukhin became an editor of the newspaper. On the 1st of October he founded a communist newspaper «A red sun». And the publication of «Üzhara» was finished. The last number of the paper was published on the 26th of December in 1918.

«Финно-угроведение», 2007, № 2

Николай Исанбаев
Йошкар-Ола

РУССКИЕ ЗАИМСТВОВАНИЯ XVIII ВЕКА В МАРИЙСКОМ ЯЗЫКЕ И ИХ ТЕМАТИЧЕСКИЕ ГРУППЫ

О русских заимствованиях в марийском языке написано немало. Пионером в этой области следует считать профессора А.М. Селищева, который в сентябре 1921 года совершил экспедиционную поездку в северо-западные районы Чувашии (около гор. Большой Сундырь) и пограничные с ними горномарийские населенные пункты для сбора фактического материала по проблеме русско-чувашских и русско-марийских языковых контактов. Результаты научного анализа собранного им материала опубликованы в 1927 году в работе «Русские говоры Казанского края и русский язык у чуваш и черемис» (1).

До этого разные ученые и путешественники, побывавшие в Марийском крае, о наличии в марийском языке русских и других иноязычных лексических элементов говорили только общими словами или ограничивались лишь указаниями на немарийское происхождение некоторых слов, на то, что марийский язык имеет смешанный характер. Так, например, секретарь Гольштинского посольства Адам Олеарий, принимавший участие в первой половине XVII века в трех путешествиях в Московское государство и Персию и опубликовавший свои дневниковые записи отдельной книгой под названием «Подробное описание путешествия Гольштинского посольства в Московию и Персию в 1633, 1636 и 1639 годах» писал: «У черемисов нет ни письмен, ни священников, ни церкви. Язык их также особый, имеющий мало сходства с обыкновенным татарским или турецким. Живущие в этих местах между русскими черемисы говорят обыкновенно по-русски» (2, с. 407–410). Из этих слов А. Олеария можно понять, что уже в начале XVII века часть марийцев была двуязычной, свободно владела марийским и русским языками (речь шла, по-видимому, о горных марийцах, возле которых члены посольства прожили в ожидании судов три недели. – *Н.И.*).

Необходимо подчеркнуть, что это первый исторический документ, засвидетельствовавший факт функционирования марийско-русского двуязычия в столь ранний период марийско-русских межэтнических и межъязыковых отношений, хотя этому нет оснований удивляться, если учесть тот факт, что русско-марийские этнические связи установились еще в XI–XII веках и за пять-шесть столе-

тий взаимных контактов вполне могло сформироваться частичное марийско-русское двуязычие.

Высказывания ученых XVIII века также носят общий характер. Так, Ф.И. Страленберг (1730) отмечал, что язык черемис «очень совпадает с финским, но в настоящее время очень смешан – более с татарским, чем с русским» (3, с. 346). Г.Ф. Миллер писал, что «черемисский язык имеет некоторое сходство с финским, а по жительству их близ татар и русских, есть в нем много татарских и небольшое число русских слов» (4, с. 27).

В словарях марийского языка, составленных учеными XIX века (М. Кастреном, Й. Буденцом, Ф. Васильевым, В.П. Троицким, М. Силаши, Г. Рамстедтом), имеются пометы этимологического характера, указывающие на татарское, чувашское и русское происхождение некоторых марийских слов. Они полезны для нас с точки зрения выявления и накопления фактического материала, полезны как письменные источники, позволяющие проследить постепенный прирост заимствованных иноязычных слов в марийском языке на разных исторических этапах его функционирования. Но специальное научное исследование русских заимствований в марийском языке впервые предпринято только А.М. Селищевым.

После указанной работы А.М. Селищева до 50-х годов прошлого столетия по этой теме не было опубликовано ни одного научного труда. После дискуссии по вопросам языкознания 1950 года и реабилитации сравнительно-исторического метода проблемы языковых контактов стали объектом пристального внимания и специального изучения ученых. В 1953 году А.А. Саваткова защитила диссертацию на тему «Русские заимствования в горном наречии марийского языка», а в 1969 году опубликовала монографию «Русские заимствования в марийском языке», в которой научному анализу подвергнуты материалы не только горного, но и лугового и восточного наречий (5).

Разработке этой сложной и многоаспектной проблемы посвятили свои работы Н.Т Пенгитов, Г.С. Патрушев, позднее – И.С. Галкин, Л.П. Грузов, И.Г. Иванов, Ф.И. Гордеев, Н.И. Исанбаев, А.Н. Куклин, Е.И. Коведяева, В.И. Вершинин и некоторые другие. В них анализируются русские заимствования не только марийских литературных языков, но и заимствования, вошедшие в некоторые говоры марийского языка.

Отдавая должное исследованиям вышеназванных ученых и оценивая их результаты в целом положительно, необходимо вместе с тем сказать, что основным недостатком всех предыдущих исследований является, с нашей точки зрения, отсутствие в них разграничения заимствований разных эпох друг от друга. Поэтому остаются неясными многие вопросы из истории марийско-русских межьязыковых отношений, прежде всего вопросы о хронологии заимствований, о времени и условиях их проникновения в марийский язык, о степени влияния русского языка на марийский в разные исторические периоды его функционирования и развития, о судьбе заимствований, перенятых в раннюю эпоху контак-

тирования и т.п. Есть настоятельная необходимость рассмотрения русских заимствований досоветского периода особо, проследить поэтапно динамику их роста, ход постепенного и нарастающего пополнения марийской лексики за счет русских заимствований. Для решения этой задачи имеются определенные возможности в виде многочисленных марийских письменных памятников XVIII, XIX и начала XX веков, зафиксировавших эти заимствования.

Цель и задачи нашего сообщения – показать на основании выявленных в письменных памятниках русских заимствованных слов степень русского влияния на марийскую лексику XVIII века, нарисовать на основании конкретных фактов объективную картину пополнения словарного состава марийского языка заимствованиями из русского языка, составить полный список этих слов.

Источниками выявления и изучения русизмов в марийской лексике XVIII века послужили как опубликованные, так и неопубликованные работы этого столетия. Это книги Ф.И. Страленберга (1730), Ф.Г. Миллера (1758,1791), П.С. Палласа (1787–1789), первая грамматика марийского языка (1775), многочисленные рукописные словари, хранящиеся в архивах и книгохранилищах Санкт-Петербурга, Москвы, Нижнего Новгорода и др. По охвату лексического материала они неодинаковы и отражают особенности разных марийских диалектов. Самыми крупными по объему являются рукописный пятиязычный «Словарь языков разных народов в Нижегородской епархии обитающих, имянно россиян, татар, чувашей, мордвы и черемис», известный как словарь Дамаскина (1785), «Краткий черемисский словарь с российским переводом, собранный Кукарской слободы Троицкого собора протоиереем Василием Крекниным и Спасской церкви дьяконом Иоанном Платуновым» (1785), «Словарь языка черемисского» (конец XVIII в.) и «Язык русско-черемисский» (середина XVIII в.).

В словаре Дамаскина нашли свое отражение более 6 тысяч марийских слов и словосочетаний, точнее 6328, из них 2240 синтаксических сочетаний слов (6). В словаре В. Крекнина и И. Платунова содержится около 6 тысяч слов, по нашему подсчету 5670, из них 1895 словосочетаний (7). В «Словаре языка черемисского» – около 3 тысяч слов, точнее 2869, из них 34 словосочетания (8). В словаре «Язык русско-черемисский» – около 1800 слов и словосочетаний (9).

Словарь Дамаскина составлен в основном на материале северо-западного и горномарийского наречий. Слова луговомарийского наречия в количестве около 1000 лексических единиц, имеющиеся в этом словаре, перенесены из словарной части первой грамматики марийского языка. Некоторые из них в процессе дальнейшей работы над составлением Словаря были заменены горномарийскими словами.

«Краткий черемисский словарь …» В. Крекнина и И. Платунова отражает лексические особенности пижанского говора лугового наречия, «Словарь языка черемисского» – особенности уржумского (?) говора, а словарь «Язык русско-черемисский» составлен на материале малмыжского говора.

Названные словари отличаются друг от друга и по количеству русских заимствований, попавших в их состав. Наибольшее число русизмов содержится в «Кратком черемисском словаре» В. Крекнина и И. Платунова (7). Нами выявлено в этом словаре 159 словарных единиц русского происхождения. За ним следует словарь Дамаскина – 124 слова, в словаре «Язык русско-черемисский» – 62 русских заимствования, в «Словаре языка черемисского» – 34.

На основе тщательного изучения этих источников нам удалось установить, что общее количество русских лексических заимствований в марийском языке того периода составляет около 270 словарных единиц, из них более десяти единиц сомнительных. Можно полагать, что в словари попали не все русизмы, употреблявшиеся в то время в народном разговорном языке. Наверное, среди заимствований имеются и такие, которые не были в то время известны широкому кругу марийского населения. Но они впервые были зафиксированы в письменных памятниках марийского народа и поэтому заслуживают серьезного внимания и изучения. Некоторые из них могли проникнуть в марийский язык и ранее, до присоединения Марийского края к Русскому государству (т.е. до середины XVI века). Например, слова типа *руш* «русский человек», *шога, шага* «соха», *осмина* «осмина», *полон* «плен» (др.-рус. полон), *пычал, пичал* «фузея, оружие, ружьё» (др.-рус. *пищаль* «вид огнестрельного оружия»), *шерть* «присяга» (др.-рус. *шерть* «клятва, договорные отношения» из араб.-тюрк. (10, с. 431) и некоторые другие могли проникнуть в марийский язык уже на ранних этапах русско-марийских этнических связей. Об этом свидетельствуют их фонетические признаки.

Кроме прямых заимствованных слов, в памятниках марийского языка можно найти немало примеров, свидетельствующих об их калькированном характере, о том, что они созданы авторами словарей по образцу русских слов путем буквального поморфемного перевода. Подробное рассмотрение их не входит в задачу настоящего сообщения. Для наглядности приведем лишь отдельные примеры: рус. безбожничество – мар. *юмодымылык*, малость – мар. *изилык*, банщик – мар. *мончазе*, шубник – мар. *ужгазе*, безумствую – мар. *ушсырлем*, хлебаю – мар. *кинделем*, одноокий – мар. *икшинчан* и т.д. Нет сомнения в том, что приведенные примеры созданы составителями словаря искусственно, способ их образования – полное калькирование. Из этого следует, что влияние русского языка на марийский в XVIII веке было довольно значительным. Оно не ограничивалось только прямым заимствованием словарных единиц, а распространялось и на словообразование, активизируя отдельные способы марийского словопроизводства, увеличивая продуктивность некоторых его словообразовательных средств.

В статье «Русские заимствования XVIII века в марийском языке» (11, с. 97–103), опубликованной в 2003 году, мы останавливались в основном на морфологической характеристике заимствований, на рассмотрении их места в системе частей речи марийского языка, особенностей их морфологического осво-

ения, а также на вопросе об их судьбах в процессе развития заимствующего языка (языка-рецептора), о семантических сдвигах, происшедших в них.

В настоящем сообщении внимание обращается на лексико-семантический аспект заимствований, на выделение среди них основных тематических групп. Исследование этой стороны заимствований, его результаты позволяют уверенно сказать, что заимствованию подвергались слова самых различных тематических групп, отражающих разные стороны материальной и духовной культуры народа, общественно-политической жизни, природно-климатической и географической среды и т.д.

Из-за ограниченности текста рамками журнальной статьи познакомимся лишь с наиболее многочисленными тематическими группами заимствований.

Слова, служащие названиями социальных понятий: *воля* «воля», *воляш колташ* «отпустить на волю» (6, л. 201 об.), *вольной*: *вольной и·рек* «воля свободная» (6, л. 36), *присяга* «присяга», *присяга налше* «присяжный», *присягам налам* «присягаю» (7, л. 148), *шерть* «присяга», др.-рус. шерть «клятва, договорные отношения» из араб.-тюрк. яз. (9), *пырговор* «приговор» (7, л. 158), *то·говор* «уговор, договор, завет», *тоговорым лиштем* «договор чиню» (7, л. 183), *тоношения* «доношение» (7, л. 182), *указ* «указ» (7, л. 201), *шержба·* «жеребей» (8), *йожак* «подать», рус. *ясак* из тат. *йасак* (7, л. 40), *оброк* «оброк» (9, л. 451), *штрапъ* «пеня, штраф», *окса штрапъ* «денежный штраф» (6, л. 64), *штропан* «штрафной» (7, л. 246), *разбои* «разбой» (9, л. 448 об.), *катерга*, *катергашке колтоме* «в ссылку посланный» (7, л. 52), *сылка* «ссылка» (6, л. 43; 7, л. 174), *сылкашке колтем* «в ссылку посылаю» (7, л. 174).

Слова, обозначающие социальное положение лиц: *князь* «князь» (7, л. 59), *осподин* «господин», *палэ осподин* «знатный господин» (7, л. 129), *поверна·* «поверенный» (7, л. 141), *старасна·* «староста» (7, л. 172), *чин* «чин» (7, л. 220).

Названия лиц по роду их деятельности: *мастар* «мастер» (7, л. 101), *вюрангъ мастар* «канатный мастер» (7, л. 24), *кит мастар* «мастеровой человек» (6, л. 136 об.), *па·ртыш ма·стар* «валяльщик» (6, л. 20 об.), *китъ мастарле·м* «плотничаю» (6, л. 218 об.), *межопшикъ* «границы которой полагает» (7, л. 101), *пастух*: *ушкал пасту·х* «коровий пастух» (6, л. 118), *плотникъ* «плотник», *плотникым лиштем* «плотничаю», *плотникиnъ* «плотничей» (7, л. 141), палачъ «заплечной мастер, палач» (7, л. 129; 9, л. 447 об.), тылма·цъ «толмачь» (12), *ямшикъ* «ямщик» (7, л. 270), *вор* «тать» (9, л. 450), «вор, хищник», *вор лиштыше* «хищный» (7, л. 20), *мушеник* «мошенник» (7, л. 105), *разбойникъ* «разбойник», *разбо·йникъ се·мень* «разбойнически» (7, л. 163).

Военная лексика: *полко* «полк» (7, л. 144), *полонъ* «плен» (7, л. 144), *служба*: *ву·рсо служба еле·мъ* «в воинской службе находится» (6, л. 34), *ла·гыр* «лагерь», *ла·гырым шогалтемъ* «лагерь разставляю» (7, л. 90), *матрасъ* «солдатъ морской, матросъ» (7, л. 101), *салтакъ* «солдатъ» (7, л. 166), *йолешке салтак* «пеший салдат» (7, л. 40), *салдакъ* «воин» (6, л. 34), *те·нщик* «пристав», *тюря пюрть теньшик* «пристав канцелярский» (6, л. 254), *пычалъ* «фу-

зея, оружие, ружьё», *изи пычалъ* «винтовка» (7, л. 29), *пычал* «ружьё» (8), *пичалъ* «ружьё» (9; 13; 6, л. 284, 26 об.), *селябе* «сабля» (12, с. 448), *шпага, шушпага·* «меч», *шушпагам луктамъ* «вынимаю меч» (7, л. 96), *шпа·гамъ луктамъ* (6, л. 138 об.), *ядра·* «пуля» (7, л. 269), *я·дра* «пуля» (9, л. 451), *якоръ* «якорь» (9, л. 451), *яки·ръ* «якорь», *якиранъ* «якорный» (7, л. 269).

Слова, выражающие понятия материальной культуры – дом, двор, постройки, части, детали построек: *аву·нъ* «овин» (8), *амбаръ* «анбар» (6, л. 5 об.), *анпаръ* «тж», *шу·рно анпар* «хлебный анбар» (7, л. 251), *вате·р* «ночлег» (6, л. 157 об.), ср. рус. обл. фатера (13, с. 583), двор: *дворошко пуре·м* «въезжаю на двор» (6, л.), *клатъ* «клеть» (7, л. 59), *шурно клатъ* «житница» (7, л. 251), *клятъ* «клеть» (6, л.112), клеть «житница» (6, л. 82 об.), *сарай* «сарай» (7, л. 248), *шуду сарай* «сарай сенной» (7, л. 248), *тюрма* «темница, тюрьма» (7, л. 198), *тюрма* «темница» (9, с. 450), *торма* «тюрма» (6, л. 339 об.), *пашна·* «башня» (7, л. 131), *пашна· вуи* «башня» (9), *полатъ: кюй полатъ* «палаты» (6, л. 207), *сабора·* «вал» (7, л. 166), *стан* «стан» (7, л. 172), *чуланъ* «чулан» (7, л. 221), *ясла·* «ясли» (7, л. 270), *имне яшла* «конюшня» (6, л. 116); *окна·* «окно» (7, л. 118), «оконница» (4), *изи· окна·* «окошечко» (7, л. 31; 6, л. 189 об.), *потоло·къ* «потолок» (9; 6, л. 238), *угул* «угол» (7, л. 79), *ого·лъ* «наугольник» (6, л. 159), *кум угула·нъ* «треугольный» (7, л. 79); *пирня* «бревно» (9), *пырня* «тж» (7, л. 158), *преня* (6, л. 16 об.), *берна* (8), *пу·рус* «брус», *пу·русумъ пидамъ* «брусья связываю» (7, л. 151), *кашта пу·русъ* «балка, брус» (7, л. 53), *трынжя* «кровля», ср. драница, драничка «колотыя, сосновыя дощечки въ сажень длины, для кровель» (14, с. 490), *решетка·* «решеточка, решетка» (7, л. 162), *зо·што* «жесть», *зо·штонъ либидамъ* «жестью покрываю» (6, л. 80 об.), турба «труба печная» (9, л. 438 об.);

предметы домашнего обихода, посуду, ёмкости: *виникъ* «веник» (9), *ви·ликъ* «тж» (7, л. 14), *помла·* «помело» (9, л. 448; 7, л. 144), *сита* «сито» (6, л. 295 об., 9, л. 448 об.), *шипка* «зыбка» (6, л. 97 об.), *сипка* «тж» (6, л. 134), *лака·нъ* «лохань» (7, л. 90), *квашня* «квашня» (6, л. 148), *мешакъ* «мехъ» (7, л. 102), *мешокъ* (6, л. 64), *изи· мешакъ* «малый мешок» (6, л. 135 об.), *окса мешакъ* «денежный мешечик» (6, л. 64), *ковашше мешакъ* «мешок кожаной» (7, л. 61), *котома* «котомка» (7, л. 68), *сондокъ* «сундук» (9, л. 449), *сюньдюкъ* «ларец» (6, л. 127), *шандыкъ* «коробка» (12; 6, л. 117), *шондокъ* «ларец, коробочка, ящик, сундук, ковчег» (7, л. 243), *изи шо·ндокъ* «сундучок» (7, л. 29), *яшикъ: изи· яшикъ* «ящичек» (7, л. 31), *ящик* «тж» (6, л. 373), *окса яшикъ* «денежный ящик» (6, л. 64 об.); *ведра·* «ведро» (7, л. 10; 6, л. 21), *ведро* «тж» (9, л. 442 об.), *воронка·* «воронка» (7, л. 20; 6, л. 36), *коршок* «горшок» (6, л. 57), *киршек* (9, л. 438 об.), *кершекъ* «тж» (7, л. 55), *куфшин* «кувшинчик, куфшин» (7, л. 53), *кукшин* «тж» (6, л. 125 об.), *пура·къ* «бурак» (6, л. 18), *путылка·* «бутылка» (7, л. 151), *стака·нъ* «стакан» (7, л. 172), *тарелка·* «тарелка» (7, л. 179), *терке·* «блюдо», *изи· те·рке* «блюдечко» (6, л. 23 об.), *туисъ* «боряк (=бурак. Н.И.). Ср. рус. *туес, туесок* (9, л. 442), *че·рке* «чарка» (9, л. 451);

пищу, кушания: *ка·лацъ* «калач» (9, л. 446 об.), *киса·лъ* «кисель» (9, л. 446 об.), *кишалъ* (7, л. 59), *кышалъ* «тж» (8), *мелна·* «блин» (12; 6, л. 12 об.), *мельна* «тж» (8), *обе·дэ* «обед» (7, л. 115), *касъ обедэмъ лиштемъ* «ужинаю», *пряникъ* «пряник» (9, л. 52, 448 об.), *сукаря·* «сухари» (9, л. 450), *цесто* «тесто», *шапо цесто* «кислое тесто» (6, л. 110 об.), *штей* «щи» (6, л. 370), ср. рус. обл. *шти*; *шопа·шъ* «провиантъ, запас», *корпо шопашъ* «дорожный запас», *кочмо шопашъ* «съестной запас» (7);

одежду, обувь, украшения, материалы для одежды: *йобунча* «опонча» (9, л. 447 об.), *йобынче* «епанча» (8), *йобунзе·*, *юбунцо·* «плащь, епанча» (7, л. 39), *ябанца* «епанча» (6, л. 76 об.), *куша·къ* «кушак» (7, л. 82), *пряжа* «пряжка» (6, л. 264 об.), *прежа·* «тж» (8), пыржа «тж» (7, л. 158), *чулка* «чюлка» (7, л. 221), *чулка* «чулки» (4; 9, л. 451); *ката·* «коты» (9, л. 435; 7, л. 59), *пашмакъ* «башмак» (7, л. 131), *кюкшо пашмакъ* «высокой башмак» (7, л. 85), *пашмакъ чие·нъ* «обутый в башмаки» (6, л. 184), *серга·* «серьга» (7, л. 169), *парча·* «парча», *по·рсонъ парча* «шелковая парча» (7, л. 146), *рого·за* «рогожа», обл. рогоза (13, с. 98; 9, л. 448 об.; 6, л. 281), *калпак* «колпак», *коваше колпак* «колпак кожаной» (7).

Сельскохозяйственная лексика: *озим* «озимина» (9, л. 451), *ружа* «рожь» (9, л. 438 об.), копна «копна» (7, л. 66), *капна* «тж» (6, л. 116 об.), *капнамъ оптемъ* «мечу копны» (6, л. 138 об.), *копаемъ* «изрываю» (6, л. 101), «прокопываю», *копаямъ* «возгораживаюсь» (9, л. 260, 443).

Названия овощей: *кобыштанъ* «капуста» (9, л. 446 об.), *копштан* (6, л. 109), *капштанъ аземъ* «рассада молодая» (6, л. 282 об.), *копшта* «тж» (8), *крен* «хрен» (7, л. 71), *морко* «морковь» (6, л. 143), *ребе* «репа» (8; 6, л. 286 об.).

Названия грибов: *папка·* «гриб», ср. рус. *бабка* (12), *паво·к* «гриб», ср. рус. *обабок* (6, л. 59), *ри·жикъ* «рыжик» (7, л. 162).

Слова, обозначающие понятия торгово-денежных отношений: *ашламшикъ* «ростовщик», «барышник» (6, л. 283), ср. рус. *асламщикъ, осламщикъ* «перекупщик, барышник, торгаш» (14), *барышникъ* «арендатор», «барышник» (6, л. 327), *маркитанъ* «шинкарь, маркитанъ», «харчевник» (7, л. 100), *маркитаным лиштемъ* «харчевничаю» (7, л. 100), *маркитанъ пиортъ* «шинок», *цоловалникъ* «целовальник» (7, л. 100, 214), ср. целовальник «продавец спиртного» (10, с. 297), *пазар* «рынок», ср.рус. базар из тюрк. яз. (7, л. 128), *ярмонка·* «ярманка» (7, л. 270), *пы·рвыл* «прибыль», *пырвылимъ шканемъ лиштемъ* «прибыль себе делаю» (7, л. 158), *пырвылян* «прибыльно, прибыльный», *роскотъ* «росход» (7, л. 158, 163), *сиянъ* «изъян, трата, утрата», *сиянанъ* «убыточно» (7, л. 163; 8; 6, л. 341), *торгаемъ* «перекупаю, торгую» (7, л. 185), «подкупаю», «торгую» (6, л. 223 об., 334), *торгаймашъ* «торговля, торг» (7, л. 184), *торгайше* «перекупщик», *закладъ* «заклад» (9, л. 446), заклатъ «тж», *заклатъ пуемъ* «в заклад отдаю», *заклатъ пиштемъ* «закладываю», *заклатамъ кучемъ* «об заклад бьюся» (6, л. 86, 180 об.), *шаклатъ* «заклад, залог» (7, л. 222), *штропъ* «пеня, штраф», *штропанъ* «штрафный» (7, л. 246), *штрапъ*: *окса штрапъ* «денежный штраф» (6, л. 64 об.).

Названия меры веса, длины: *гремка* «фунт» (8), *кремка* «тж», (7, л. 71), *кривенка*, *гривенка* «тж» (6, л. 65 об., 354), *осмина* «осмина», *кок осмина виса·* «четверть, или мера в две осмины» (7, л. 63), *полушка* «полушка», «самая мелкая монета, полденьги, четь-копейки» (15, с. 266), *лу полушка* «десять полушков» (6, л. 66), *аршинъ* «аршин» (7, л. 5; 9, л. 435).

Слова, связанные с рыболовством, названия предметов ловли рыб: *верша·* «верша» (9, л. 442 об.), *предникъ* «бредник», *предникъ дене шупшамъ* «рыбу бродить» (7, л. 6), *бретникъ* «бредникъ» (6, л. 16 об.), *мордо* «морда» (7, л. 105), *морда* (8).

Слова, связанные с производством, промышленностью, названия орудий труда: *заводъ* «завод» (7, л. 27), *вюргене заводъ* «рудокопной завод» (7, л. 23), *мастарлемъ*: *китъ мастарлемъ* «плотничаю» (6, л. 218 об.), ср. рус. мастерить; *плотникимъ лиштемъ* «плотничаю» (7, л. 141), *смоля·* «смола» (7, л. 169), *шмо·ло* «тж» (6, л. 89); *буравъ* «бурав» (9, л. 442), *талата·* «долото» (6, л. 69), *финтъ* «винт» (6, л. 26 об.), *шурупъ* «шуруп» (7, л. 251), *тру·пка* «трубка», *анжема тру·пка* «зрительная трубка» (6, л. 98).

Транспорт, названия предметов сбруи: *возъ* «воз» (6, л. 34), *поло·жа* «полоз» (6, л. 230), *омута* «хомут» (9, л. 450), *умута* «тж» (9, л. 434), *клеча·* «у хомута дерево» (7, л. 59), ср. рус. клещи.

Слова, выражающие животный мир – названия домашних животных: *каза* «коза» (4; 8), *казя* (9, л. 446 об.), *кесе* (6, л. 113), *коти* «кот, кошка» (6, л. 119 об.), *кома коля* «крыса» (7, л. 66);

названия диких животных: *маска* «медведь» (8), *маська* (9, л. 437), мяска мугре «медведь рычит», *куна* «росомаха» (9, л. 446, 437), ср. рус. куна «куница»;

названия водных животных: *жаба* «жаба» (7), *жаба* «лягушка» (9, л. 440), *ужаба* «тж» (12), *раке* «рак», *ракапоть* «раковина» (7, л. 162), *ракъ* «рак», *ра·кобот* «раковина» (9, л. 437 об.);

названия птиц: *куку, кюкю* «кукушка» (8; 7, л. 77), *орабийке* «воробей», *раби* «тж» (6, л. 36 об.).

Названия географических понятий, рельефа местности, почвы: *курганъ* «курган» (7, л. 80), *межа·* «рубеж, граница, конец, предел», *межамъ палемдэмъ* «границы назначаю» (7, л. 101), *межа· шамыцемъ лиштэмъ* «рубежи ставлю», *поракъ, пракъ* «пыль» (16, л. 101), ср. рус. прах; *сола* «деревня» (7).

Названия металлов, химических соединений: *платъ* «булат» (6, л. 17 об.), *купоросъ* (9, л. 446 об.), *нашатеръ* «квасцы» (9, л. 446 об.).

Названия природно-климатических явлений: *поран* «метелица» (8), «буря» (16), *жара* «заря» (12), *южара* «заря утренняя» (8), *туман* (9, л. 450).

Названия, связанные с подсчетом времени: *верема* «время», *веремя* (6, л. 11. 154), годъ: *тугодъ* «година» (8), *пора* «время» (9, л. 437), *срокъ* «срок» (7, л. 172).

Лексика, относящаяся к духовной культуре – слова, связанные с обозначением религиозных понятий, обрядов, духовных лиц: *аркерей* «архиерей», *аркереенъ упш* «архиерейская шапка» (7, л. 5), *архелей* «тж» (6, л. 6), *попъ* «свя-

щенник», *попонъ* «священнический», *поноваръ* «пономарь», *пресъ* «крест», *пресъ гане* «на крест» (7, л. 37, 145), *церке* «церковь» (7, л. 212), *церка* (6, л. 358 об.), *кудо церка·* «домашняя церковь» (6, л. 69), *рошто* «рождество христово» (7, л. 164), *празник кече* «праздничный день» (6, л. 242), *менцаемъ* «венчаю» (7, л. 102), *венчаешъ кеемъ* «венчаю» (6, л. 50), *куляемъ* «праздную» (7, л. 78), *гуляешъ ляктамъ* «выходить гулять», *колатка* «гроб», колатканъ «гробный» (7, л. 65), *колотка* «тж» (8), *помнаемъ* «поминаю», *родо-ша·мыцымъ помина-е·мъ* «родителей поминаю» (7, л. 163);

Слова, связанные с образованием, школой, названия школьных принадлежностей : *школьник* «школьник» (7, л. 238), *книга, киняга* «книга», *возомо книга* «записная книга, книшка» (7, л. 17), *кинягамъ юктемъ* «читаю книгу» (12), *кумага* «бумага» (6, л. 130), *пумага·* (7, л. 151), *пе·четъ* «печать» (7, л. 134), *печатле·мъ* «печатаю» (7, л. 134), *писма* «буква, письмо, писмецо», *писма· шемедыма·ш* «чернение писма» (7, л. 137, 138), *чернига* «чернило» (7, л. 219), *уро·къ* «урок» (7, л. 204), *рестръ* «реэстръ» (7, л. 162);

названия музыкальных инструментов: *кюсле* «гусли» (8), *кюсель* «тж» (4), *кисле* «тж» (7, л. 58), *скрипка* «скрыпица» (7, л. 169).

Лексика, связанная с внутренним миром человека: *жаляемъ* «сожалею» (6, л. 309), *жалъ* «жаль мне» (9, л. 446), *ижалъ* «плача достойный, жалкий» (7, л. 28), *тогодаемъ* «догадываюся» (7, л. 182), *тумае·мъ* «помышляю» (6, л. 192), *цудеемъ* «дивлюся» (6, л. 66), «изумляюся», *личашъ: личашъ аклы* «неизлечимый» (6, л. 165), *меша·эмъ* «мешаю» (7, л. 102), *муцемъ* «вымучиваю» (6, л. 45 об.), *неволяемъ* «принуждаю», *пешъ неволяемъ* (6, л. 253), *отказемъ* «отказываю» (6, л. 199) , *пеналаш: опкелэнъ пеналэмъ* «выговор делаю» (7, л. 125), ср. рус. пенять, *перегемъ* «остерегаю» (6, л. 196), «охраняю» (6, л. 205), «храню» (6, л. 356), *пестае·мъ* «безчещу, поношу» (7, л. 134), *пестаеме* «безчестный», *пестаймаш* «поношение, безчестие», ср. рус. без чести, *спорлем* «спорюся» (9, л. 449 об.), *винаматъ оголъ* «невинный» (7, л. 14), *миласливанъ* «благосклонный» (6, л. 12), *милостян а·гал* «немилостивый» (6, л. 166).

Таковы основные лексико-тематические группы русских заимствований, зафиксированные в марийских письменных памятниках XVIII века. Количество их в разных группах неодинаково. Более значительное число таких заимствований связано с выражением жизненно важных социально-экономических понятий, торгово-денежных отношений, с обозначением предметов материальной культуры – предметов домашнего обихода, одежды, обуви, дворовых построек, предметов производства, орудий труда. Имеются также слова, относящиеся к обозначению внутреннего состояния человека, различных его чувств, переживаний, слова, связанные с названиями христианских религиозных понятий, обрядов, духовных лиц. С другой стороны, очень мало заимствований, обозначающих традиционные формы хозяйствования, животный и растительный мир, природно-климатические явления. Все они в совокупности свидетельствуют о разностороннем характере межэтнических, хозяйственно-экономических и куль-

турно-бытовых отношений марийцев с русским народом, о глубоком проникновении русского влияния в жизнь и быт марийского народа, в его материальную и духовную культуру. Считаем, что результаты русско-марийских языковых контактов рассматриваемого исторического периода в виде лексических заимствований разного содержания представляют несомненный интерес не только для филологов. Они полезны также для наших историков и этнографов, занимающихся исследованием истории социально-экономических и культурно-бытовых отношений двух братских народов, живущих на протяжении многих столетий совместно и в тесном взаимном сотрудничестве.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. *Селищев А.М.* Русские говоры Казанского края и русский язык у чуваш и черемис // Ученые записки Института языка и литературы. Т. 1. – М., 1927.

2. Подробное описание путешествия Гольштинского посольства в Московию и Персию в 1633, 1636 и 1639 годах, составленное секретарем посольства Адамом Олеарием. Перевод с немецкого П. Барсова. – М., 1870.

3. *Strahlenberg Ph. I.* Das nord und Östliche Jheil von Europa und Asia... – Stocholm, 1730.

4. *Миллер Г.Ф.* Описание живущих в Казанской губернии языческих народов, яко то черемис, чуваш и вотяков... – СПб., 1791.

5. *Саваткова А.А.* Русские заимствования в марийском языке. – Йошкар-Ола, 1969.

6. [*Дамаскин*]. Словарь языков разных народов в Нижегородской епархии обитающих, именно россиян, татар, чувашей, мордвы и черемис. Госархив Нижегородской обл. Ф. 2013. Оп. 602-а. Ед. хран. 186.

7. *Крекнин В., Платунов И.* Краткий черемисский словарь с российским переводом. ГПБ, отдел рукописей, Эрм., №-197/1.

8. Словарь языка черемисского. ГПБ, отдел рукописей. Материалы Аделунга, № 33.

9. Язык русско-черемисский // Разговоры по-русски да по-черемисски. Архив РАН. Ф. 21. Оп. 5. № 149.

10. *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка. Т. IV. – М., 1987.

11. *Исанбаев Н.И.* Русские заимствования XVIII века в марийском языке // Актуальные проблемы финно-угорской филологии. – Йошкар-Ола, 2003.

12. Сочинения, принадлежащие к грамматике черемисского языка. – СПб., 1775.

13. *Даль В.* Толковый словарь живого великорусского языка. Т. IV. – М., 1980.

14. *Даль В.* Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 1. – М., 1978.

15. *Даль В.* Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 3. – М., 1980.

16. *Паллас П.С.* Сравнительный словарь всех языков и наречий, собранные десницею высочайшей особы. – СПб., 1787–1789.

Nikolai Isanbayev

RUSSIAN BORROWINGS OF THE XVIII CENTURY IN THE MARI LANGUAGE AND THEIR THEMATIC GROUPS

Russian lexical borrowings in the Mari language which were fixed in writing monuments of XVIII century, compose more than 270 lexical units. Derivatives which formed from Russian borrowings base on the principle of Mari word-formation. By its content research borrowings are very different. They may be divided to some lexical and thematic groups. The number of borrowings is not identical in different groups. The author of the article demonstrated thematic groups of borrowings which are the most interesting from the point of view of history of social-economic conceptions, trade and money relations with the marking of things of material culture. There are many words which mark inner condition of the man and his inner world, also words connected with the names of Christian religious concepts. On the other hand there is a number of borrowings marked traditional forms of Mari housekeeping, animal and vegetable world. They are all show many-sided characteristic feature of interethnic connections of the Mari people with Russians. They are evidence of a deep penetration of Russian cultural influence to the life and life way of Maris and their material and spiritual culture.

«Финно-угроведение», 2007, № 2

СООБЩЕНИЯ

Надежда Федосеева,
Мария Пенькова
Йошкар-Ола

ФОЛЬКЛОР И ЛИТЕРАТУРНЫЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ В «МАРЛА КАЛЕНДАРЕ»*

В истории дореволюционной марийской литературы «Марла календарь» занимает особое место. Предоставленная царизмом относительная демократическая свобода разным национальностям России в связи с первой буржуазно-демократической революцией дала возможность издавать на марийском языке первый светский журнал «Марла календарь» («Марийский календарь»). Это уникальное в своем роде периодическое издание, положившее начало развитию национальной литературы, печатанию различного рода публицистических и художественных произведений и показавшее практически все стороны жизни марийцев того времени: и бытовые, и социальные, и культурно-исторические в том числе. «Марла календарь» стал полноправным путеводителем народа в полноценную образованную жизнь. Он издавался ежегодно с 1907 по 1913 годы и был возобновлен в 1918 году. Такие же календари выходили на татарском (К.Насыйри), чувашском (К.Прокопьев) и удмуртском (И.Михеев) языках. Правильно отмечает И.А. Зеткина, что календари содержали разнообразную полезную информацию, педагогические советы, сведения из истории народа, образцы фольклора и авторские литературные произведения на языках этносов (1, с. 65).

Первый номер «Марла календаря» является переводом «Народного календаря» (1906) Нижегородского издательства «Сеятель». В.М. Васильев в своей автобиографии пишет, что «ярко красный по содержанию, он обратил на себя серьезное внимание и цензуры, и русской общественности вообще. Вполне понятно, что издание могло выйти в свет лишь с десятками цензурных купюр в виде вымарок китайской тушью в самой типографии за счет заказчика. Вымар-

*Работа выполнена при поддержке РГНФ 07-04-24401 а/В.

ки были по несколько строк и по полустранице… Было замазано даже одно слово «осал» (злой) в сочетании «осал начальник»… Издателю оставалось одно: или отказаться от взятого курса в революционном оформлении календаря на будущий год, или ограничиться приданием ему более лояльного, терпимого для правительства вида. Автор-издатель избрал последнее, чтобы сохранить возможность издания и дать своим сородичам хоть что-нибудь, чем ничего, тем более, что на марийском языке не было никаких светских книг. Действительно, издатель не ошибся. В апреле 1908 года было возбуждено дело по поводу календаря 1907 года Казанской прокуратурой. Но так как это было сделано лишь в апреле 1908 года, а календарь вышел 24 марта 1907, то в виду истечения годичного срока инкриминация в содеянном преступлении отпала» (2, л. 22; л. 96). Надо заметить, что практически такая же картина наблюдается и в изданиях календаря на других языках. Например, «удмурт И.В.Яковлев за революционные идеи, допущенные в своем календаре в один из тех же годов, был подвергнут трехлетней высылке в Костромскую губернию» (2, л. 96).

Материалы устного народного творчества марийцев, собранные русскими, марийскими и финскими исследователями XIX столетия, послужили большим толчком к собирательской деятельности среди марийской прогрессивной интеллигенции XX века. У истоков создания этого ежегодника на марийском языке стояли В.М.Васильев, П.Глезденёв и другие. Во вступительных статьях календаря они называли себя «марийцами, живущими в Казани», употребляя при этом разные формы (*Озанг Мари влак* – 1907, 1908; *Озанъышты илышы мари-влак* – 1909; *Озанъышты илышы мари-шамыч* – 1910). Эти статьи носят характер обращения, призыва. В первых двух номерах сами названия являются обращениями: *«Шочшына-влак!»* («Родичи!»); *«Мари-шамыч!»* («Марийцы!»), в остальных вводные статьи названы «Предисловием» (*«Ончыч каласыме мут»*). В них редколлегия обращалась к народу со следующим призывом:

«Марiын ышкэ шомакшы укэ мо? Кунам шнжы ли! Сай, поры ойым пуымыжы шуэш гын, тошты йэнг мутшы уло; туштым туштaлташ – туштыжы шукы; муралталын колта гын, пытышаш огыл мурыжо; йомакшым манат гын, колыштынат от пытарэ! Эн сайжым, эн кӱлэшыжым гына войзэна… Мурым, туштым йӧратышы-шамыч! Тэлэчда пэш сӧрбалэн йодына: чыла моштымы, колмы мурыдам, туштыдам, йомакдам, чыла шынчымы тошты йэнг мутдам войзэн-войзэн малашна колтыза. А мэ тэндан войзымыдам календарэш пэчатлэн пуэна» (3, с. 39–44) («Разве не имеют марийцы своего родного слова? Когда не было! Захочет дать хорошие, добрые наставления, имеются у него пословицы и поговорки; загадки загадать – загадок множество; спеть – нескончаемы песни; о сказках спросишь – не наслушаешься их! Мы напечатаем самое нужное, самое необходимое… Любители песен, сказок! Просим вас от всей души: все песни, что поются, слышатся вами, все загадки, все сказки, все пословицы, какие вы знаете, записывайте и присылайте к нам. А мы их напечатаем в нашем календаре»; здесь и далее перевод наш. – *М.П., Н.Ф.*).

Иллюстрация из «Марла календаря» на 1910 год

На этот призыв редакции быстро откликнулись местные учителя, которые, наряду с другими материалами, стали высылать интересные и самые разнообразные образцы народного словесного творчества. Многие из них были опубликованы на страницах календаря. Некоторые легенды и предания, собранные до революции учителями с разных мест, увидели свет лишь в 1931 году в сборнике В.М. Васильева «Материалы марийской народной словесности». Устное народное творчество открыло в то время прекрасную возможность грамотным, творчески настроенным людям на основе родных фольклорных мотивов создавать первые литературные произведения. Не имеющая в то время письменных традиций, марийская литература у истоков своего зарождения не могла не опираться на фольклор. Понятно, что связь эта не прервется и в будущем, но на ранних этапах становления она являлась почти основополагающей. Фольклор был одним из важных источников становления и развития марийской художественной литературы. Практически все марийские писатели и поэты заимствовали образы, мотивы и изобразительные средства в устной народной поэзии. В начале XX века начинающий писатель С.Г. Чавайн печатает в литературной обработке предания о богатырях-онарах – Чавае, Мустае, участвовавших в

различных исторических событиях, предание о марийском князе Йыланда – участнике походов Ивана Грозного на Казань, и другие произведения.

Фольклорные тексты, как и большинство литературных произведений, встречаются преимущественно в так называемых номерах «дореволюционных». В последующих на первый план выходят статьи социально-политического характера, образцы словесного творчества отходят на задний план или вовсе отсутствуют. Начиная с 1908 года, почти в каждом выпуске календаря печатались произведения устного творчества марийского народа. Так, в номере за 1908 год было опубликовано 36 пословиц и поговорок, 44 песни, 28 загадок. В предисловии «Марла календаря» за 1909 год повторяются изначальные мысли авторов о необходимости публикации образцов словесного творчества: «…в дальнейшем с целью просвещения своего родного марийского народа мы задумали печатать самые лучшие песни, умные советы наших предков, загадки, приметы о земледелии и пчеловодстве». Предисловие заканчивается призывом: «… марийцы, читайте книги, просвещайтесь, учитесь, присылайте записи примет, загадки, сказки» (4, с. 4). С этого момента на страницах «Марла календаря» произведения словесного творчества стали печататься в более богатом жанровом и тематическом составе. В номере за 1909 год было напечатано 86 загадок, 96 песен (72 – песни уфимских марийцев, 24 – песни марийцев с казанской стороны), 2 сказки, 174 пословицы и поговорки. В календаре за 1910 год – праздничные, свадебные, рекрутские песни с нотами, 42 частушки, 60 загадок, 114 пословиц и поговорок, 1 сказка. Выпуск за 1911 год содержит 47 загадок, 56 песен. В «Марла календарь» за 1913 год редакторы включили 280 пословиц и поговорок, 13 загадок, 1 песню. В дальнейших номерах на первый план выходят материалы очеркового и публицистического характера. Тем не менее в номере за 1918 год напечатано 86 загадок, 80 песен, 282 пословицы и поговорки, а в выпуске 1923 года, несмотря на ярко выраженный общественно-политический характер – 11 народных песен.

Язык марийского фольклора, в целом, отличается яркостью, образностью, выразительностью. Все это представлено на страницах данного периодического издания во всем многообразии различных фольклорных жанров, передававшихся людьми из поколения в поколение. Общий обзор фольклорного материала, представленного на страницах журнала, позволяет разглядеть его поэтическое богатство. Остановимся на наиболее ярких примерах.

Эпические фольклорные жанры, включенные в разные выпуски «Марла календаря», относительно малочисленны. Однако их отличает особый сюжет, тематика, в ряде случаев – и присутствующая идейная установка. Каждое из таких народных произведений уникально по-своему. И чем необычнее их сюжет, тем они ценнее и значимее. Возьмем, к примеру, сказку *«Ала-мо»* («Нечто»), напечатанную на страницах календаря за 1909 год. В ней рассказывается о том, как каждую ночь к одному марийцу приходил «Нечто» и, спев характерную песню, забирал одного за другим пять баранов из хлева, собачку, кошку,

дочку-сиротку, жену. Сам хозяин в последнюю ночь не спал до первого петушиного крика и спасся. В конце каждой своей песни «Нечто» громким голосом рассказывал, за кем пришел: *«мучаштэ кум мутшым огэш муро, а тыглай ойлымы ганьэ кычкырал каласа (речитативъ)»* («последние три слова не поет, а словно во время разговора выкрикивает»). Не исключено, что данное произведение могло попасть на страницы номера непосредственно со слов конкретного информанта.

Сказка по своей сюжетно-художественной структуре близка и к волшебной, и к бытовой (новеллистической), т.к. в ней присутствует определенный драматизм, пронизывающий ее содержание, сюжет. Она выделяется богатством традиционного словесного оформления, особой стилистикой и последовательным, почти строго выдержанным композиционным построением. Произведение отличается характерными словесными формулами, приемами повторения или ретардации (замедленного развития действия), которые способствуют усилению сюжетной напряженности повествования. Сказка изобилует различного рода художественно-стилистическими приемами: эпитетами и звукоподражательными словами: *«шорыкышт «бӓ-бӓ-бӓ!» маграш тӱҥалыт; ватыжэ «кхыр» да «кхыр» нэр шупшын мала; койа пырыс «мур-мр» мурыжым мурэн мала; изьэ пи «ау-ау-ау» оптала; кугу юалгы мардэж «вуж-вуж-вуж-ж» шокталта; йӱр «шор» шоктэн тӱҥалэш; ӱстэл «шулдыр-голдыр» сӱмурла, корка-влак «шылдыр-р» пудыргэн кайат, олымбал онга «шадрак» тугылда; мари куржталын «сьоп-сьоп» лийын пӱжалт пыта; агытан «кэкрэкрэ-эк!» муралта»* («бараны заблеяли «бе-бе-бе!»; жена захрапела «кхыр» и «кхыр»; толстый кот спит, мурлыча свою песню «мур-мр»; маленькая собачка залаяла «ау-ау-ау», сильный прохладный ветер зашумел «вуж-вуж-вуж-ж»; дождь застучал «шор»; стол ломится «шулдыр-голдыр», ковши разбиваются «шылдыр-р»; лавка треснула «шадрак»; мужик запыхался «сьоп-сьоп»; петух запел «кекреке-ек!») (4, с. 46–47). Текст наполнен национальным колоритом, что также способствует усилению экспрессивности данного произведения. События изображаются в основной эпической части сказки и носят активный характер. Традиционная ритмическая, рифмованная по форме, концовка сказки вытекает из благополучной развязки и служит для переключения внимания слушателя с фантастики к окружающей его реальности. В данном примере она еще и дополнена: *«йомак умбак, мый тэмбак, лӱдшы мари конга ӱмбак»* («сказка дальше, я поближе, испугавшийся мужик на печку»).

Весьма интересен песенный фольклор, собранный в разных этнических группах марийцев и опубликованный на страницах «Марла календаря» в богатом идейно-тематическом составе. В текстах народных песен обнаруживается специфическая поэтическая символика. Часто эти символы обозначают не какой-нибудь конкретный человеческий образ, а являются выразителями того или иного чувства, создают определенный эмоциональный колорит, что дает песне возможность тонко передать психологические оттенки различных переживаний лирического героя.

Символические образы подразделяются на разновидности. К примеру, «светлые» символы любовной лирики, заимствованные из растительного мира: *«шэмэ шоптыр ганьэ шинчат»* («глаза как черная смородина»), *«вичыж лышташ ганьэ тӱрвэт»* («губы как тонкий лист»); символы семейной жизни, заимствованные из животного мира: отец лирического героя силен как кабан (*«кабан гайэ»*), мать трудолюбива как пчелиная матка (*«мӱкш аба гайэ»*), младший брат быстр, словно имеет семьдесят семь крыльев (*«шымлы шым шулдыран»*) (5, с. 41).

Как известно, народные песни отличаются яркостью поэтических образов, художественных сравнений. Например, в одной из песен лирический герой сравнивает отца с божьей птицей – кукушкой (*юмын куку*), мать – с крылом кукушки (*куку шулдыр*), старшего брата – с ласточкой (*варсэнгы*), сноху – с крылом ласточки (*варсэнгы шулдыр*), младшего брата – с летней бабочкой (*кенеж лыбы»*), младшую сестру – с крылом бабочки (*лыбы шулдыр*), себя самого – с летней ягодой (*«кэнэж саска»*), свою любимую – с цветком ягоды (*саска пэлэдыш*) (5, с. 42). Иносказательность – распространенный прием марийской народной песни.

В свадебных песнях немалое место отводится жанру величальных песен. В них воспевается красота молодой невесты, удаль жениха, щегольство свадебных гостей:

Шэмын-шэмын мо койэш?	Что там чернеет?
Пойан йэнын каванжэ.	Стога богатого человека.
Шӥан-тэнган мо койэш?	Что там блестит-серебрится?
Сӱан марӥйын ватыжэ (6, с. 43).	Жена участника свадьбы.

Некоторым свадебным величальным песням присущи гиперболизированные сравнения:

Вичкыж мардэж пуалалэш,	Подует резкий ветер –
Озанг ола тарвана.	Заволнуется город Казань.
Эрмак сӱаным ышталалэш,	Эрмак играет свадьбу –
Элнэт элжэ тарвана (6, с. 44).	Заволнуется Илетская земля.

Одной из особенностей марийских народных песен, напечатанных на страницах издания, является своеобразие выражения социальных чувств, их лирическое оформление. Общественное начало в них может в ряде случаев выступать в контексте с описанием природы, красоты окружающих предметов и явлений. Немалое место занимают песни с сиротской тематикой. Обобщенный образ лирического героя-сироты предстает страдающим от одиночества. Отчуждение и непонимание со стороны других людей приводит к драматическому конфликту во внутреннем состоянии лирического героя. Восприятие жизни одиноким человеком всегда драматично. Оно способствует возникновению противоречия между обществом и личностью, между окружающей общественной и природной средой. Но эти противоречия не ведут к гибели героя, а вызывают в его душе глубокие страдания и переживания:

Ошо дечат ошо комбэм ильэ,	Был у меня гусь белее белого,
Вӱд укэлан ындэлай шэмэмэ.	Без воды теперь почернел.
Чэвэр дэчат чэвэр чурiэм ильэ,	Было у меня лицо красивей красивого,
Ойгыж дэнат ындэлай шэмэмэ (6, с. 42).	От горя теперь почернело.

Исходя из вышеотмеченного можно сделать вывод о том, что марийская народная песня, представленная в анализируемом издании, разнообразна по идейно-тематическому содержанию, оригинальна по художественному выражению духовного склада народа.

Обратим внимание на малые жанры – пословицы, поговорки, загадки. На страницах «Марла календаря» с 1907 по 1913 гг. было напечатано свыше 600 пословиц и поговорок. Они обозначены в издании следующим образом – *тошто йэҥмут* «слова древних людей», *тошто марiйын поро канашыжэ* «добрые наставления древних марийцев». Подобная оценка была мотивирована верой авторов в мудрость своих предков. Пословицы и поговорки утверждают морально-нравственные жизненные принципы, отражают различные стороны жизни и быта марийских крестьян, в них находят свое выражение социально-классовые отношения. К примеру: *Кандран кужужо сай, мутын кӱчук* «Веревка хороша своей длиной, а слово – краткостью». *Иминэ ӧрда гын, озажым чума* «Разжиревший конь лягает хозяина». *Поянын намысыжын пундашыже укэ* (6, с. 47) «У богатого совесть бездонна».

Содержание ряда метафорических пословиц расшифровывается. Например: *Пылыш вуйым ок эртэ (ача-ава йоча деч ушан)* (6, с. 46) – «Прежде голова, затем уши» (родители мудрее детей).

Характерным качеством марийских пословиц и поговорок является их морализующая тенденция, изначальная обучающая нравственная установка. В таких образных выражениях проповедуются благоразумие, народная мудрость и сдержанность. В силу консервации в народной устной лексике архаических форм марийские пословицы и поговорки характеризуются каноничностью стиля. Общая идейно-тематическая установка сохранилась спустя множество десятилетий. Это доказывает преемственность и устойчивость фольклорных традиций марийцев.

Например, в старинной трактовке: *Шопкэ пу дэч олма ок шоч* «Осина яблоко не родит» – в современном обиходе: *Кугилӓн рошашты тум эхельӹм ак кыӵӓлеп* «В березняке желуди не ищут». Или: *Пирэ логарышкы пурэн гын, тудым шупшын налын от кэрд* «То, что попало в пасть волка, назад не вытащишь» – *Пире вӱр ӱпшым шижеш гын, ушыжым йомдара* «Волк, почуяв запах крови, теряет рассудок».

Сложнее дело обстоит с жанром марийских загадок (*тушто-влак*), опубликованных на страницах издания. Кроме примеров стандартных, отличающихся четкой образностью и метафоричностью, встречается немало примеров, отгадку которым найти очень сложно, а порой без помощи авторов совершенно невозможно. Это касается в первую очередь загадок, построенных на основе

подражательных слов, которые невозможно не только перевести на другой язык, но и невозможно понять, о чем идет речь в конкретном примере: *Пра-пра-павраслн, павраслн да тугылдым; кыси-коси-кок, сайа-майа тыл-дал, ишкылдым-йошкылдим-торт!* Другой пример: *Кылдырык-кылдырык сайэмпай, кылдырык-кылдырык тык-чык-эйэкпэ.* Подобного же рода: *Ски-ски,когон, тыл-тыл-пантаса.*

Трудно отгадываемые загадки связаны чаще с крестьянским бытом марийцев, с их работой. Ввиду отсутствия того или иного рода трудовой деятельности человека и связанных с ней специальных рабочих терминов (к примеру, ручного ткачества) в настоящее время подобные загадки практически не встречаются. Не исключается, на наш взгляд, и вероятность того, что некоторые такие примеры могли быть взяты информантами из детского фольклора, о чем свидетельствуют стиль повествования, манера «запутанности речи», двусмысленность примеров. Однако сделать окончательные выводы сложно. Авторы не ставили перед собой цели жанровой разбивки принятого от народа материала. Им важно было передать народу его же собственное словесное богатство, утвердить его исконный, внутренний, переданный «из поколения в поколения» талант.

В некоторых номерах издания встречаются фольклорные примеры, не попадающие в рамки традиционной жанровой классификации. Тем не менее они не лишены клише «народности». К примеру, следующее повествование, напи-санное в стихотворной форме о споре марийца, татарина и русского:

Ожны ик кана ваш лӱйын	Однажды как-то встретились
Руш, сӱас да ик мари	Русский, татарин и один мариец
Кут кид дэнэ кумытын	В шесть рук они втроем
Ик йондалым ышталын	Сплели один лапоть
Лӱмым кычал шогэныт (4, с. 46).	И затеяли спор о том, как его назвать.

По своим художественным особенностям это народное произведение близко к жанру устного рассказа. Подобного рода является *«туштыт туштымаш»* («загадывание загадки»), представленное в форме диалога между двумя людьми – загадывающим загадку и отгадывающим ее.

Практически не встречаются в «Марла календаре» слова-заклинания, тексты древних языческих молитв, заговоры различного рода и т.п. В противоположность другим жанрам народного творчества, вышеперечисленные виды словесного искусства не только не были по праву оценены редакторами издания, а, напротив, осмеяны ими как «издержки древних и темных сторон жизни черемисов». Издателями были приведены в качестве примера несколько текстов заклинаний и сделан следующий вывод:

«Ида инаны, ышкэ моштымашта ок ли гын, кэрэк могайы шӱвэдыш шомакат паша ышташ ок полшо... Тыгайы полган мут-шамычым кэрэк йӱдшы-кэчыжы окыныза, ышкэ моштымаш дэнэ тӧчымашда ок ли гын, пашада са-

дак опчыкы ок кайэ... Эй, мари, мари, мари! Тыгэ ойлыштын мунарак порым ужат? Адак маныпа, вэсь кугужа калык-шамыч тыгэ ойлыштмым шукэртак кудалтэныт... Илышыштым тӧрлатымышт дэнэ пойанын, тэмын, ойгытэ, нужнатэ шлат» (3, с. 38–39). («Не верьте, если не будет вашего личного мастерства, никакое заклинание не поможет вам в работе… Можно и днем, и ночью говорить такой вздор, но если не будет вашего умения и старания, то работа не будет продвигаться вперед… Эй, марийцы, марийцы, марийцы! Разве можно дождаться добра от таких нелепостей? Повторяем, что народы других стран давно отказались от подобного, они наладили свою жизнь и живут богато, сыто, не зная горя, бедности»). Подобное негативное отношение к древним народным верованиям вполне соответствовало общественному и социально-политическому духу передовых образованных людей той поры.

Таким образом, страницы «Марла календаря» отразили художественное богатство и разнообразие устного словесного творчества марийского народа. Редакторы смогли достичь одну из своих главных целей – передать народу его же собственный материал, который, возможно, вначале не был оценен самим носителем по достоинству, но в дальнейшем стал основой зарождения профессиональной марийской литературы.

На обложке или на обороте титульного листа календаря авторы публиковали рекламные стихи о данном издании. В них призывали марийский народ читать книги на родном языке. Такие стихи являлись последовательными рассказами о важном значении книги и самого календаря в жизни народа:

Ӱстел тӧрыш шинчам да,	За стол сяду да,
Календарьым почалам;	Открою календарь;
Календарым почам да,	Календарь открою да,
Возалтмашым лудалам.	Почитаю написанное.
Тэж мый йырэм шинчалза,	Вы же садитесь вокруг меня,
Мыйын лудмэм колыштса (3).	Слушайте мое чтение.

В другом номере календаря за 1909 год составители предлагали читателю послушать рассказы на марийском, родном ему языке, при этом лишь немного изменив некоторые строки данного стихотворения:

Ӱстелжынат тӧрышкыжы	За стол
Пуралалын шинчалам;	Сяду;
Марла гына календаржым	Марийский календарь
Почалалын лудалам.	Открою, буду читать.
Тэж кӱдыкэм толалалын	Вы же близко подходите,
Мыйын йырэм шинчалза;	Садитесь вокруг меня;
Марла гына лудалалмэм	Мое чтение на марийском
Сайыпракын колыштализа! (4, с. 1).	Хорошенько слушайте!

Следует также заметить, что такие стихи призывали марийский народ к просвещению:

Толыдалын шинчалза,	Приходите, садитесь,
Колышталын ончалза!	Послушайте!
Тыды книгам малмат	Эта книга пусть пригодится
Йӧршаш лийжэ таладат.	И мне и тебе.
Книга колышт шинчымаш –	Слушаешь как читают книгу, –
Уш-акылым погымаш.	Набираешься ума.
Книга мемнам шоныкта,	Книга заставляет нас думать,
Тӱрлы йӧнлан тунукта (7, с. 2).	Многому научит.

В таком же духе написано и стихотворение Сергея Григорьевича Чавайна «Юмо дечын ю патыр» («Знание сильнее Бога») с подзаголовком *тошты йэ-ӊын мутшы* («слово пожилого человека»), по своему жанру напоминающее притчу, иносказательный поучительный рассказ (опубликовано под псевдонимом С.-ик-эрге). Стихотворение написано на основе прозаической басни Л.Н.Толстого «Ровное наследство». Чавайн в своей автобиографии писал, что этим стихотворением он хотел показать силу знаний (8, с. 279). Впоследствии классик марийской литературы переработал его. Если в первом варианте стихотворение заканчивалось так:

«Кузе тыйы пойышыч?»	«Как же ты разбогател?»
Маншы йынлан сады йэҥ.	Спросили у него.
«Йумы дечын йу патыр!»	«Знание – сильнее бога!»
Манын вэлы каласэн (3, с. 27).	Лишь ответил.

То в другом варианте вместо последних четырех строк он добавил новые семь строк:

Окса уке, кинде пытыш,	Денег нет, хлеб закончился,
Йорлеш кодо поян ен:	Богатый обнищал:
Погым поген чумыраш	Наживая богатство,
Илымаште кӱлеш ын	В жизни нужен ум.
Тунеммаште – поянлык,	В знании – богатство,
Жапше годым тунемза!	Учитесь вовремя!
Сай илымаште тазалык,	Здоровье – в хорошей жизни,
Эреак улан шлалза! (9, с. 57).	Всегда живите богато!

Если в «Марла календаре» автор делает вывод, что знание сильнее бога, то в позднем варианте – что богатство в знании, здоровье – в хорошей жизни. В сборнике «У саска» («Новые плоды») стихотворение вышло под названием «Шинчымаште – поянлык» («Богатство – в знании»). В других номерах «Марла календаря» С.Чавайн продолжает эту тему. Так же, как и в предыдущем случае, автор в последующем переработал свои произведения. Так, стихотворение «Книга» («Книга»), опубликованное в календаре за 1910 год, выходит в календаре за 1923 год с недостающими строками о том, что благодаря книге европейские народы живут богато. Марийский просветитель в позднем номере календаря оставил лишь сожаление, что марийцы по-прежнему бедны из-за того, что не любят книгу. В сборнике стихов за 1935 год С.Чавайн опубликовал тот же вари-

ант стихотворения, что и в календаре за 1910 год, в собрании же сочинений за 1967 год первые строки изменены:

Ой, книга, книга,
Чылажымат тый кэртат:
Агылчанлан тый оксам
Важык дэнэ пуэнат;
Пырансузлан чонгэшташ
Тый шулдырым пуэнат;
Нэмычланжы кавамат,
Мыландымат почынат;
Амырканжым амаллан
Тӱрлы сэмын туныктет (10, с. 1).

Книга! Книга! Ты сильна,
Света мудрости полна.
Англичанину денег
Много ты дала;
Французу летать
Крылья ты дала;
Немцу же небо
И землю ты открыла;
Американца же
Учишь разным ремеслам.

Ой, книга, книга!
Чылажымат тый кертат:
Кӧжӧ тыйым лудалеш –
Пыл помышым раш ужеш,
Мланде кӧргыш ушыж ден
Пурен лектеш, шоналтен,
Южыш кӱза, чонешта,
Шудо дене мутлана (9, с. 90).

Книга! Книга! Ты сильна,
Света мудрости полна.
Кто тебя читает, тот
Видит далеко вперед,
Мыслью может мир объять,
Тайны недр земли понять,
Может птицей в небо взмыть
И с травою говорить (11, с. 44).

Обратив внимание на то, что в календаре стихотворение опубликовано на первой странице, автор под своим произведением не поставил своего имени. Но уже под другими он подписывается как С.Чавайн или латинскими буквами Krgori Sergei mari Tschvajn.

Значительную часть календаря занимают переводные этнографические и исторические материалы. Они носят очерковый характер и имеют просветительски-филантропическую направленность, отличаются информативной насыщенностью. По своей тематике такие материалы подразделяются на:

– историко-этнографические очерковые статьи, посвященные происхождению марийского народа и его связи с финно-угорскими этносами;

– статьи, посвященные ведению сельского хозяйства;

– педагогические или же нравственные очерки;

– очерки из истории Российского государства и царской семьи.

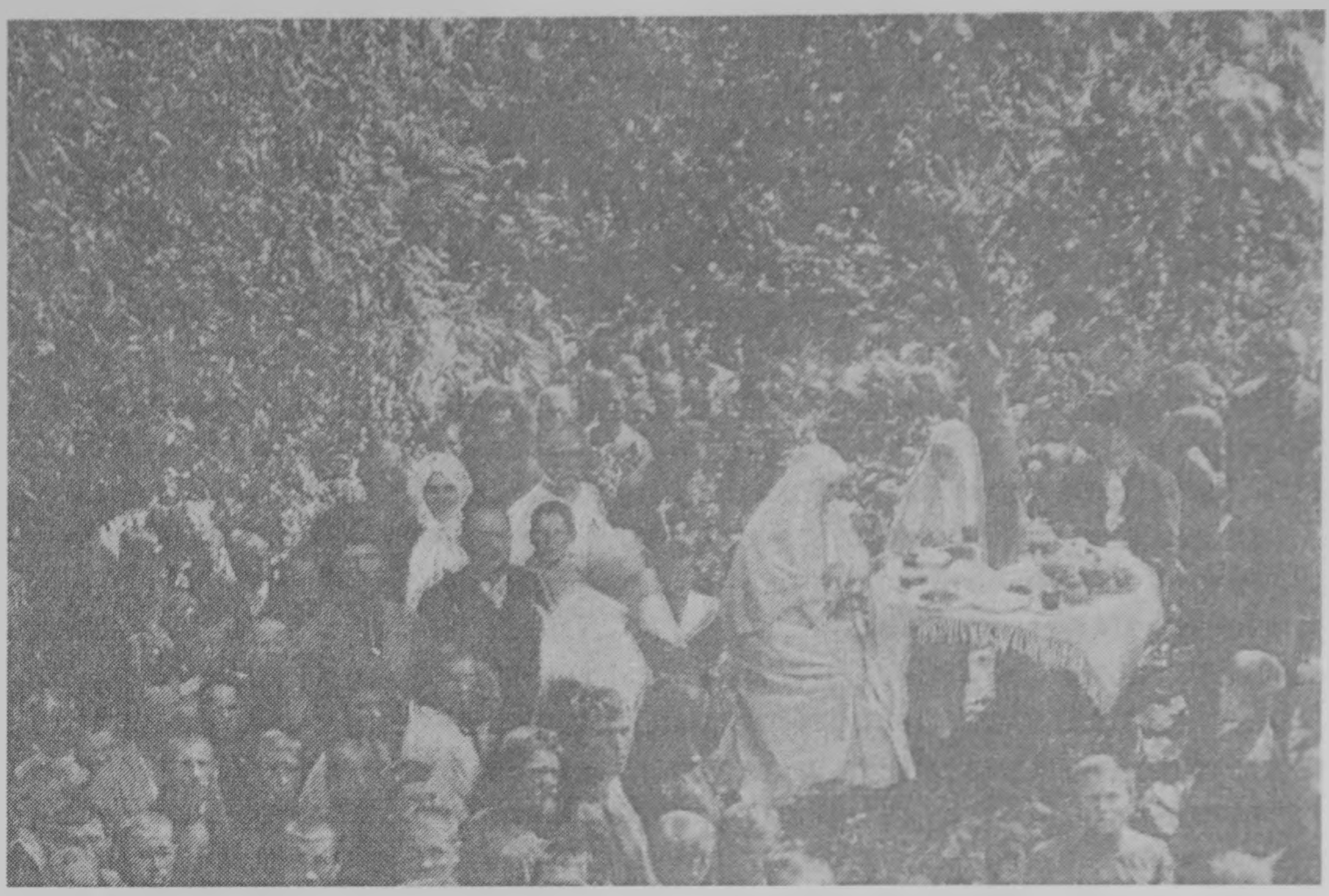
Следует также отметить, что очерковые формы статей отличаются открытостью и синкретичностью. Поэтому эти произведения представлены как очерки-рассказы, очерки-статьи, репортажи, путевые очерки и т.д.

Например, в календаре за 1911 год опубликован материал о посещении Великой княгиней Елизаветой Федоровной черемисского монастыря в Николо-Березовке Бирского уезда Уфимской губернии 8, 9, 10 и 11 июля 1910 года по своему жанру близкий к репортажу с места события. Вероятно, сам автор произведения принимал участие в крестном ходе (автор статьи не указан). Книга о посещении княгиней черемисского монастыря в Николо-Березовке, написанная священником Сергием Покровским на русском языке, вышла в 1912 году. Марийские тек-

сты и цитаты, имеющиеся в календаре и встречающиеся в этой книге, практически не отличаются – это приветственные речи, произнесенные при встрече Елизаветы Федоровны. Игумен монастыря отец Анастасий на марийском языке сказал следующее: *«Кугу княгиня! Елизавета Феодоровна! Святой Николай Ачана ышке чудам, ыштышы икон дэнжы кум шӱды и кӱшыл Юмын куат дэны шэм калыклан полшэн шога. Тыш толмэт, Кугу княгиня, Йумын сабырмы почэш лиш, св. Николай Ачана полшымы дэны. Св. Николай Ачана тыйым мэмнан дэкы ӱжын кондыш, Кугу Йумын пашам ышташ, мэмнам пычкэмыш шамычым волгалтараш. Пэш кугун куанэн тыйым ваш лимэкы, мэ Йумылан кумалына. Йумын куатшы, Йумын Абажын аралмыжы ты-йын вуйышитэт ӱмыр-ӱмыр мучкак лижы»* (5, с. 20). На русском языке такую же приветственную речь произнес Архипастырь: «Ваше Императорское Высочество! Благоверная Княгиня! Святитель Христов Николай чрез чудотворный образ свой вот уже более трехсот лет дивными явлениями милости небесной неусыпно покровительствует земле сей и народу, живущему на ней. Твое, благоверная княгиня, прибытие к нам – новая и великая милость Божия по предстательству Святителя Николая. Ныне Сам Святитель Николай зовет Тебя, – зовет на великое дело спасения седящих во тьме и сени смертней. Радостно приветствуя Тебя с благополучным прибытием, вместе с сонмом священно-служителей, моих соработников на ниве духовной, усердно молю Господа Бога, дабы благословение небесное и покров Заступницы рода христианскаго почили на Тебе до века и сохранил бы Тебя на всех путях Твоей жизни» (12, с. 17).

По сравнению с русским очерком священника Сергея Покровского, текст на марийском языке в «Марла календаре» носит информационный характер и он более сжат: это освещение событий во время пребывания члена царской семьи в марийских деревнях. Автор описывает, что жители деревень свои дома украсили цветами, флагами, оделись в белые нарядные одежды, встречали княгиню с хлебом и солью и говорили ей: «Угощаем хлебом-солью Ваше Императорское Высочество, дай Бог Вам добраго здоровья» (5, с. 22). Елизавета расспрашивала крестьян об их жизни и быте. Они очень радовались этому и давали ей деньги на свечку, чтобы княгиня помолилась за них. После отъезда Елизавета прислала архиерею телеграмму следующего содержания: «Дай Бог, чтобы по молитвам Святителя Николая, я могла хоть немножко принести пользу Вашему Святому делу миссионерства» (5, с. 23). Как видно из содержания репортажа, еще при жизни Елизавету почитали как святую. Напоминаем, что княгиня в 1992 году канонизирована Русской Православной Церковью.

Такого рода материалы, а также рассказы о чудесах, о святых местночтимых иконах, жития святых включены в два номера «Марла календаря», когда он издавался Переводческой Комиссией при Управлении Казанского учебного округа. Следует также заметить, что они взяты из рассказов марийцев *(Марилан кончышы св. икона-шамыч).*

Великая Княгиня Елизавета Федоровна у черемис-язычников, 1912 г.

Рассказы, практические советы по ведению сельского хозяйства непосредственно связаны с бытом марийца-крестьянина. Например, серия очерков об ухаживании за пчелами оформлена в виде хронологического повествования (*«Кузе Атавай мӱкш ончаш тунэмын»* – «Как Атавай учился ухаживать за пчелами»), переписки (*«Мӱкш нерген войзымы писма-шамыч»* – «Письма о том, как ухаживать за пчелами»), рекомендаций (*«Мӱкш ончымаш»* – «Как ухаживать за пчелами»; *«Мӱкш ончымо нерген»* – «О том, как ухаживать за пчелами»; *«Мӱкш ончымо паша»* – «Как ухаживать за пчелами»).

Педагогический текст Икумари *«Кузе икшывым ончаш-тупукташ кӱлеш?»* («Как надо воспитывать ребенка?»), опубликованный в календаре за 1910 год, представляет собой путевой очерк. Его особенность состоит не в интриге, не в событийной стороне, а в социальной значимости жизненных зарисовок. Автор, кроме образного изображения действительности, дополняет художественные картины диалогами, выдержками из официальных документов, цитатами сочинений Ушинского. Образ повествователя раскрывается полно и емко. Весь очерк строится на том, как герой едет в деревню Тумэнгер, и, ночуя у ямщика Тоймета, поражается жестокостью воспитания детей и грубым отношением матери к ним. При разговоре с Айгызой, родственником ямщика, выясняются более подробные детали воспитания детей женой Тоймета. Айгыза делает вывод о том, что *«Изи годым кэрэк кӧат изы ильыш дэны ила, модэш,*

курштальыштэш: кугы йэнгайы ольан, тып гына коштмаш икшыбылан колмаш дэны иктак. А игшыбылан кузэ пашам тутыш ыштыктэт? Кугу йэнъын ойгыжы улы, паша кӱлэшыжым унъыленат ок-кэрт; садылан тыршэн ыштэнат ок-кэрт. Икшыбылан модмаш, курштальмаш, курчак дэнэ, имньы дэнэ модмаш ышкэ эн сай паша. Ышкэ ганьжы изы-влак коклашты икшыбы сэмжы дэнэ ойла, шона, пашам ышта. Тыге ышке семжы дэнэ ушым пога, почылтэш. Садлан йэшышты икшыбы ышкэт гына, ик ырвезы альы ик ӱдыр гына лиэш гын, молы игшыбы дэкэ миэн-миэн ок-мод гын, сайын кушкын, ушан лиын ок-керт, анъыра лиэш» (10, с. 43). («В детстве кто угодно живет детской жизнью, играет, бегает; если ребенок будет, как взрослый, вести себя спокойно, для него это подобно смерти. Нельзя заставлять ребенка постоянно работать. У взрослого есть свои заботы, а ребенок не понимает, почему надо работать, поэтому и стараться не будет. Самая лучшая работа для него – это бег, игра в куклы, в лошадку. Он по-своему разговаривает среди своих сверстников, думает, что-то делает. Так он сам по себе набирается ума, развивается. Если в семье только один ребенок, одна девочка или один мальчик, если он не будет общаться с другими детьми, то он не сможет нормально развиваться, не станет умным»). В данном очерке публицистически анализируется процесс воспитания детей. Автор старается подчеркнуть, какую силу имеют различные педагогические действия, что можно допустить в воспитании и что нельзя, и что из этого может получиться. По сравнению с советами о воспитании детей, которые были опубликованы в «Марла календаре» за 1907 год, очерк получился более живым, ярким и поучительным в том плане, что нравственные наставления обогащены конкретными примерами из жизни.

Таким образом, необходимо, прежде всего, подчеркнуть большую просветительскую роль «Марла календаря», его вклад в формирование национального самосознания марийского народа и, возможно, даже слом стереотипа социальной и культурной ущербности этноса. Многосторонний обхват издания, простой и понятный народу язык журнала способствовали его доступности широкому кругу читателей. Поэтому «Марла календарь» стал одним из направлений просветительской практики в истории национального просветительства марийцев.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. *Зеткина И.А.* Национальное просветительство Поволжья (вторая половина XIX – начало XX вв.) // Педагогика, 2000, № 8.

2. НРФ МарНИИЯЛИ. Личное дело В.М.Васильева, № 27.

3. Марла календарь 1908 ийлан. – Казань, 1908.

4. Марла календарь 1909 ийлан. – Казань, 1908.

5. Марла календарь 1911 ийлан. – Казань, 1911.

6. Марла календарь 1918 ийлан. – Казань, 1918.

7. Марла календарь 1913 ийлан. – Казань, 1913.

8. *Чавайн С.Г.* Собрание сочинений в 5 тт. Т. II. – Йошкар-Ола, 1967.

9. *Чавайн С.Г.* Собрание сочинений в 5 тт., Т. I. – Йошкар-Ола, 1967.

10. Марла календарь 1910 ийлан. – Казань, 1909.

11. *Чавайн С.Г.* Я песни новые пою. – Йошкар-Ола, 1968.

12. *Покровский С.* Под молитвенным покровом Святителя Николая. Великая Княгиня Елизавета Федоровна у черемис-язычников. – М., 1912.

Nadezhhda Phedoseyeva, Maria Penkova

FOLKLORE AND LITERARY WORK IN «MARLA CALENDAR»

«Marla calendar» is a first periodical publication which put the beginning of the development of national literature, printing different publicist and artistic works. The journal enclosed and showed all sides of Mari life of that time: everyday life, social, cultural and historical. Common survey of folklore materials from the pages of journal let see their poetic reach and variety of genre composition. Moreover the author's first artistic works, translated ethnographic and historical materials are published in the journal. They were like essay and had educational philanthropic direction. Also they were notable for value of information. So, «Marla calendar» became competent guide of people of full value and educated life.

«Финно-угроведение», 2007, № 2

Елена Попова
Ижевск

ЗАПРЕТЫ В КОНТЕКСТЕ МЕХАНИЗМОВ СОХРАНЕНИЯ СВЯЩЕННЫХ РОЩ У БЕСЕРМЯН*

Запреты по отношению к сакральным местам в настоящее время выступают одним из механизмов сохранения представлений о духах-хозяевах окружающей природы и самих объектов. На территории Удмуртии встречаются разные виды природных памятников, связанные с традиционным мировоззрением живущих здесь народов. В их числе священные рощи, которые занимают важное место в культурном ландшафте селений удмуртов, бесермян и марийцев. Почитание рощи и прилегающей к ней территории сегодня в большей степени выражается в форме запретов, позволяющих проследить степень сохранения культа, трансформацию представлений и понятия «человек и природа» в целом.

Актуальность запретов и механизмы сохранения священных рощ в современной сельской среде рассматриваются на материалах, собранных среди бесермян – народа, проживающего компактно на северо-западе Удмуртии. Основные источники – это рассказы местных жителей, описания обрядов и молений в роще, народные представления о Хозяине леса. Важное место при сборе информации отводилось картографированию объектов и фотосъемке, что позволило выявить степень их сохранности и место в культурном ландшафте села.

Упоминания о молениях в священных рощах встречаются в работах конца XIX – начала XX столетий (1, с. 240; 2, с. 56–57). Обозначение культовых объектов приводится в статье по топонимике бесермянских селений (3, с. 203–228). Описания молений, традиционные представления, связанные с этим объектом культурного ландшафта, даны в работе о календарной обрядности бесермян (4, с. 148–159). Помимо этнографических исследований некоторые священные рощи в Удмуртии изучались в ходе разработки нормативно-правовых и социальных механизмов охраны природно-культовых объектов и касались большей частью рощ удмуртов. По степени антропогенной трансформации экологи делят их на три группы. Первая – это слабо трансформированные лесные участ-

* Работа выполнена в рамках Программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Адаптация народов и культур к изменениям природной среды, социальным и техногенным трансформациям».

ки, сохранившие свою естественную целостность и выступающие в качестве эталонов коренных лесов. Рощи второй группы отнесены к умеренно трансформированным объектам, и в последние годы многие не воспринимаются как сакральные места и не охраняются. Третью составляют рощи, подверженные сильному антропогенному воздействию, полностью утратившие свое культовое назначение и активно используемые в хозяйственных целях (5, с. 51–52). Рощи бесермян можно отнести к объектам, сохранившим свою первоначальную целостность или частично трансформированным в результате естественного изменения растительного покрова и незначительного антропогенного воздействия. Документы сельских администраций и описания сельскохозяйственных угодий, воспоминания жителей свидетельствуют, что такие рощи не входили в объекты хозяйственной деятельности и всегда были в общественном пользовании.

В местной топонимике священные рощи обозначаются как *шъд карон* 'место, где готовят суп', *шъд карон чашша* 'роща, где готовят суп', *заз' эг сионн' и* 'место, где едят гуся', *киреметь* 'кереметь', *бабам къзйос* 'елки стариков'. Сегодня они представляют группу деревьев вблизи селения, обычно это ельник или пихтовый лес.

Каждый населенный пункт, кроме поздних выселков и хуторов, имеет одну, реже две рощи, которые являются частью исторически сложившегося культурного ландшафта, включающего и другие памятники. Кроме рощи – это участок за селением, где проходили летние моления о благополучной погоде на лето; место у реки для жертвоприношения Хозяину воды *вукуз' о*; объекты, связанные с культом заложных покойников, и деревенские кладбища. В пределах некоторых усадеб находились семейно-родовые святыни – постройки, где еще во второй половине XX века проходили моления женщин из родственных семей. Новые сакральные объекты появились с введением рекрутской повинности. Это ели при выезде из селения, куда, уходя на службу, новобранцы привязывали или прибивали в качестве оберега платок (ленту, полотенце). Степень включения традиционных объектов в современную обрядность разная. Все они по-прежнему представлены в местной топонимике, на этой территории ограничена хозяйственная деятельность, сведено до минимума антропогенное воздействие. Исключение составляют деревенские кладбища и объекты, связанные со службой в армии, которые по-прежнему находятся в сфере активной обрядовой практики.

Анализ устойчивости запретов, их место в мировоззрении современных сельских жителей, невозможны без краткого анализа сути почитаемого культа и основных обрядов, проводимых в роще. Моление в священной роще «закрывало год» и проходило осенью около дней Кузьмы и Демьяна, но не позже Покрова. Перед жертвоприношением посещали баню, а в рощу шли во второй половине дня, обычно с наступлением вечерних сумерек. Сотрудник вятского статистического комитета Н.П. Штейнфельд писал о таком молении: «Осенью совершается всеобщее жертвоприношение киремету. Бесермяне везут в лес птицу или баранов и закалывают их под священным деревом. Шкуры баранов остав-

ляют тут же, а остальное – варят и съедают, запивая кумышкой или водкой. Когда режут животное, то произносят: «вот тебе обещана была, дедушка, жертва: прими ее, не пугай, чтоб хорошо хранил все семейство, рождались бы сыновья и дочери здоровыми, и скотина была бы здорова» (1, с. 240). Моление и жертвоприношение устраивали, чтобы отблагодарить Хозяина леса. Трапеза проходила прямо в роще, где готовили и кашу с мясом из жертвенного животного или птицы. «У бесермян также существует обычай приносить в жертву лешему (чатча мурту) гуся. Жертвоприношение бывает осенью где-нибудь на опушке леса, в светлом ельнике. Для этого устраивается там нечто вроде стола. Покрыв это подобие стола скатертью, ставят на него две чашки, в одной бывает каша, в другой гусиное мясо. Лешего умоляют быть милостливым к людям и животным, проходящим по лесу. В особенности просят его не пугать» (6, с. 123). Имеются упоминания, что каждая семья совершала жертвоприношение под определенным деревом: «*Сюда везли дрова, посуду. Закалывали гусей, варили суп. Детей и женщин не водили. <...> Кости оставляли в лесу. Суп варили в котле. Гуся закалывали здесь же в лесу. <...> У каждого хозяйства там было свое дерево. У дерева закалывают гуся, приносят жертву для Чашшакузё. Потом возвращаются и сразу укладываются спать. Закалывали гуся в роще, называется шъд карон* (роща, где варят суп. – *Е.П.*). *Это проходит раз в год – в октябре*» (Зап. в 1986 г. от М.С. Невоструева 1930 г.р., д. Жувам Юкаменского района Удмуртии. Полевые материалы автора, далее – ПМА). Кашу в берестяной емкости – чуман с тремя лучинами, выточенными в форме лопаточек и заменявшими ложки, оставляли под деревьями для Хозяина леса. Под деревьями устанавливали специальный стол для жертвенных даров: накрывали его тряпкой и ставили туда берестяной короб с кашей (7, л. 15). Кости и пух жертвенного животного старались спрятать от посторонних, но обычно в роще их никто не трогал.

В связи с изменениями традиционного мировоззрения и народного календаря, некоторые трансформации в структуре молений и почитании культа произошли во второй половине XX века. Кроме перечисленных факторов, имевших место уже в 1930-х годах, в данный период определенную роль сыграли и антирелигиозная политика государства, социально-экономическая и демографическая (отсутствие мужчин) ситуация военного и послевоенного времени. Семейные жертвоприношения, а иногда и общественные, продолжали по мере возможности устраивать и в таких условиях. Жертвоприношение совершали в роще, а кашу уже варили дома, затем часть ритуальных блюд, кости и пух относили обратно: «*Под ель для Хозяина леса несли вечером кашу, кости, мясо. Это все клали в чашку из бересты. Ель, где совершали жертвоприношение, стоит и сейчас. Ее называли елкой стариков. Со всеми продуктами и вещами в Кузьмов день туда или только мужчины. Закалывали там, а мясо варили дома*» (Зап. в 1995 г. от Т.Е. Шмелевой, д. Тылыс Юкаменского района Удмуртии, ПМА). Важные элементы жертвоприношения, как показали материалы, в более или менее

полном виде воспроизводились и позже, когда по чьей-либо просьбе их совершал знающий традицию человек. Именно в таком виде обряд встречался в некоторых деревнях до недавнего времени. Это могло быть семейное моление осенью или жертвоприношение в случае чьей-либо болезни, если ее причину объясняли нарушением запретов в отношении почитаемых рощ или встречей с Хозяином леса.

Особый статус священных рощ в сельском ландшафте, устойчивость запретов, как отмечалось, связаны с почитанием Хозяина леса *Чашшакуз' о/Чашшамурт / Лудкуз' о*. Это определяло нормы поведения человека не только в лесу, но и дома. Например, не разрешали говорить о Хозяине леса, находясь в избе. Часто и сейчас во время беседы рассказчики стараются не называть его по имени, а используют иносказания или местоимения – *Со* 'Он', *Ачиз* 'Сам', *Код' окис' эз* 'Дальний', порой переходят на шепот. Хозяин леса, как объясняют информанты, по отношению к человеку бывает добрым и злым. Это зависит от того, насколько он чтит традицию, соблюдает правила поведения в лесу, не нарушает пределов сакральной территории. Широко распространены былички, повествующие о «встрече с ним», «принадлежащих ему деревьях», болезнях, наступивших в результате нарушения запретов.

В рассказах Хозяин леса обычно предстает в виде старика в белых домотканых одеждах, «ростом с человека или ель». Он живет вдали от людей, устраивает праздники и свадьбы; обладает нечеловеческими способностями, может внезапно уменьшаться и становиться невидимым. Хозяин леса необычайно силен, ходит по верхушкам деревьев, вызывает ветер и передвигается в его потоке, сносит крыши, вырывает с корнем деревья. Умение вызывать ветер и ураган – это еще одна из его сверхъестественных способностей. Считали, что с помощью свиста можно вызвать ветер и Хозяина леса, поэтому в лесу запрещали громко разговаривать и свистеть. Например, его появление предвещал внезапно поднявшийся ветер и закачавшиеся деревья. В таких случаях говорили, что «Хозяин леса гуляет по верхушкам деревьев». Отголоски антропоморфного моделирования ветра/вихря/урагана, где прослеживается его взаимосвязь с Хозяином леса, встречаются и в представлениях удмуртов (8, с. 56–57). Полагали, что пребывание в потоке такого ветра могло привести к болезни.

Под влиянием православной традиции Хозяин леса в народной культуре часто отождествлялся с некоторыми православными святыми, обычно с Кузьмой и Демьяном: «*Кузьма-Демьян это Хозяин леса (Лудкузё). Его называли Кузьма-Демьян. Есть специальный праздник Кузьмы и Демьяна. Кузьме, Илье Пророку гуся закалывали, обязательно готовили выпечку. В церковь ходили с гусем и шаньгами. Кузьмин день – это праздник Ильи. Имя у него Кузьма, Кузьма-Демьян*» (Зап. в 2000 г. от Р.М. Караваевой, 1926 г.р., д. Шамардан Юкаменского района Удмуртии, ПМА); «*Гуся закалывали в лесу и уносили туда все, что не доели после моления. Чужой человек, не своей семьи, не должен есть такое мясо. Это жертва Кузьме*» (Зап. в 1995 г., от М.М. Сабрековой, д. Шамардан Юкаменского района Удмуртии, ПМА). Во время осенних мо-

лений в роще и при болезни, если ее причину связывали с Хозяином леса, посещали церковь и ставили свечку перед иконами Кузьмы и Демьяна.

Достаточно обширная информация о почитании Хозяина леса и священных рощ, запретах сегодня сохранилась в сфере традиционной народной медицины и мифологических представлениях о природе некоторых болезней. Помимо способов лечения, рассказчиками приводятся объяснения причин недуга, как правило, возникшего в результате нарушения запретов, и несоблюдения сакрального пространства даже в наши дни. Причины и способы лечения болезней, представления о Хозяине леса находят параллели и в ранних материалах, что свидетельствует о преемственности традиции, более того – о значительной ее устойчивости и в современной культуре. Сравнение с более ранним источником позволяет утверждать, что структура жертвоприношения и дары не изменились: «Если заболеет кто в лесу, что, по мнению их, произошло непременно от испугу лешего, недоброго духа, по их Нюлэс-нюня, у русских лесной дедушко, или от нечаянно пущенного им ветра или как будь-то бы хлопанья в ладоши или хохота и прочих проделок сего их дяди – шалуна, хозяин, по совету ворожца и своего лекаря, сварив кашу и в ней часть гуся или утки с прочими постряпушками, чтобы все приготовлено неблагословясь, в чистой белой одежде несет в тот лес и оставляет на пне или колоде, чтоб обитающий тут лесной дядя, угостившись, был милостив и не дековался впредь над ним и его семейщиками, присовокупляет к сему ему в дар небольшое полотенце или часть холста. Иногда на таковое место уносят живую курицу, и отпускают оную тут со связанными ногами, или бросают только гусиное перо, перевязанное красною бумагою (тканью. – *Е.П.*)», – писал в середине XIX столетия священник одного из приходов (9, л. 20 об.–21). Жертвоприношение животными могли заменить кашей, обещанием поставить свечку в церкви перед иконой Кузьмы и Демьяна (10, л. 66, 106). Обычай выносить в лес птицу, яйцо, хлеб или крупу практикуется и в настоящее время.

Нарушение запретов часто считали причиной болезней и травм, особенно полученных в лесу. Болезнь, наступившую в результате посещения леса или «неожиданной встречи» с Хозяином леса, нарушения запретов называли *къд' окис' эз* 'пришедшая издалека', или *Къд' окис' эз кучэкэм* 'дальний привязался'. Недуг считали достаточно серьезным, требующим обязательного лечения и жертвоприношения; *«Эта болезнь къд' окис' эз* 'пришедшая издалека' *очень сильная болезнь. Приходит из леса. Говорили, что Хозяин леса привязался. Устраивают жертвоприношение. Называют его «выносить в поле». Проводили в определенный день. Говорят, вот Кузьма-Демьян есть захотел. Несут крупу, муку, железо, перо»* (Зап. в 1993 г. от З.С. Невоструевой 1937 г.р., д. Жувам Юкаменского района Удмуртии, ПМА). Описание разных случаев, рассказы о лечении болезней передаются из поколения в поколение, представляя распространенные и развернутые тексты. Сюжет их включает повествование о «неожиданной встрече» с Хозяином леса, ее последствиях

и способах устранения возникшего недуга. Обычно текст является своего рода напоминанием о запрете, последствиях его нарушения. Эта форма актуализирует и подчеркивает значимость сакрального пространства – рощи и леса и в современной культуре, даже не смотря на то обстоятельство, что обряды уже перестали совершать.

В настоящее время сохраняются запреты вырубать деревья, собирать грибы и ягоды в священных рощах, заходить в них без особой необходимости. Сложилась определенная система поведения в роще и ее окрестностях. Есть рощи, куда жители опасаются даже заходить: «*...Там раньше старики приносили жертву Хозяину леса, чтоб не беспокоил. Туда ходили осенью. У нас однажды студентов изурочило. Они поели там черемуху. У одного перекосило лицо, другой почернел и не мог говорить. Через шесть месяцев умерли. Там нельзя собирать черемуху. Жители деревни их предупреждали об этом. Русские это не признают. Родителям тех студентов говорили, что надо отнести туда хоть что-то* (то есть совершить жертвоприношение. – *Е.П.*). *Они в это не верят*» (Зап. в 1995 г. с. Ежево Юкаменского района Удмуртии, ПМА). «*Это место где ели гуся. Еще его называют «ели стариков». Один человек как-то срубил там несколько деревьев и потом заболел. Только один раз успели принести нарубленные дрова, во второй уже не пошли*» (Зап. в 2000 г. в д. Тылыс Юкаменского района Удмуртии, ПМА); «*Место это ловит. В стороне Ежева на краю деревни был хвойный лес. Там и сейчас стоят ели. Рубить деревья, собирать что-то там не разрешают. Если там «поймает», то в жертву приносят курицу. Живую птицу в лесу оставляют*» (Зап. в 1996 г. от Л.А. Курочкиной 1926 г.р., д. Усть-Лем Юкаменского района Удмуртии, ПМА); «*Елки стариков. Там мужчины гусей закалывали. Одного гуся приносили варить домой. Некоторые елки потом срубили. Сейчас там уже никого не закалывают. Старики там раньше гусей в жертву приносили. Верили – случится что-то, если срубить деревья. В войну, когда дрова в лесу не давали рубить, один решил там срубить. Кое-что перевез, а ветки оставил там. А потом заболел и внезапно умер, и уже никто ветки эти принести не посмел. Оставили их на том же месте. После Великой Отечественной войны еще какое-то время ходили туда молиться*» (Зап. в 2000 г. в д. Тылыс Юкаменского района Удмуртии, ПМА). В условиях, когда перестали проводить моления, рассказы о народном календаре и сакральном объекте оставались едва ли не единственной формой бытования культа.

Почитание леса и священных рощ связаны с пространственными и временными сферами в народной культуре, пониманием освоенного и неосвоенного, «своего» и «чужого» пространства. В этом контексте не только рощи в целом, но и деревья приобретают особый статус. Например, деревья в священной роще и даже некоторые ели в обычном лесу, по народным представлениям, являются «домом» и «местом отдыха» Хозяина леса. О них говорили *аслаз къзэ* ‘ель самого Хозяина’, поэтому запреты распространяются и на них. Это могут быть

обычные деревья или, наоборот, – выделяющиеся среди лесного массива: «*Они, эти ели Самого* (Хозяина леса. – *Е.П.*) *опасные. Принадлежат Самому. С сучьями, ветки растут от земли. Сами ветки покрыты хвоей как половиком. И верхушка с ветками не как у всех елей в разные стороны, а свисают как шалаш. Дети как в шалаш под эти ели прячутся. Обычно туда заходят, чтобы дождь не смочил. У нас в деревне недавно один парень заболел и умер. Сел под эту ель, когда шишковать ходил. Он* (Хозяин леса. – *Е.П.*) *ему так сказал: «С добром еще добирайся до дома, а потом будет тебе праздник». Это Сам сказал. Хозяин леса сказал. Человек-то его не видел, только слышал. Потом – этот человек заболел и умер»* (Зап. в 1995 г. с. Ежево Юкаменского района Удмуртии, ПМА).

В тех случаях, когда болезнь наступила в результате нечаянной вырубки такого дерева, то взамен него высаживали три новых, тем самым восстанавливали нарушенный природный баланс. «*Тогда еще в невестках ходила. Работала как-то на лошади в лесу, поехала за столбами для ворот. И рубщик деревьев даже был другой, сама я не рубила. Успели срубить только три сосны, я заболела. Знахарка туно-пеллясь сказала, что надо туда пересадить с другого места три сосны. Это, говорит, сосны Самого* (Хозяина леса. – *Е.П.*) *попались вам. Если в таком месте окажешься, то заболеешь. А когда дерево срубил, то вместо него надо посадить новое, но еще не известно примет Он или нет. Сам не можешь знать, угодишь ему или нет. Высаживать эти сосны мы ездили втроем – знахарка, мать и я. Запрягли белую лошадь. Это было летом. Знахарка велела матери моей постоять с лошадью в стороне и не смотреть, что она станет делать в лесу. Знахарка там помолилась, деревья посадила. Смотреть нельзя. Этот случай произошел уже после войны»* (Зап. в 1995. от Т.И. Антугановой 1924 г. р., с. Ежево Юкаменского района Удмуртии, ПМА); «*Наша бабушка лечила. Если кто-то в запрещенном лесу срубит дерево, то молитву читала: «Как ребенок, он глупый не понял, по незнанию, неосторожности срубил твое дерево, Нюлэскузё, Нюлэсбабам* (Хозяин леса. – *Е.П.*), *Илья Пророк. Он как ребенок, словно несмышленый срубил дерево». <…> «Да, надо высаживать, но чтобы высаживали, я уже не помню. Это наша бабушка рассказывала. Вот, если надо лес, и вырубил, и после того как вырубил, высаживал. Вместе с знахаркой кто-то из семьи шел садить. Из другого хорошего места, где народ обычно рубит, оттуда приносят с корнями и высаживают в лесу, где вырубили. Это и наша бабушка рассказывала. Высаживали. Высаживали»* (Зап. в 2000 г. от В.Н. Борисова 1928 г. р., д. Шамардан Юкаменского района Удмуртии, ПМА).

Приведенные примеры свидетельствуют, что важным обстоятельством в почитании леса и рощи было сохранение их целостности. Например, если была необходима вырубка каких-то особых деревьев в обычном лесу, то у Хозяина леса просили прощения, уговаривали переселиться под другое дерево: «*Лудкузё, я сломал твой дом и даю тебе другой. Мой Хозяин леса, эту твою ель срубаю*» (Зап. в 2000 г. от В.Н. Борисова 1928 г.р., д. Шамардан Юкаменского

района Удмуртии, ПМА). Описания жертвоприношений, высадки деревьев приводятся рассказчиками и в наши дни. Все эти обстоятельства, конечно, считаются мерой исключительной и вынужденной. Следует отметить, что эта практика и прежде не имела широкого распространения и совершалась как крайняя мера в случае тяжелых заболеваний, когда их причину объясняли нарушением приведенных выше запретов или даже случайностью.

Нарушение пространственно-временных запретов, посещение рощи в полдень или период утренних и вечерних сумерек, могли привести к неожиданной «встрече» с Хозяином леса. Пространственно-временные запреты относительно рощи и леса приобретали актуальность в полдень. В это время старались приостановить работу и отдохнуть, особенно если находились в поле или в лесу. По народным представлениям, именно в этот период велика вероятность встречи с Хозяином леса, так как он «гуляет по своим тропкам», «отдыхает», «выходит посмотреть на владения». Считали нежелательными привалы на отдых или трапезу на лесной тропе и под чем-то примечательными деревьями: «*Чашша-кузё и Лудкузё – это одно и то же. Он страшный и злой. Не разговаривай об этом. У него есть опасное время и место. Попадешься в это время, не к добру. Людей до гибели доводит. Он гуляет, как человек. Ходит по своим дорогам и проверяет. Если попадешь ему на пути, то из леса уже не выйдешь. И говорить о нем я боюсь. Не любит он, когда беспокоят. Нельзя тревожить его разговорами*» (Зап. в 1999 г. в д. Гордино, ПМА); «*В полдень не разрешали бродить по лесу. Нужно отдыхать. Он и Сам* (Хозяин леса. – *Е.П.*) *соблюдает время полдня. Если в обед окажешься в поле, то хотя бы пять минут, но нужно переждать. Надо остановиться. И у Него* (Хозяин леса. – *Е.П.*) *для отдыха несколько минут, у Него – у Хозяина. Нужно немного передохнуть. Отец так говорил: «Переждите, не работайте, отдохните. Пусть десять минут, но нужно переждать. Он* (Хозяин леса. – *Е.П.*) *ходит по своим тропинкам и садится под деревья отдохнуть, поспать и перекусить с дороги*» (Зап. в 2000 г. от Р.М. Караваевой 1926 г.р., д. Шамардан Юкаменского района Удмуртии, ПМА).

Сумерки и полночь становились временем, когда находиться в лесу было опасно. Вероятность «встречи» с хозяином леса, по народным представлениям, возрастала: «*Рассказывали, что есть Хозяин леса. Он, говорят, прогуливается в полночь. Да, в полночь. Так говорили.* – И с ним могли встретиться? Такие рассказы были? – *Да, говорили, что видели Хозяина леса. Здесь стояла конюшня. Недалеко от нее у нас «плохой лес». К нему не прикасаются. Это место есть и сейчас. Вот, конюхи рассказывали, что стоило выйти не вовремя и можно его увидеть. Много раз видели. Это обычно случалось в ночи. Например, когда коней посмотреть вышел или корм дать. Раньше на лошадях работали. Два и три раза ночью корм приходилось давать. Конюхи на этой стороне леса часто его видели. К этому лесу у нас не притрагиваются, не трогают его. Называют «плохим лесом».* – А этот человек мужчина

или женщина? – *Мужчина, говорят. Конюхи так рассказывали.* – Встретиться с ним – это к плохому или хорошему? – *Это и не к худу, и не к добру. Не нужно только разговаривать с ним. Иногда случается, что окажешься поблизости в плохое время, и тогда его можно встретить. И даже в хорошее время, в один момент какой-то случается, что он покажется»* (Зап. в 2000 г. от В.Н. Борисова, 1928 г.р., д. Шамардан Юкаменского района Удмуртии, ПМА).

Одним из эффективных механизмов охраны почитаемых мест, как показывает материал, были и остаются нормы обычного права и сложившаяся система запретов. Например, в результате изучения современного состояния священных рощ Удмуртии экологи отмечают, что использование только нормативно-правовых механизмов, направленных на их охрану, не имеет нужного эффекта. Одним из действенных социальных механизмов, наряду с законодательной базой, направленной на сохранение этого уникального природного и культурного наследия, остается так называемая «народная охрана» (5, с. 52). Это в полной мере можно отнести и к ситуации со священными рощами у бесермян. Сложившиеся представления и характер почитания священных рощ у бесермян находят параллели в культуре других поволжских народов – удмуртов и марийцев, чья жизнь и хозяйственная деятельность были связаны с лесом (11, с. 66–67; 12, с. 277–280; 13, с. 96–98).

Таким образом, в период, когда моления в рощах перестали проводиться, эти объекты продолжали играть значительную роль в формировании культурного ландшафта бесермянских селений, с ними был связан значительный пласт понятий и ценностей, отражающих взаимоотношения человека и природы. Одним из механизмов их сохранения были запреты. Сложившаяся система запретов и в наши дни регламентирует природоохранную деятельность местного населения, ограничивая антропогенное воздействие, тем самым, сохраняя священные рощи и прилегающее к ним пространство.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. *Штейнфельд Н.П.* Бесермяне. Опыт этнографического исследования // Календарь и памятная книжка Вятской губернии на 1895. – Вятка, 1894.

2. *Михеев И.С.* Несколько слов о бесермянах // Известия общества археологии, истории и этнографии. – Казань, 1901. Т. 17. Вып. 1.

3. *Тепляшина Т.И.* Топонимия, распространенная в районе расселения бесермян // Вопросы удмуртского языкознания. – Ижевск, 1975.

4. *Попова Е.В.* Календарные обряды бесермян. – Ижевск, 2004.

5. *Капитонов В.И.* Современное состояние и перспективы сохранения священных рощ в Удмуртии // Культовые памятники Камско-Вятского региона. – Ижевск, 2005.

6. *Емельянов А.И.* Курс по этнографии вотяков. Остатки старинных верований и обрядов у вотяков. – Казань, 1921. Вып. 3.

7. *Крюкова Т.А.* Полевой дневник экспедиции Т.А. Крюковой в Удмуртскую АССР в 1946–1947 годах. Архив Российского этнографического музея.

8. *Волкова Л.А.* Ветер как мифологический персонаж в мировоззрении удмуртов // Духовная культура финно-угорских народов: история и проблемы развития. Материалы международной научной конференции. – Глазов, 1997. Часть II.

9. *Сатрапинский К.А.* Вотяки и бесермяне, проживающие в приходе и селе Укан Глазовского уезда. 1854. Архив РГО. Разряд 10, оп.1, д. 48.

10. *Антуганов* (инициалы неизвестны). Бесерманьёс (Бесермяне). 1920-е годы. Научно-отраслевой архив УИИЯЛ УрО РАН, оп. 2Н, д. 391.

11. *Владыкин В.Е.* Религиозно-мифологическая картина мира удмуртов. – Ижевск, 1994.

12. *Волкова Л.А.* Земледельческая культура удмуртов. – Ижевск, 2003.

13. *Шутова Н.И.* Дохристианские культовые памятники в удмуртской религиозной традиции: Опыт комплексного исследования. – Ижевск, 2001.

Elena Popova

BANS IN THE CONTEXT OF KEEPING SACRED GROVES OF BESERMYANS

Nowadays bans with the respect to sacral places is one of the mechanisms of keeping presentations of spirits, hosts of environment and its objects. In the Udmurt territory you can meet various native monuments connected with traditional world-outlook of local people. Actuality of bans and mechanisms of keeping of sacred groves in modern country surroundings are considered on the materials gathered among besermyans who live on the north-west of Udmurtia. The main sources are stories of local people, descriptions of rites and prayers in the groves, shows about the forest's host.

One of the effective mechanisms of protection of respected places are the norm of ordinary rights and system of bans. At present the system of bans regulates activity of nature protection of besermyans, keeping sacred groves and its close-fitting area.

«Финно-угроведение», 2007, № 2

Галина Лисовская
Сыктывкар

ВКЛАД В.Н. ДЕМИНА В ИССЛЕДОВАНИЕ ТВОРЧЕСТВА И.А. КУРАТОВА И НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОГО КУРАТОВЕДЕНИЯ

Проблема сохранения и изучения национального наследия включает в себя сохранение и изучение наследия не только выдающихся писателей Республики Коми, но и крупнейших их исследователей. В последние годы в связи с резкой сменой идеологических парадигм, с одной стороны, и ухода из жизни плеяды ведущих коми ученых – А.К. Микушева, А.П. Туркина, В.Н. Демина, А.Е. Ванеева, с другой стороны, в литературоведении ярко проявился феномен «забывания предтеч».

В связи с этим важно осмыслить вклад видных литературоведов в исследование литературного процесса, обобщить их достижения с тем, чтобы понять, на каком этапе находится наука о литературе и что несет ей «переоценка ценностей».

Одним из таких ученых является В.Н. Демин. Его многолетние фундаментальные исследовательские труды в области коми поэзии составляют эпоху в коми литературоведении, в том числе и в изучении творчества И.А. Куратова, и являются национальным достоянием.

Первую статью о Куратове В.Н. Демин написал в 1975 году, и с этого года он постоянный участник всех «Куратовских чтений». Главы о Куратове вошли в его книги «Коми поэма» (1978), «Под кронами сосен» (1989), «На небе звезда» (1995), «История и типология жанров коми поэзии» (1997). В год смерти исследователя (1999 год) была опубликована его книга о поэте – «Рифмою крылатой свяжем строки», уже посмертно в серии «Научные доклады» Коми научного центра вышла работа «И.А. Куратов и европейская поэзия». И.А. Куратову посвящена первая глава его докторской диссертации «История и типология жанров коми поэзии XX века».

В отзыве на диссертацию профессор Сыктывкарского университета А.К. Микушев написал, что «все в этой диссертации впервые: впервые – жанровый подход к поэзии, открыты новые жанры в коми поэзии, такие, как баллада». Профессор Чувашского университета В.Г. Родионов особо отметил науч-

ную интуицию диссертанта, позволившую ему делать интересные открытия. И самое главное – В.Н. Демин, по мнению ученого, сумел показать, что «поэзия не только художественно-эстетическое, но и национально-философское явление». Член-корреспондент АН Татарстана, профессор Н.Г. Юзеев написал, что она (диссертация. – *Г.Л.*) демонстрирует рождение новой методологии литературоведения, что она свободна от устаревших идеологических штампов, что «впервые в коми литературоведении прослежен путь коми поэзии не в идейно-эстетическом, а в жанрово-типологическом аспекте», и что это позволило автору диссертации «глубоко раскрыть национальные истоки коми литературы, достоверно показать особенности функционирования поэтических жанров в различные периоды развития коми поэзии и выявить жанровую модель коми поэзии. Все эти открытия исследователя представляют большой интерес и для финно-угорских литератур в целом» (1).

Все вышесказанное имеет значение и для определения того вклада, который внес В.Н. Демин в изучение поэзии И.А. Куратова. Впервые в коми литературоведении ученым была исследована жанровая система его поэзии, которая включает в себя и элегию, и высокое послание, и юмористическую сценку, и стихотворный цикл, и балладу (народно-поэтическую, философскую), и показана эволюция жанровых форм.

В.Н. Демин очень ярко заявил о себе с самых первых публикаций, блестяще проанализировав поэму «Ягморт» (2), стихотворения «Менам муза» (Моя муза) и «Сьылан-менам сьылан» (Песня моя песня) (3). Новизна литературоведческого анализа молодого ученого заключается в том, что он сосредоточивает внимание на «форме поэтической мысли Куратова». Он вступает в спор со своим научным руководителем А.Е. Ванеевым, который считает, что стиль Куратова «усредненный», и ставит в заслугу поэту то, что он «...эстетски не усложнял свою поэтическую роль» и примитизировал ее, заботясь прежде всего о доступности (4, с. 123–124). В.Н. Демин убежден, что «энергия куратовского стиха» в «исключительной сконцентрированности выразительных возможностей родного языка» (5, с. 69). Так он, анализируя, например, своеобразие синтаксического строения, интонационное и ритмическое богатство стихотворения «Менам муза» (Моя муза), показывает, как меняется образ мира в двух вариантах этого стихотворения через изменение стилевого и ритмико-синтаксического рисунка. Главная задача, которую ставит ученый, – исследование поэтики Куратова на всех уровнях текста. Тезис о величайшем мастерстве поэта, всегда декларируемый, на деле чаще всего ограничивался исследованием идейного содержания его поэзии. В своих работах В.Н. Демин раскрывает мастерство Куратова, которое проявляется во всех компонентах поэтической системы: лексико-фразеологическом, образно-метафорическом, стиховом, а также эволюцию его поэтической системы (6). Фактически В.Н. Демин разрабатывает концепцию пути И.А. Куратова как поэта. Этот путь им прослеживается в культурном контексте эпохи, так как ученый полагает, что только в соотноше-

нии с ним поэт развивает свою эстетическую систему, и именно в широком контексте, ибо редуцирование его эстетических поисков, ограничивающее их только пристрастием к революционным демократам (что было свойственно одному из этапов куратоведения) или же библейской тематикой (что наблюдается в последнее время), суживает понимание Куратова как поэта и мыслителя. В.Н. Демин написал в своей последней работе: «Куратов был поэтом-мыслителем. Для него стихотворение было не только средством поэтического, но и философского постижения истины» (7, с. 9). Это качество его поэзии, наличие глубокой мысли, куратовед связывает с европейской школой поэзии, с философской линией развития поэзии XIX века, и это направление в исследовании творчества И.А. Куратова, по мнению ученого, «сулит новые открытия» (7, с. 19). И не случайно, что новые исследователи пошли по пути, проложенному В.Н. Деминым, иногда почти дословно повторяя его в выводах: «поэзия Ивана Куратова – поэзия европейского поэта-интеллектуала...» (8, с. 29).

Существенную часть литературы, посвященной творчеству Куратова, составляет мотивно-тематический разбор его поэзии. Мотивно-тематические анализы, осуществленные В.Н. Деминым, всегда соотнесены с историко-литературным контекстом. Темы и мотивы исследователь рассматривает не в статике, а всегда диахронно, в развитии. Так, например, любовную лирику ученый связывает с эволюцией творческого метода Куратова, с углублением его творческих принципов. Каждое значительное стихотворение этой тематики (например, см. анализ стихотворения «Эльтчом») он концептуализирует, связывает с развитием Куратова как поэта, и контекстуализирует, вписывает в культурный контекст времени (9, с. 126–127). Для В.Н. Демина характерно стремление к выявлению целостного мировоззрения поэта, которое проявляется в том числе и в постоянстве тем и мотивов (например, темы тьмы или библейских мотивов (10, с. 41–45), а также в их переплетении. Преувеличение значения одних мотивов, например, религиозных, в работах последующих исследователей, приводит к деформации картины мировоззрения поэта.

Одной из наиболее важных для понимания творческого своеобразия И.А. Куратова является статья В.Н. Демина «Куратов и русская культура» (1990). Многосторонность отношений поэта с русской культурой исследуется для определения национального своеобразия творчества И.А. Куратова: «вопрос о восприятии И.Куратовым русской культуры – это вопрос о том, какие стороны русской культуры способствовали формированию национальной самобытности поэзии И.Куратова, вопрос о том, что в русской культуре явилось формой притяжения и отталкивания основоположника коми литературы» (11, с. 47). Любой другой подход приводит к тому, что Куратов объявляется послушным учеником деятелей русской культуры (12, с. 33).

Лебединой песней В.Н.Демина как куратоведа и организатора науки стала организация и проведение в Сыктывкаре в июле 1999 года Международной научной конференции «И.А. Куратов и проблемы современного финно-угроведе-

ния». Одним из итогов конференции сам ученый считал «выдвижение и обоснование новых концепций творчества И.Куратова» (14). Тех концепций, за утверждение которых бился ученый все последние годы: против стереотипа «Куратов – поэт некрасовской школы», за утверждение «истинных европейских масштабов мысли и поэзии Куратова» (13, с. 92).

В решениях конференции и в планах ученого была подготовка к изданию академического собрания сочинений Куратова и работа над Куратовской энциклопедией. В его планах было также добиваться к 2004 году, к 165-летию И.А. Куратова, издания «Словаря языка И.А. Куратова», составленного Г.И. Торлоповым (14, с. 97–98).

К сожалению, планам и мечтам В.И. Демина не суждено было осуществиться, и они перешли в разряд нерешенных проблем, стоящих перед кураговедами. И к этим проблемам за пять лет добавились новые. Они связаны с общей атмосферой в науке о Куратове.

Куратоведение XXI века переживает «детскую болезнь левизны». Исследователями владеет желание «сбросить с корабля современности» все авторитеты, конечно, прежде всего тех, кого теперь принято называть литературоведами советской эпохи. Ф.Босов, например, пишет: «Куратоведы советской эпохи намудрили...» (15, с. 129). Разоблачения коснулись самых крупных имен в истории коми культуры: «Этой крупной личностью (о К.Ф. Жакове. – *Г.Л.*) овладели мелкие чувства соперничества и местечкового патриотизма» (16, с. 117); «Подковерная возня с целью закрепить за собой заманчивый титул первооткрывателя...» (об А.С. Сидорове и др.), «Мутная волна кривды, поднятая Жаковым и Сорокиным» (16, с. 118).

Лотман писал, что любой анализ текста – искажение оригинала, перевод на метаязык исследователя (17). К сожалению, в некоторых работах последнего времени, особенно написанных в стиле панибратства, в развязной манере, исчезает глубина поэзии И.Куратова и масштаб его личности.

Идеологическое прочтение поэзии И.А. Куратова – еще одна проблема новейшего куратоведения. Как ни странно, именно такая проблема возникла в период свободного развития литературоведения, идеологизм советского литературоведения сменился волюнтаризмом новой идеологизации. Новым исследователям хочется совсем по-новому прочесть Куратова, на основе модных концепций, а это и значит вновь идеологическое прочтение, ибо оно «предполагает в качестве отправной точки готовую, взятую извне концепцию, навязывая свои собственные модели» (18, с. 5). В.И. Ленин справедливо заметил: «Всякую истину, если ее сделать «чрезмерной» (как говорил Дицген-отец), если ее преувеличить, если ее распространить за пределы ее действительной применимости, можно довести до абсурда, и она также неизбежно, при указанных условиях, превращается в абсурд» (19, с. 46). Именно это явление наблюдается в тех работах о поэте, в которых чрезмерно драматизируются одни какие-то моменты его жизни и творчества за счет других.

Так, трагическое мироощущение поэта в последние годы жизни все-таки вряд ли соответствует тому патологическому состоянию поэта, которое рисует в своей статье исследователь: «Разрушение тела, скорая смерть – это и искупительная жертва, в результате чего вместе с телом погибнет и все зло мира, избавление от невыносимых мук, причиняемых телу вошедшими в него злом, болезнями и смертью» (20, с. 11). Это как раз тот случай, когда поиск новых уровней смысла в текстах поэта приводит к искажению смысла (не случайно исследователь не подкрепляет свои утверждения цитатами из текстов И.Куратова). Душевные травмы и кризисы, которые коснулись Куратова, его физические страдания оказали влияние на его творчество, однако эстетическая значимость его произведений не объясняется полностью ими.

Принцип историзма, без которого не может быть профессиональной интерпретации творчества поэта, перестал быть основополагающим для исследователей, а без него невозможно продолжение научного академического изучения наследия И.А. Куратова.

Составление научной писательской биографии И.А. Куратова – сложная задача, ведь в отличие, например, от К.Ф. Жакова, он не написал свою «биографическую легенду» и его стихотворения нельзя все-таки считать «лирическим дневником». Автобиографический мифологизм не был ему свойственен в той степени, как был свойственен позднее писателям начала XX века. Хотя, конечно же, уточнение взаимосвязи жизни и творчества поэта является ключевым вопросом куратоведения.

И любой оригинальный взгляд на личность и поэзию И.А. Куратова, любые самые смелые и абсурдные версии имеют право на существование. Своим полемическим задором они способствуют подъему интереса к нему, особенно у молодежи. Однако вольные интерпретации не должны подменять собой академические научные исследования, как это произошло при составлении вузовской программы по коми литературе (автор В.А. Лимерова) (21, с. 8). Рекомендуемая студентам литература по творчеству И.А. Куратова обязывает студентов прежде всего обращаться к подобным текстам и не содержит ни одной статьи, монографии В.Н. Демина – единственного, на сегодняшний день, доктора филологических наук, специалиста по коми поэзии.

Однако хочется верить, что поиск новых подходов к наследию И.А. Куратова, к чему призывал В.Н. Демин в своем последнем выступлении – вступительном слове к участникам Международной научной конференции «И.А.Куратов и проблемы современного финно-угроведения» (22, с. 6–7), будет осуществляться исследователями, не забывающими своих предтеч и в то же время обладающими свободой мысли, чтобы двигать куратоведение вперед.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Материалы из личного архива В.Н. Демина.
2. Куратовские чтения, т. 2. – Сыктывкар, 1976.
3. Куратовские чтения, т. 3. – Сыктывкар, 1979.
4. *Ванеев А.Е.* Куратов да талунъя коми поэзия // Куратовские чтения, т. 1. – Сыктывкар, 1973.
5. *Демин В.Н.* Своеобразие стихотворения И.А. Куратова «Менам муза» // Куратовские чтения, т. 3. – Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1979.
6. *Демин В.Н.* И.А. Куратовлӧн мастерство // Куратовские чтения, т. 5. – Сыктывкар, 1989.
7. *Демин В.Н.* Куратов и европейская поэзия. Научные доклады / Коми научный центр УрО РАН. Вып. 416. – Сыктывкар, 1999.
8. *Лимеров П.Ф.* И.А.Куратов: лейтмотивы творчества. Научные доклады / Коми научный центр УрО РАН. Вып. 431. – Сыктывкар, 2001.
9. *Демин В.Н.* Рифмою крылатой свяжем строки. – Сыктывкар, 1999.
10. *Демин В.Н.* История и типология жанров коми поэзии. – Екатеринбург, 1997.
11. Куратовские чтения. Т. 6. – Сыктывкар, 1980.
12. *Ванеев А.Е., Вулих Н.В.* Античность в творчестве И.А.Куратова. Доклад на заседании Президиума Коми филиала АН СССР 4 ноября 1986 г. Серия препринтов «Научные доклады». Вып. 156. – Сыктывкар, 1986.
13. *Демин В.Н.* Страницы воспоминаний. – Сыктывкар, 2001.
14. *Попов А.* Как слово отзовется // Владимир Николаевич Демин: Страницы воспоминаний. Научный центр УрО РАН. – Сыктывкар, 2001.
15. *Босов Д.К.* К вопросу о религиозных и общественно-политических взглядах И.А. Куратова // Арт. 2004. № 2.
16. *Тираспольский Г.* Кто же первым открыл рукописи И.А. Куратова? // Арт. 2004. № 2.
17. *Лотман М.Ю.* Мандельштам и Пастернак (Попытка контрастивной поэтики).
18. *Михаэль Кольхауэр.* Роман и идеология. Точки зрения // НЛО. 1996. № 14.
19. *Ленин В.И.* Полное собрание соч. Т. 41. – М., 1965.
20. *Лимеров П.Ф.* И.А. Куратов и лейтмотивы его творчества. Научные доклады / Коми научный центр УрО РАН. Вып. 431. – Сыктывкар, 2001.
21. Коми литература XIV нэмсянь XX нэмӧдз. Программа да методологическӧй индӧдъяс (Коми литература XIV–XX веков. Программа и методологические указания). – Сыктывкар, 2000.
22. *Демин В.Н.* Вступительное слово к участникам Международной научной конференции «И.А. Куратов и проблемы современного финно-угроведения» // И.А. Куратов и проблемы современного финно-угроведения / Сб. ст. – Сыктывкар, 2003.

Galina Lisovskaya

V.N. DYOMIN'S CONTRIBUTION TO RESEARCHING OF I.A. KURATOV'S CREATIVE WORK AND SOME PROBLEMS OF MODERN RESEARCH OF HIS CREATION

The author of the article analyzes scientific researches of V.N. Dyomin who devoted fundamental works to study Komi poetry and creation of I.A. Kuratov. The first article about Kuratov he wrote in 1975 and from this time he was constant participant of all Kuratov's readings. Chapters about Kuratov became a part of his books «Komi poem» (1978), «Under the top of pine-tree» (1989) and «The star is on the sky» (1995). The first chapter of the doctoral thesis of V.N. Dyomin (History and typology of genres of Komi poetry of XX century) is devoted to I.A. Kuratov.

In his works Dyomin shows Kuratov's skill, revealed in all components of poetic system: lexical and phraseological, figurative and metaphorical, poetic and also development of his poetic system.

The organization and spending of the International scientific conference «I.A. Kuratov and the problem of modern Finno-Ugric Studies» in Syktyvkar in July, 1999 became Kuratov's swan song. In his opinion one of the results of the conference was nomination and basing new conceptions of I.A. Kuratov's creation. Scientist's plan was preparation to publication Kuratov's collected works and work on encyclopedia of Kuratov. But it's a pity but these dreams were not fulfilled and they went over to the non-finished problem.

«Финно-угроведение», 2007, № 2

Владимир Владыкин
Ижевск

ВЕЛИКАЯ ТРУЖЕНИЦА ЭТНОГРАФИИ

С Татьяной Александровной Крюковой мы познакомились в 1967 г. в поезде «Москва – Ижевск». Меня ей представила Клавдия Ивановна Козлова – профессор, мой научный руководитель на кафедре этнографии МГУ. Оказывается, они – давние и верные друзья-коллеги. Т.А. Крюкова в тот период была уже известным исследователем финно-угроведом, особенно в сфере материальной культуры, одежды и народного искусства в частности (она здесь, по-моему, даже немного соперничала с Верой Николаевной Белицер). В том поезде мы все ехали на Всесоюзную финно-угорскую конференцию, которую принимала Удмуртия. Видимо, у устроителей были столь огромные хлопоты, что они кое-что перепутали и «включили»… в программу снег. Да-да, в начале июня неожиданно повалил густой снег. Его было так много, что не выдержали даже некоторые ижевские деревья. Мы – выдержали, но все равно было очень холодно. Нас, видимо в утешение, показали по Центральному телевидению, но от этого не было теплее. Видя мое бедственное положение, в аспирантском пиджачке под снегом, добрейшая Татьяна Александровна тотчас же уступила мне свой зонт. В этом – вся Татьяна Александровна.

… С того памятного 1967 года наше знакомство уже не прерывалось. Не все, конечно, но многое сохранилось в памяти. Вот только некоторые из чисто житейских эпизодов. Помню, какой теплый и поддерживающий отзыв, совершенно неожиданно для меня, прислала Татьяна Александровна к защите моей кандидатской диссертации в декабре 1969 года. Потом, когда я уже работал в УдНИИ, Татьяна Александровна попросила меня быть научным редактором ее альбома-монографии «Удмуртское народное изобразительное искусство». Это была моя первая редакторская работа и сразу такая ответственность. Когда я приехал в Ленинград в типографию им. И.Федорова (в те годы это была, пожалуй, лучшая полиграфическая база в СССР, и именно здесь печаталась Т.А. Крюкова), там, по-моему, были даже несколько разочарованы, увидев такого неприлично молодого научного редактора. Но постепенно все сложилось. Я старался срочно ликвидировать свою неграмотность в области материальной культуры. Татьяна Александровна мне очень помогла в этом, она прекрасно, порой досконально, буквально до районной специфики, знала «вещный мир»

народов Поволжья и Приуралья. Она даже распорядилась пустить меня в святая святых ГМЭ народов СССР – его хранилище. Мы со смотрительницей фондов, замечательной ученицей Татьяны Александровны, Евгенией Николаевной Котовой, открывали тяжеленные – еще немецкие, по особому заказу сделанные герметичные сундуки (как известно, главные враги «мягкой этнографии» – свет, пыль и моль). С Татьяной Александровной мы ездили в специальные поездки для сбора материала в поле. Помнится, мы много путешествовали по Башкирии. Знакомились с тамошними удивительными удмуртами, живущими в тесном контакте с тюрками, поселившимися на вольных почти степных просторах, впитавших очень многое от своих южных соседей, но стойко сохранивших себя, свою удмуртскую идентичность. Нашей базовой деревней была Уразгельды Татышлинского района. Мы жили в обычных крестьянских семьях, и они делили с нами свой небогатый хлеб и кров. Стол не отличался особым разнообразием, но нам все-таки старались подать гостевые блюда, например, яичницу. Но, когда на пятый или седьмой день нам в очередной раз подали утром, в обед и вечером до боли знакомую сковородку с неизменной яичницей, мы с Татьяной Александровной только горестно переглянулись.

Однажды нам сказали, что в деревне, кажется, еще сохранилась мужская рубаха старинного покроя. Дело было к вечеру, но Татьяна Александровна не раздумывая, твердо сказала: «Мы пойдем сейчас». Ведь традиционной мужской одежды в поле уже не было. Собственно удмуртской, а тут такой шанс! И мы пошли за 16 (шестнадцать!) километров. Просто удивительно, сколько было исследовательского энтузиазма в этой, в общем-то уже не молодой женщине! Мы шли по полям, лугам, вдоль речки, по бревну-мостику с трудом, но все-таки переправились. И мы нашли-таки эту архаичного покроя рубаху… в пчелином улье. Оказывается, хозяева приспособили ее как добротную холстину для утепления своих пчел. А однажды с Татьяной Александровной приключился казус. В те времена в деревенских одворицах туалетов как таковых еще не было. Как-то обходились. Часто ходили в «гости» в хлев. Татьяна Александровна в хлеву поскользнулась. Упала на мокрой доске, «въехала» в коровью лепешку, и вся, от ног до макушки, представляла довольно трагикомичное зрелище. Ее провели в баню, переодели в хозяйскую одежду.

Свой гардероб у нее был небогатый. Татьяна Александровна одевалась и жила очень просто. Помню ее в неизменной кофте, калошках. Но язык бы не повернулся назвать ее бедной. Она была – скромной. Когда я приезжал в Ленинград, в обед я старался получше заказать обед для Татьяны Александровны, зная ее музейные доходы. Не забыть, как она после обеда собирала все хлебные крошки со стола. «Блокадная привычка», – поясняла она. Война и особенно ленинградская блокада ярко проявили подлинные качества людей, и сразу стало ясно, кто есть кто. Были настоящие герои. Готовые на самопожертвование. Истинно благородные и довольно много… совсем иных. Татьяна Александровна всегда, во всех жизненных ситуациях была очень естественной и благородной.

В Вавожской стороне, куда мы поехали для уточнения некоторых разделов альбома-монографии, мы «открыли» удивительно живописную водяную мельницу. Как радовалась Татьяна Александровна! С нами были художник С.В. Андриевич и фотограф Н.А. Стукалов – прекрасные профессионалы. Последний – из моряков, иногда пугал деликатнейшую Татьяну Александровну своим несколько грубоватым юмором. Так, посетив местный сельмаг, он сообщил: «Какую-то неприличную рыбу здесь продают, вы только послушайте: етитенья, простипома, бильдюга». Вконец изумленной Татьяне Александровне он пояснил, что почти ничего не придумал и вовсе не виноват, коль в удмуртских магазинах водится такая диковинная рыба. В Татьяне Александровне каким-то удивительным образом уживались детская непосредственность, даже наивность, с глубинной житейской мудростью…

Во время наших совместных путешествий Татьяна Александровна много и интересно рассказывала. Так я узнал, что ее детство прошло в Козьмодемьянске, поскольку ее отец был, кажется, главным лесничим Марийского края. С отцом она много путешествовала по марийским селениям – отсюда ее первая и непреходящая этнографическая любовь к марийцам. Училась не только в России, но и в Пражском университете, знала языки. Рассказывала о курьезах с чешским… Как ее чуть «не забрали», поскольку ее руководителем был опальный академик В.Л. Комарович. Помогла М.И. Ульянова – они были знакомы. В Прагу Татьяна Александровна, кажется, сбежала от НКВД. Блокаду вспоминала как великое испытание: столько пришлось перенести, погиб ее муж Г.А. Никитин. Завершить начатую им работу о чувашском народном искусстве она считала своим долгом. Жалела свою сестру, у которой не сложилась ее театрально-артистическая карьера. Гордилась своим сыном-геологом, который, к ее сожалению, больше был в путешествиях, нежели дома.

Однажды она рассказала о случае совершенно необыкновенном, но, в общем-то, таком типичном для нашей жизни. Татьяне Александровне пришлось срочно ликвидировать этнографическую неграмотность советского чиновничества. Дело было почти в родной для Татьяны Александровны Йошкар-Оле. Пожалуй, из всех поволжских столиц Йошкар-Ола едва ли не самая этническая. На один из праздников «красного календаря» или по какому-то юбилейному поводу марийскую столицу «одели» в торжественный наряд: кругом «казанский» кумач, флаги, лозунги, транспаранты. В оформлении наиболее часто встречался один и тот же марийский орнаментальный мотив, выразительный и очень эффектный. Татьяна Александровна вгляделась в него, ахнула и побежала в обком партии. Оказывается, художник-оформитель, прельстившись симпатичным орнаментом, везде его поместил, не зная, что этот сюжет у марийцев используется только на свадебной рубахе и в народе читается однозначно: «Хочу стать женщиной». А тут «Слава КПСС»… Если б не Татьяна Александровна, мог получиться большой и даже, как часто у нас бывало, политический конфуз.

В 1973 г. наша совместная работа над альбомом была успешно завершена. Альбом Татьяны Александровны Крюковой «Удмуртское народное искусство» (Ижевск-Ленинград) увидел свет в прекрасном, особенно по тем временам, полиграфическом исполнении. Достался он тяжело, чего стоили только хлопоты по добыванию качественной мелованной бумаги – в те времена это был страшный дефицит. Помог случай. Как-то раз в УдНИИ, где я тогда работал, собралось почти все бюро ОК КПСС по тогдашнему обыкновению заслушать персональное дело, в этот раз директора института, который посмел без высокого согласования как-то не так решить свои семейные вопросы. Нас всех стали поднимать, чтобы мы осудили этот «страшный» поступок (кстати, многие послушно и даже с личным энтузиазмом осуждали). Когда дошла очередь до меня, я сказал совершенно искренне, что в силу еще мизерного своего житейского опыта я не могу ничего сказать по этому вопросу, но зато, пользуясь случаем, что здесь собрались руководители столь высокого ранга, я очень просил бы их помочь решить вопрос с бумагой. Говорю, что ситуация аховая, «горит» очень нужное издание. Конечно, это было совсем не в тему. И тогда председательствующий на этом мероприятии махнул на меня рукой: «Будет тебе бумага!» Так мы получили 7 (семь!) тонн отличной бумаги. Я тотчас же поспешил обрадовать телеграммой Татьяну Александровну. Правда, нам с незабвенным моим заведующим сектором В.А. Семеновым пришлось еще самим участвовать в разгрузке и погрузке этой бумаги. Такие были времена! Но как бы то ни было, альбом появился и имел большой научный и общественный резонанс. Более того, он был удостоен Государственной премии УАССР за 1974 год. Следовательно, Т.А. Крюкова стала лауреатом Государственной премии Удмуртской Республики. По-моему, научное издание УдНИИ впервые получило столь высокую награду. До этого медленно текла эпоха научных «братских могил», безликих, ежегодных «Ученых записок».

...Татьяну Александровну наконец-то уговорили защититься. Это сделал академик А.П. Окладников, ее давнишний друг. Для этого он «выписал» Татьяну Александровну к себе, в Новосибирск. Процедура защиты прошла успешно. Единственно, сомневались, что присуждать: кандидатскую или докторскую ученую степень. Татьяна Александровна, как всегда, бесхитростно сказала: «Дайте кандидатскую, а то ВАК будет долго утверждать или вовсе не утвердит».

Потом наступили грустные времена. Татьяна Александровна слабела, но мужественно держалась, боролась с помощью ледяной воды и прочих экстремальных народных средств. Помогало, но не очень. Подкралась тяжелая болезнь: совсем отказывал позвоночник. В марте 1978 г. я получил телеграмму от Татьяны Александровны: она просила срочно приехать. Я вылетел тотчас, это было 20 марта (кстати, мой день рождения.) Привез ее любимую траву пыӵтурын (душицу), героически добыл дефицитные тогда апельсины. Татьяна Александровна уже не вставала. Моему приезду очень обрадовалась. Попросила

наклониться, поцеловала, сказала, что за меня и мое будущее она спокойна: «Вы – на верном пути». Все сетовала: еще бы только полгода, успела бы завершить свою книгу по материальной культуре мари. Не успела… Почему-то Татьяна Александровна верила, что я смогу уговорить врачей поставить ее на ноги. Но врачи были уже бессильны. Татьяна Александровна ушла…

Осталась добрая, теплая, сердечная память. И книги, много книг. Татьяна Александровна любила дарить книги. Кстати, именно от нее я получил первые публикации ее друга Л.Н. Гумилева (еще в Записках РГО), а потом и отдельные, раритетные издания (с автографами автора). Л.Н. Гумилева только-только разрешили, но все еще, по обыкновению, сомневались. А для Татьяны Александровны никогда не было сомнений в оценке взглядов и трудов Л.Н. Гумилева. Так же, как нет сомнений в научной деятельности Т.А. Крюковой. Это был настоящий этнограф, великий труженик этнографической науки.

Ее труды ничуть не устарели, они продолжают, как и прежде, добросовестно работать.

Vladimir Vladykin

GREAT WORKER OF ETHNOGRAPHY

The article is devoted to the author's memory about a famous researcher and ethnographer Tatyana Aleksandrovna Kryukova who gave a great contribution to the study of material and spiritual culture of the Volga region people. The author met T.A. Kryukova in 1967 and maintained scientific and friendly relations before her death. In the article V. Vladykin told about joint works and expeditions to Udmurts in Bashkiria, about interesting ethnographic goods and objects which were disclosed during field works.

T.A. Kryukova was expert of ethnography of Volga region people. She published some interesting books about these people. She was kind, respectable and responsive person in spite of difficulties and hardship. The author of the article noticed, that her works didn't grow old, they are held in distinguished attention of many researchers.

«Финно-угроведение», 2007, № 2

Михаил Игнатов
Сыктывкар

О ПРОИСХОЖДЕНИИ НАЗВАНИЙ *КУВА* И *КУДЫМКАР*

Город *Кудымкар*, расположенный в районе устья реки *Кувы*, левого притока р. *Иньвы*, является столицей Коми-Пермяцкого национального округа. Много раз уже были предприняты попытки объяснить происхождение и истинное значение названия города, однако все они представляются достаточно спорными. Так, А.С. Кривощекова-Гантман опубликовала несколько исследований по этой проблеме, но выводы в них противоречат друг другу. Для наглядности приведем отрывки из некоторых ее работ.

«Можно предположить, что начальный компонент *Кудым-* (в названии *Кудымкар*) произошел из словосочетания *Ку(ва)дын*, а первоначальная форма названия *Кудымкар* была *Ку-дын-кар* (где к. *кар* «город»), так как этот город действительно находится в устье реки *Кувы*, а устье реки в коми-зырянском языке называется *дін*.

Можно восстановить древнюю форму – архетип – коми-пермяцкого слова *ку < конд*, которое созвучно с русским диалектным словом *конда* «боровая сосна». Слово *конда* по происхождению не славянское, но, вероятно, заимствованное из финского, где есть слово *хонка* «сосна», превратившееся в русское слово *хонка > конга > конда*. В коми диалектах параллельно со словом *конда*, видимо, употребляли слово *куд* с тем же значением «сосна», «сосновый бор». Следовательно, название реки *Кудва >Кува* означает «река, протекающая по сосновому бору»… Таким образом, название *Кудымкар* будет означать «город в сосновом бору» (1, с. 95, 98).

Сразу же отметим некоторые неточности в процитированных рассуждениях исследовательницы. Во-первых, имя-послелог кз. *дін*, кп. *дын* означает не «устье реки», а «место (пространство), прилегающее к чему-либо» (9, с. 94), а устье реки в коми-зырянском называется *вом*, в коми-пермяцком *ом*, в удмуртском *ым*, общеп. *Ӧм* (2, с. 62). Во-вторых, слово *куд*, якобы имеющее значение «сосна», ни в коми языке, ни в каких-либо источниках не засвидетельствовано. Следовательно, процитированные выше рассуждения исследовательницы несостоятельны.

«То обстоятельство, что река *Кува* берет начало в огромном лесном массиве *Кондовка* и значительную часть течет по нему, побудило нас восстано-

вить древнепермский архетип слова *Конда* > *Куд*... и высказать предположение, что местность около городища (*Кудымкар*) в древности называлась *Кудма* (где *ма* означает «земля»). Позднее *Кудма* изменилось в *Кудым*, где «*ы*» – вставочный звук, появившийся после отпадения конечного «*а*» (2, с. 62; 3, с. 120).

«Теперь же большее доверие вызывает у нас версия об антропонимическом происхождении начальной части *Кудым-* (сложного названия *Кудымкар*). Это предположение подкрепляет тот факт, что в Коми-Пермяцком округе не редка фамилия *Кудымов*. В XIX веке, по данным ревизских сказок, она была известна далеко за пределами *Кудымкара*» (4, с. 109).

Эту версию этимологизации ойконима *Кудымкар* тоже нельзя признать приемлемой, хотя бы уже потому, что фамилии у крестьян появились только в XVIII веке по указу Петра I, а населенный пункт *Кудымкар* в документальных источниках засвидетельствован в XVI веке, но возник, очевидно, еще много раньше, когда население этого края не имело фамилий.

Исследователи пермских языков Т.И. Тепляшина и В.И. Лыткин в одной совместной работе, опубликованной в сборнике «Основы финно-угорского языкознания», объясняют происхождение названия *Кудымкар* без подробного этимологического анализа всех составных компонентов этого сложного ойконима: «Возникновение названия административного центра коми-пермяков Кудымкар объясняется как место около р. Ку, т.е. устье реки Ку (*Ку* + *дін* «около» + *кар* «город») – *Кудінкар* > *Кудымкар* (досл. «город на р. Ку», или «город в устье р. Ку») (5, с. 102).

Такое толкование нельзя признать убедительным. Во-первых, без какого-либо объяснения остается этимология гидронима *Ку* ~ *Кува* ~ *Куд* ~ *Кудва*; во-вторых, без всякого на то основания исследователи опираются на якобы первоначальную форму названия города *Кудінкар*, в то время как такая форма не засвидетельствована ни в каких источниках; в-третьих, если бы даже такая коми-зырянская форма названия с послелогом *кз. дін* «около» существовала много веков назад, то и в этом случае невозможно объяснить превращение предполагаемого компонента *дін* в реально существующую форму *дым* согласно известным фонетическим закономерностям в пермских языках.

В дошедших до наших дней письменных источниках названия *Кудымкар* и *Кува* впервые упоминаются в «Книге сошного письма и меры Пермския-Чердынския и Чердынского уезда писца Ивана Яхонтова, да подьячаго Третьяка Карпова 1579 года»: «Отхожий стан, а в нем погосты, деревни и починки. Чердынскаго уезда: ... Дер.[евня]*Кудымкор*, на р.[еке] *Инве*, Дер. *Кува*, на р. *Куве*» (6, с. 86). Через 45 лет в 1624 году территорию Чердынского уезда описывал Михаил Кайсаров: «... по реке *Иньве* притокам: погост *Кудымкор*, что была деревня (во время описи И.Яхонтова в 1579 году, а в описи Чердынского уезда 1678 года река *Кува* засвидетельствована уже в форме *Кудва*. – *М.И.*)» (7, с. 87).

По своей структуре топонимы *Кува* ~ *Кудва* и *Кудымкар* > *Кудымкор* являются сложными, финальные компоненты которых надежно и однозначно можно

истолковать как общеизвестные коми географические термины: *ва* «река, вода» и *кар* «город, городище, огороженное место». Одинаковые по форме начальные компоненты в обоих названиях *ку-*, *ку(д)-* наталкивают на мысль, что они представляют собой основу какого-то полузабытого коми слова с одинаковым значением. Примечательно, что такое слово действительно обнаруживается в составе некоторых сложных слов во всех пермских языках; например, кз. *керка* «дом», букв. «дом из бревен» (к. *кер* «бревно»), кп., кя. *керку* «тж», удм. *корка* «тж»; кз. *вичко* «церковь», букв. «дом спасения (души)», где *ко* «дом», *вич-* < *видз-* «беречь, охранять, спасти» (2, с. 55, 58, 114). Более того, в удмуртском языке имеется устаревшее слово *куала* «культовая постройка, святилище, место хранения священных предметов», где *-ла* – словообразовательный суффикс (8, с. 220; 2, с. 114). Таким образом, название реки *Кува* следует истолковывать как имеющее первоначальное значение «река с шалашом-святилищем», т.е. «река, на берегу которой располагался культовый объект – языческое святилище, капище в форме шалаша».

Такая этимология гидронима *Кува* подкрепляется фольклорными данными. В широко известном предании о легендарном предводителе древних коми-пермяков – Кудым-Оше говорится: «Племя Кудым-Оша вначале обитало на горе Сылпан. Но вождю надоело отбиваться от бесчисленных набегов врагов, и он решил переселиться на новое, более недоступное место – Изъюр-Нёрыс, что на левом высоком берегу *Кувы* (вблизи ее впадения в реку *Иньву*). Старые люди отговаривали своего вождя, указывая, что на Изъюр-Нёрысе находится святилище, там пребывает божество племени. Но Кудым-Ош обратился к Солнцу. Оно жгучими лучами показало именно на Изъюр-Нёрыс».

А.С. Кривощекова-Гантман высказала верное, по нашему мнению, предположение, что «По святилищу племени (Кудым-Оша) могла получить свое название и река (Кува ~ Кудва) данного племени (рода). …Из предания (о Кудым-Оше) видно, что у коми-пермяков, как и у удмуртов, были свои племенные святилища, называвшиеся *куа(ла)*, в иньвенских *в-* говорах – *куа(ва)*» (9, с. 108).

В этой же работе она предлагает ошибочную, на наш взгляд, этимологию названия реки *Кува ~ Кудва*: «*Кува*, л. пр. Иньвы. В 1678 г. *Кудва*. Все гидронимы с исходом на *-ва* в Верхнем Прикамье и в Коми АССР, да и за Уралом (их более 100), имеют ударение на первом компоненте. Термин *ва* в них безударный… Гидроним *Кува* – единственное исключение. Это дает основание считать слово неразложимым» (9, с. 107).

Однако выдвигаемое исследовательницей основание считать название реки *Кува* состоящим из одного слова *куа*, осложненного локативным суффиксом прилагательного *-ла*, обретшего в иньвенском говоре форму *Куава*, представляется нам малоубедительным. Как известно, место ударения в названиях часто зависит от того, кто их произносит, и даже внутри родственных языков и диалектов принципы расстановки ударения могут отличаться и изменяться со временем. Так, например, в коми языке ударение, как правило, ставится на пер-

вом слоге, а в близко родственном ему «удмуртском языке ударение… обычно падает на последний слог слова» (8, с. 566). Между тем в Верхнем Прикамье имеется значительный пласт удмуртской топонимии. «Немало топонимов удмуртского происхождения в Чердынском и Соликамском районах. …По всему бассейну реки Иньвы от верховьев до устья встречаются удмуртские вкрапления на коми топонимическом фоне. …Все эти факты свидетельствуют о миграциях (удмуртского по языку) населения средней и нижней Камы, а также севера Удмуртии в Верхнее Прикамье. Переселения происходили в разное время и были вызваны разными причинами» (4, с. 39–41).

В коми топонимии названия рек с компонентом *ва* в конце являются самой распространенной структурной моделью, поэтому более логично и обосновано будет рассматривать гидроним *Кува ~ Кудва* как сложное название, состоящее из знакомого уже нам слова *ку(д)* «дом, шалаш» и коми географического термина *ва* «река, вода», из сочетания которых вытекает буквальное значение названия этой реки – «река с домом-святилищем (на ее берегу)».

В сложном по структуре названии города *Кудымкар* начальный компонент *Кудым-*, очевидно, является двусложным, состоящим из устаревшего коми-пермяцкого слова *ку(д)* и довольно продуктивного в прошлом общепермского географического термина *ым* «устье (реки, ручья, озерной протоки)». Вопросы происхождения и дистрибуции (распространения) этого термина в коми топонимии подробно исследованы и описаны нами в специальной работе (10, с. 198–206), и нет необходимости излагать их здесь еще раз. Сложение эллиптированной (усеченной) формы названия реки *Кува ~ Кудва - ку(д)* и географического термина *ым* «устье» придают словосочетанию *кудым-* буквальное значение «устье реки *Ку(д)вы*». Звуковой элемент *-д-* представляет собой протетический звук, закономерно возникший между двумя гласными на стыке слов в сложном названии.

Таким образом, первоначальное истинное значение названия города *Кудымкар* следует истолковывать дословно «город(ок) возле устья реки с домом (– святилищем на берегу)».

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

к. – коми язык

кз. – коми-зырянский язык

кп. – коми-пермяцкий язык

кя. – коми-язьвинский диалект коми языка

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. *Кривощекова-Гантман А.С.* Мый лоӧ кыв Кудымкар? // Иньва. – Пермь, 1965.
2. *Лыткин В.И., Гуляев Е.С.* Краткий этимологический словарь коми языка. – Москва, 1970.
3. Коми-русский словарь. – Москва, 1961.
4. *Кривощекова-Гантман А.С.* Откуда эти названия? – Пермь, 1973.
5. *Тепляшина Т.И., Лыткин В.И.* Пермские языки // Основы финно-угорского языкознания. – Москва, 1976.
6. *Шишонко В.Н.* Пермская летопись. Период I. – Пермь, 1882.
7. *Дмитриев А.А.* Пермская старина. – Пермь, 1889.
8. Удмуртско-русский словарь. – Москва, 1983.
9. *Кривощекова-Гантман А. С.* Географические названия Верхнего Прикамья. – Пермь, 1983.
10. *Игнатов М.Д.* Устьевая коми топонимия (-ым, -им, -ом, -ум в коми топонимии) // Linguistica Uralica XLII 3. – Tallin., 2006.

Mikhail Ignatov

ABOUT THE ORIGIN OF THE NAMES OF KUVA AND KUDYMKAR

The author researches a question of the origin and initial meanings of two Komi and perm names of river Kuva (Kama basin) and city Kudymkar which is a capital of Komi-Perm national region. After linguistic analysis of the main components of these toponyms the author came to the conclusion that hydronyms Kuva consist of two komi-perm words: *ku* "a house, hut sanctuary" and *va* "river" and their combination in this name means "a river with a hut (sanctuary on its bank)". The name of the city Kudymkar consist of three general perm words: *ku(d)* "a house, hut-sanctuary", *ym* "mouth of the river (estuary)" and *kar* "town, enclosed place" and this combination means "a city near the mouth of the river with the hut (sanctuary on its bank)".

«Финно-угроведение», 2007, № 2

Мария Казимова
Йошкар-Ола

НРАВСТВЕННЫЕ ОСНОВЫ ЭТНИЧЕСКИХ ТРАДИЦИЙ НАРОДА МАРИ

Актуальность исследования этносов, динамики их развития и духовных традиций обусловлена множеством нерешенных проблем в современном мире, связанных с этническим бытием. Среди них обострение, конфликтность межэтнических отношений, этническая дискриминация, растущая межрегиональная социально-экономическая дифференциация, снижение уровня жизни ряда этносов и угроза безвозвратной утраты их культуры.

Выходом из сложившейся ситуации может стать самоидентификация народа, процесс создания целостного образа из разрозненных осколков. В последнее время можно наблюдать активизацию поисков этнических истоков традиционной культуры народов. В обществе существует потребность создания условий и механизмов для сохранения, поддержания и развития национальных культурных традиций. Следует отметить и наметившуюся тенденцию к включению этнического мировосприятия в общемировую культуру на основе общечеловеческих ценностей. Этнические традиции тесно связаны с психологией народа, поэтому исследование нравственности через традиции позволяет раскрыть глубинную сущность характера народа.

В настоящее время общество нуждается в восстановлении механизма передачи матрицы марийской культуры из поколения в поколение, ибо этот процесс является основой сохранения целостности народа. Под культурной матрицей мы понимаем как язык, так и совокупность обрядов, традиций, верований народа, которые служат своеобразным маркером для самоидентификации личности.

Наиболее ёмко целостную культурную единицу отражает понятие этнос. В российской науке целая плеяда ученых работала над определением критериев этнических общностей, их иерархией, закономерностями возникновения и исчезновения. Теория этноса в 20-е годы разрабатывалась С.М. Широкогоровым, который рассматривал этнос как биосоциальный организм, выделяя в качестве основных его характеристик язык, обычаи, жизненный уклад и традиции. В советской науке ведущей была концепция исследователя Ю.В. Бромлея. Этнической общностью, которую Бромлей называл этникосом, является, как он счи-

тал, «исторически сложившаяся на территории устойчивая многопоколенная совокупность людей, обладающих не только общими чертами, но и относительно стабильными особенностями культуры (включая язык) и психики, а также сознанием своего единства и отличия от всех других подобных образований (самосознанием), фиксированном в самоназвании (этнониме)» (2, с. 540). При эволюционно-историческом подходе в понимании этноса он понимается в широком смысле слова как этносоциальный организм, который представляет собой сочетание собственно этнических элементов с условиями их складывания и функционирования. В рамках исторической этнологии понятие «этнос» употребляется, когда речь идет об особого рода социальной системе, которая, кроме общих социологических закономерностей, подчиняется еще и особым, сложным не свойственным полиэтническим обществам. Этнолог С.В.Лурье считает, что этнос – это социальная общность, которой присущи специфические культурные модели, обуславливающие характер активности человека в мире, и функционирующие в соответствии с особыми закономерностями, направленными на поддержание определенного уникального для каждого общества соотношения культурных моделей внутри общества в течение длительного времени, включая периоды крупных социокультурных изменений (7, с. 41).

При культурологическом подходе понятия этническая группа и культурная единица оказываются тождественными. Этнос обладает внутренними механизмами, обеспечивающими его устойчивость, и выражаются они в особом распределении культурных черт и характеристик между членами этноса.

Следовательно, этнические традиции есть идейно-сущностные константы миропонимания народа, в соответствии с которыми происходит существование. Во всех подходах в изучении динамики развития этноса главенствующее место занимают этнические традиции.

Характерные для миропонимания этноса черты в символическом виде отражены в мифах, религиозных представлениях. К. Леви-Строс, представитель французского структурализма, усматривал в первобытном мифологическом мышлении стремление не к снятию, а к опосредованию фундаментальных противоречий человеческого бытия (например, противоречия жизни и смерти) и восхождение от оперирования отдельными предметами к своеобразной логике чувственных качеств, оставаясь в то же время конкретным, метафорическим мышлением. Леви-Строс рассматривал мифологическое мышление как коллективное бессознательное, относительно независимое от других аспектов жизни племени, признавая его наиболее удобным объектом для выявления «анатомии» человеческого ума и тех его структур, которые, по мнению ученого, едины для древнего и современного человека.

Философ А.Ф. Лосев считает, что «миф есть (для мифического сознания, конечно) наивысшая по своей конкретности, максимально интенсивная и в величайшей мере напряженная реальность. Это не выдумка, но – наиболее яркая и самая подлинная действительность. Это – совершенно необходимая катего-

рия мысли и жизни, далекая от всякой случайности и произвола» (6, с. 35). Мифологическое становление осуществляется в мифологическом же времени, составляя актуальную бесконечность. Мифы и верования являлись основным выражением существовавшей картины мира, фиксировавшие константы миропонимания всего народа.

Мифы и связанные с ними языческие верования представляют собой духовную основу этнической культуры марийцев. Одной из устойчивых традиций у народа мари является отношение к природе. Окружающая среда в архаической культуре, в мироздании играла главенствующую роль. В языческой религии все природные явления отождествлялись с богами. Например, Кӱдӱрчӧ-юмо у луговых и Кидырцы-кого-Юма у горных мари – бог грома; Кава-юмо у луговых и Кава-юма у горных мари русские этнографы переводили как «бог судеб» (10, с. 80). Любое деструктивное поведение относительно природы (даже непреднамеренное) считалось вызовом богам.

Данная черта коллективного сознания народа сохранилась и до настоящего времени, о чем свидетельствуют материалы научных экспедиций (8). Бережное отношение к окружающему миру вытекало из онтологической вписанности морали в структуру модели мира. Действия человека рассматривались как определяющие не только жизнь самого человека, но и все космическое бытие. По этой причине любое нарушение гармонии в структуре мироздания вызывало у марийцев большое беспокойство. Войны, социальные катаклизмы, различного рода неурядицы во взаимоотношениях между людьми, семейные ссоры и т.п. представлялись последствиями нарушения нравственных заповедей.

Ключевыми в этнической картине мира являются понятия о добре и зле. Зло в марийской мифологии – понятие не однозначное. В мифе о двух главных богах пантеона мари Юмо и Керемете сказано, что они были братьями и жили на небе. Но Керемет всегда противопоставлял свою гордыню Юмо. И тогда Юмо решил наказать младшего брата: выгнать его на землю. И вот с тех пор верхним миром стал править Юмо, а нижним – Керемет (10, с. 65). Культ Керемета (Киремети) довольно распространенный образ в мифологии народов Среднего Поволжья и Приуралья. В той или иной мере он был известен не только марийцам, но и татарам, чувашам, мордве, удмуртам и башкирам (1, с. 31–33). Зло Керемета не абсолютно, это отнюдь не абсолютное начало. При необходимых условиях зло можно задобрить, например, щедрыми подношениями, и оно послужит человеку во благо. Так, у восточных марийцев существовали общественные кереметы, которые, по верованиям марийцев, следили за порядком. творили суд и устанавливали справедливость. Поэтому, принося жертву, марийцы просили защитить от притеснителей, наказать нечестивых.

Мифы являются первой формой общественного сознания, отражающей существовавшую реальность. Мифологическое понимание мира представляется как процесс культуротворчества и освоение его должно быть посредством эмоционально-образного постижения (4, с. 16). В целом, языческая религия мари

представляла собой результат созерцательной деятельности человека и отражала практически весь предшествующий общественно-исторический опыт.

В практике жизнедеятельности марийцы придерживались сложившихся традиций, которые воспроизводили опыт многих поколений и основывались на познаниях в различных областях хозяйственной деятельности, наблюдениях за природой, отражали экономические и культурные связи с соседними народами. Комплекс религиозных обрядов в культуре мари был вплетен в повседневную жизнь людей, в них культивировались семейные и родовые отношения. Так, любое важное дело не начинали без обращения и принесения даров духам предков, считая, что от их помощи зависит исход дела. В обрядах соблюдалось почитание годового цикла с его основными переходными моментами, учитывались земледельческие фазы работ, а также проводилось магическое взаимодействие с другими мирами. Самым главным праздником в году считался праздник Кӱсӧ. Перед его началом совершали обряд изгнания нечистой силы (сӱрем мужо), поэтому его иногда называли Сӱрем. Праздник длился две недели, в течение которых запрещалось употреблять спиртное, курить, сквернословить. За неделю до праздника начинались период очищения от грехов и подготовка к будущим жертвоприношениям. В день празднования совершались общинные жертвоприношения в кӱсото – священных рощах, посвященные этому празднику. Затем проводились моления в тиште кумалтыш (в мольбищах группы деревень), и вслед за ними в мер ото (священной роще округа). Завершал годовой цикл календарной обрядности праздник осенних жертвоприношений (Шыже кӱсӧ).

В сознании марийского народа посюсторонний и потусторонний миры существовали параллельно и зависимо друг от друга. Примером взаимопроникновения двух миров может являться культ Чумбылата. По преданию это был предводитель-воин, который в конце XI века собрал под свое покровительство большую часть марийских племен. Чумбылат был известен черемисам повсеместно, но чаще под именем Кугурак. Одновременно Кугурак был племенным богом, когорый являлся посредником между низшими и высшими божествами, попечителем и хранителем марийского народа, охраняющим их от заболеваний (10, с. 87). Данные мировоззренческие константы составляли основу бытовой и религиозной жизни народа мари.

Рассмотрение традиции как статичного и рудиментарного явления неверно. В настоящее время в науке утверждается понимание традиции как категории, призванной охватить все способы фиксации, передачи и воспроизводства культуры. Традиции марийского этноса, обряды, обычаи могут рассматриваться как внешние социальные регуляторы, которым люди должны подчиняться в повседневной жизни. Внутренние регуляторы – это идеи, мораль, ценности, выступали как основа для соблюдения и выполнения внешних регуляторов. Следовательно, единство и взаимосвязь языческих верований, традиций, обрядов и жизнедеятельности народа мари имеют общую цель – социально-психологическое регулирование, сохранение образа жизни общества и трансляция опыта.

Общечеловеческий социально-психологический уровень этнического мировосприятия связан с базисными потребностями, которые сходны в разных культурах. Здесь присутствуют «вечные» идеалы, ценности, фиксирующие отношение людей к различным сторонам их бытия. Развитие рациональных форм мышления приводит к приспособлению мифологического сознания к новым реалиям и как следствие формируются неявные формы мифологем в устном народном творчестве. Мифологические символы традиционного мировосприятия, вытесняемые научными фактами, переходят в коллективное бессознательное, не теряя при этом силы своего влияния на членов этноса.

В настоящее время структура образования выступает как основной воспитательный механизм после института семьи. Целью воспитания является формирование зрелой личности с устойчивой нравственной основой. В этом контексте приобщение к культуре предков, к традициям народа, является не только передачей политико-культурологических формальных знаний, но и мощным толчком для самоидентификации индивида.

Таким образом, мифологическая картина мира является квинтэссенцией нравственных основ этнических традиций и представляет собой стержень мировосприятия марийского народа. Она фиксирует значимость познаваемых объектов и процессов для субъекта, поскольку формируется в сфере сознания и актуализируется в процессе развития этноса. Формой выражения мифологического сознания являются как собственно мифы, так и обычаи, традиции, обряды, а также устное творчество – пословицы и поговорки, сказки и песни.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. *Ахметьянов Р.Г.* Общая лексика духовной культуры народов Среднего Поволжья. – М., 1981.

2. *Бромлей Ю.В.* Этнос и этнография. – М., 1973.

3. *Гумилев Л.Н.* Этносфера: история людей и история природы. – М., 1993.

4. *Калиев Ю.А.* Мифологическое сознание мари. Феноменология традиционного мировосприятия. – Йошкар-Ола, 2003.

5. *Каранаев Ю.Т., Ямурзин А.А.* Юмынава в религиозно-мифологических представлениях марийцев // Вестник Марий Эл, № 3 (25), июль-сентябрь.

6. *Лосев А.Ф.* Диалектика мифа. – М., 1990.

7. *Лурье С.В.* Историческая этнология. – М., 1997.

8. Материалы научной экспедиции «Сакральные природные комплексы: особенности восприятия в научной, религиозной, массовой культуре». МарГТУ, июль 2006 г.

9. *Молотова Т.Л.* Особенности традиционного марийского этикета // Финно-угроведение, 1998, № 3–4.

10. *Шкалина Г.Е.* Традиционная культура народа мари. – Йошкар-Ола, 2003.

Maria Kazimova

MORAL BASIS OF ETHNIC NATIONAL TRADITIONS OF THE MARI PEOPLE

There are a lot of problems in the modern life which connected with ethnic existence. The way out of the problem could be national identification. Necessity of conditions and mechanisms for saving, maintenance and development of cultural national traditions is existed in our society. The basic cultural notion is ethnos. Myths contain fundamental mentality features. Myths and paganism believes are the moral basis of Mari ethnic national traditions. The aim of both phenomenon is social, psychological regulation and reproduction of experience. Ethnic mentality is connected with eternal ideals and values of the nation and expressed through not only myths, but customs, traditions, ceremonies and also folklore: proverbs and sayings, tales and songs.

«Финно-угроведение», 2007, № 2

Лариса Рощевская,
Эльвира Чупрова
Сыктывкар

У ИСТОКОВ ИЗУЧЕНИЯ ФОЛЬКЛОРА КОМИ ЭТНОСА

Становление национального самосознания, а на сегодняшний день – сохранение во многом зависит от знания истоков происхождения, уважения традиций. Необходимо изучение традиций, обдуманное следование им, а не слепое подражание. При повышении мобилизации населения, ускорении миграционных процессов происходит слияние наций, синтез, смешение.... В результате, размываются одни традиции, появляются другие. Среди финно-угорских народов далеко не все имеют свою государственность. У коми она есть, и хотя в Республике Коми коренное население давно не составляет этническое большинство, многое делается для сохранения национальных особенностей, возрождения традиций, поддержания отношений с этническими родственниками.

Большую роль в сохранении культуры коми играет изучение фольклорных традиций, этнографических особенностей различных коми регионов, а их насчитывается около десятка. В связи с этим интересно посмотреть, как происходило становление в Коми крае науки, изучающей фольклор. Отметим, что в первую очередь мы имеем в виду не собирание фольклорного материала, которое имело место и до революции, а его научное осмысление, попытка выделить различные группы и т.д.

На территории современной Республики Коми сначала началось профессиональное изучение русского фольклора. В 1929 г. на Печору выезжала комплексная экспедиция Государственного института истории искусств, в составе которой была А.М. Астахова. В 1938 и 1940 гг. записи фольклорных текстов в Усть-Цилемском районе производил Н.П. Леонтьев (1).

Определенную роль в формировании фольклорных научных исследований в Коми АССР сыграла Великая Отечественная война. В 1942–1944 гг. здесь в эвакуации находился Карело-Финский университет, в числе его преподавателей был известный ученый, крупный исследователь фольклора В.Г. Базанов. В годы эвакуации он также собирал русский фольклор на Печоре.

В это же время в Коми АССР были эвакуированы другие научные учреждения, что позволило после окончания войны создать здесь Научно-исследова-

тельскую базу АН СССР в Коми АССР (Коми филиал АН СССР с 1949 г.). В числе научных проблем были и гуманитарные. В этот период началось профессиональное изучение коми фольклора.

Доктор филологических наук, профессор Анатолий Константинович Микушев (1926–1993 гг.) один из первых ученых Республики Коми, который на профессиональном уровне начал изучать коми фольклор. Он много усилий предпринял для организации изучения фольклора в Сыктывкарском государственном университете. Мы решили рассмотреть, как научная и организационная деятельность А.К. Микушева представлена в архивных документах, смогут ли последующие поколения оценить его творчество, опираясь не на выводы современников ученого, а на делопроизводственные, научные и личные документы.

Анатолий Константинович Микушев родился 5 ноября 1926 г. в городе Усть-Сысольск (с 1930 г. Сыктывкар). Известно, что отец будущего ученого был учителем церковно-приходской школы, очень любил музыку и еще до революции организовал один из первых в Коми крае хор мальчиков при церкви в с. Усть-Кулом. Уже после 1917 г. он стал православным священником. Константин Микушев умер во второй половине 1930-х гг., наличие следственного дела на него в архиве МВД свидетельствует, что в противном случае мог быть репрессированным. Анатолий Константинович Микушев в 1943 г. поступил на филологический факультет Коми государственного педагогического института.

После его окончания в 1947 г. молодой специалист А.К. Микушев поступил на работу в Коми филиал АН СССР, а затем в аспирантуру Института русской литературы АН ССР в Ленинграде (1950–1953).

Предполагаем, что А.К. Микушев был неким последователем Василия Григорьевич Базанова. В 1950 г. Коми филиал отправил ходатайство в Карело-Финский институт, адресуя В.Г. Базанову просьбу согласиться руководить аспирантом А.К. Микушевым. Оказалось, что В.Г. Базанов к этому времени уже работал в Институте русской литературы (Пушкинский дом) АН СССР. Оттуда он телеграфировал в Коми филиал, что «согласен. Непременным условием встречи аспирантом для определения темы диссертации. Базанов». На телеграмме виза заместителя председателя Коми филиала Н.И. Шишкина «Переговорите с т. Микушевым. Может ли он выехать за свой счет к руководителю т. Базанову. 4.09.1950».

Однако в ноябре 1950 г. научным руководителем А.К. Микушева была утверждена доктор филологических наук А.М. Астахова. На весь срок обучения аспирант был прикомандирован к Институту русской литературы. Тему диссертационной работы определили «Песни народа коми в советскую эпоху». Учась в Ленинграде, А.К. Микушев выезжал в командировки в Коми АССР для сбора фольклорных материалов, кроме того, среди документов А.К. Микушева обнаружен вариант статьи для газеты, где он говорит о значимости сохранения фольклорных традиций, рассказывает о том, как проводится работа по собиранию

устного народного творчества, дает рекомендации как организовать эту работу, называет имена школьников и школьных учителей, которые собирают песни и частушки. Заканчивается статья призывом: «ждем дальнейших поступлений материалов нашего народного творчества и просим направлять их в адрес Института русской литературы...». Таким образом, можем предположить, что материалы коми фольклора, собранные и обработанные А.К. Микушевым в 1950-е годы хранятся в Пушкинском доме.

После защиты в 1953 г. диссертации научная деятельность и творчество А.К. Микушева были связаны с Коми филиалом АН СССР, где он проработал более 30 лет. Естественно, что наиболее богатый комплект документов А.К. Микушева и о нем представлен в Научном архиве Коми НЦ УрО РАН. Среди документов представлены диссертация на соискание ученой степени кандидата наук, научные отчеты, рукописи монографий. Наибольший интерес представляют отчеты о фольклорных экспедициях А.К. Микушева за 1956–1973 гг. в Усть-Куломский, Троицко-Печорский, Сыктывдинский, Корткеросский районы Коми АССР, Приуральский и Шурышкарский районы Тюменской области, Ненецкого национального округа Архангельской области. Скрупулезный исследователь, он не только записывал информацию о фольклорных традициях, но и создал фотогалерею своих респондентов. В Научном архиве Коми НЦ хранится альбом иллюстраций по экспедициям 1958–1966 гг. «Народные певцы коми».

Представленные в архивах документы в полной мере дают представление о научных интересах М.К. Микушева и о его взглядах. Так, например, по названиям отчетов видно, что к 1958 г. в творческой лаборатории исследователя сформировалась концепция, что складывание фольклорных традиций связано, прежде всего, с расселением коми по бассейнам рек. Поэтому А.К. Микушев не признавал и не употреблял в названиях отчетов административно-территориального деления, а давал названия, соотнося их с географическими характеристиками (Ухтинская Ижма, по р. Ижме, Печорский фольклор, Сысольско-Лузская и Верхне-Сысольская фольклорная экспедиция, Вычегодский фольклорный материал, Вычегодско-Вымская, Большеземельская и Малоземельская фольклорная экспедиции, Канино-Тиманская фольклорная экспедиция др.). На наш взгляд, эта концепция вполне оправдана и для изучения этнографии, фольклора наиболее правильна. Для А.К. Микушева характерна исключительная точность формулировок. Анализируя различные фольклорные традиции коми, А.К. Микушев пришел к выводу о том, что особняком стоит ижмо-колвинская эпическая традиция.

Каждый отчет А.К. Микушева имеет четко обозначенное название, которое определяет регион сбора материала, основную цель экспедиции и жанр устного народного творчества. Анализируя состав соавторов экспедиционных отчетов, выделяем коллег и учеников, с которыми А.К. Микушев работал наиболее тесно – это П.И. Чисталев, Ю.Г. Рочев, В.М. Кудряшева, Г.А. Муравьева и другие.

На архивных полках представлены сборники «Коми народные песни» (вып. 1–3), подготовленные совместно с П.И. Чисталевым и отредактированные проф. В.И. Лыткиным, монография «Коми эпические песни и баллады», сборники коми частушек, эпических песен и баллад, монография «Эпические формы коми фольклора» (1970. Т. 1–2), а также заключительный научный отчет в 6 томах «История коми литературы» (1976), в числе авторов которого А.К. Микушев.

В 1970 г. А.К. Микушев защитил докторскую диссертацию «Генезис и эволюция коми песенного творчества».

Документы архивов свидетельствуют, что А.К. Микушев вел большую научно-организаторскую деятельность и, работая в Сыктывкарском государственном университете, продолжал сотрудничество с Коми филиалом АН СССР. В 1984 г. Коми филиал АН СССР ходатайствовал о восстановлении в аспирантуре филиала специальности «Фольклористика». В ходатайстве сказано, что научным руководителем может быть квалифицированный специалист-фольклорист, член Ученого совета Института языка, литературы и истории, д.ф.н., заслуженный деятель науки РСФСР, профессор Сыктывкарского университета А.К. Микушев. Под руководством А.К. Микушева было защищено более десяти диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, многие из его учеников сегодня имеют ученую степень доктора наук.

Информация о значительной организационной деятельности А.К. Микушева в области изучения фольклора отражена в подготовленных им докладных записках о путях развития филологического образования в университете, документах об организации студенческой практики, в том числе для собирания коми фольклора. Судя по протоколам заседаний кафедры фольклора, Ученого совета филологического факультета Сыктывкарского государственного университета М.К. Микушев неоднократно выступал по проблемам развития национальной филологии и фольклора.

Проанализировав известные сведения из биографии А.К. Микушева, несложно догадаться, что документы о нем могут храниться в учреждениях, где он учился и работал (Коми государственный пединститут, Коми филиал АН СССР (Коми НЦ УрО РАН), Сыктывкарский государственный университет), а также в архивах, которые принимают документы этих учреждений на постоянное хранение. Таких архивов два: Научный архив Коми НЦ УрО РАН и Национальный архив Республики Коми.

Большой объем документов о А.К. Микушеве сохранился в Музее истории просвещения Коми края Сыктывкарского государственного университета. В отличие от архивов, где представлены главным образом письменные источники о научных интересах и служебной деятельности ученого, в музее собрана богатая коллекция фотоснимков исполнителей коми народной песни, снимков А.К. Микушева, его портреты, предметы интерьера. Что касается научных трудов, то в основном это коллекция его опубликованных работ, в том числе статей в различных журналах и сборниках.

Практически сразу после смерти А.К. Микушева возникла идея об учреждении стипендиального фонда его имени. Впервые об учреждении премий имени А.К. Микушева заговорили в 1994 году, когда в программе подготовки национальных кадров появилась соответствующая строка. Однако стипендии были учреждены только в 2002 году.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. *Канева Т.С.* Итоги и перспективы исследования фольклорной традиции Усть-Цильмы // «Локальные традиции в народной культуре русского севера». Материалы IV научной конференции «Рябининские чтения–2003». Сборник научных докладов. – Петрозаводск, 2003.

Larisa Roshchevskaya, Elvira Chuprova

AT THE SOURCE OF STUDY KOMI PEOPLE FOLKLORE

The article is devoted to the scientific activity of Philology Doctor Anatoli Konstantinovich Mikushev (1926–1993), who studied Komi folklore. Scientific work of A.K. Mikushev was connected with Komi department of Science Academy of USSR. Documents about him are saved in scientific archives of Komi Scientific Center of Ural department of Russian scientific Academy. His scientific accounts about folklore expeditions in 1956–1973s are most useful. Scientist took efforts for organizing of folklore study in Syktyvkar State University. Part of documents was saved at the University museum of the history and education of Komi krai. The documents give evidence that scientist executed great scientific organizational activity, he worked both in Komi department of scientific Academy of USSR and at the university.

ПЕРСОНАЛИИ

Анатолий Куклин
Йошкар-Ола

ЮБИЛЕЙ Д.Е. КАЗАНЦЕВА

Дмитрию Егоровичу Казанцеву, широко известному в финно-угорском мире ученому, замечательному педагогу, доктору филологических наук, профессору, заслуженному деятелю науки Республики Марий Эл, почетному работнику высшего профессионального образования Российской Федерации, 20 февраля 2007 года исполнилось 75 лет.

В отечественной лингвистике его имя занимает особое место. Как ученый, имеющий необычайно широкий диапазон в разнообразных отраслях языкознания, одинаково компетентно и оригинально решает многие вопросы финно-угроведения и марийского языкознания, внося в их исследование немало нового и важного.

Родился Д.Е. Казанцев в семье крестьян-колхозников д. Мустаево Сернурского района Марийской АССР. В 1948 г., после окончания Мустаевской семилетней школы с похвальной грамотой, юный Дмитрий без вступительных экзаменов был зачислен на 1 курс Сернурского педагогического училища. Осознав важность учебы, он прилежно изучал все предметы, преподаваемые в училище. С особой любовью относился к языкам, отличаясь от сверстников серьезной вдумчивостью.

В 1952 году Казанцев, окончив педагогическое училище и получив диплом с отличием, начинает работать учителем в Нижнекугенерской неполной средней школе Сернурского района. Уже в первые месяцы работы на педагогичес-

ком поприще он ощутил в себе призвание стать учителем-филологом, раскрывать для себя и других тайны, красоту и величие знакомых с детства марийского и русского языков.

В 1953 г. Д.Е. Казанцева без вступительных экзаменов приняли на марийское отделение историко-филологического факультета Марийского государственного педагогического института им. Н.К. Крупской, где он проявил уникальные способности. Был сталинским стипендиатом. После окончания института работал учителем русского языка и литературы, марийского языка и литературы в Сернурской средней школе.

В 1959–1961 гг. учился в аспирантуре при кафедре марийского языка и литературы МГПИ им. Н.К. Крупской.

С 1961 по 1972 гг. работал в Марийском научно-исследовательском институте языка, литературы и истории в должности младшего научного сотрудника, старшего научного сотрудника и заведующего сектором языка.

В 1965 г. в Тартуском университете (Эстония) защитил кандидатскую диссертацию на тему «Фонетические особенности йошкаролинского говора марийского языка».

Йошкаролинский говор, находящийся между основными наречиями марийского языка (луговым и горным), до этого времени не был предметом специального исследования и лингвистической оценки.

При его изучении в центре внимания исследователя находилось решение следующих задач: 1) установление состава фонем йошкаролинского говора; 2) выявление специфики в их употреблении; 3) описание основных качественных изменений звуков в речевом потоке.

Вместе с тем в работе на основе анализа эволюции отдельных звуков устанавливаются наиболее типичные фонетические процессы, характерные как для йошкаролинского говора, так и марийского языка в целом.

Уже в этом труде Д.Е. Казанцева проявились лучшие стороны его научной деятельности: глубокое внимание к специфике объекта исследования, всесторонний анализ диалектных фактов, осторожность в выводах при экстраполяции синхронической концепции на область диахронии, критическое отношение к научным предположениям и стремление к исторической интерпретации лингвистических данных на основе анализа значительного материала родственных финно-угорских и неродственных контактирующих языков с привлечением археологических сведений.

Строгий подход к анализу языковых фактов в плане как синхронии, так и диахронии прослеживаются и в ряде других его работ. Заслуживает внимания постановка и решение таких вопросов, как общая и отличительная лексика горного и лугового наречий марийского языка, предваряемая развернутой характеристикой проблемы разделения мари на горных и луговых; реконструкция древнемарийской системы гласных фонем; анализ процессов исторической эволюции редуцированных гласных в марийском языке. Подробно изучена им история

щелевых, глухих смычных и звонких слабосмычных согласных в марийском языке. Правильная интерпретация их генезиса имеет первостепенное значение в целостной характеристике консонантизма не только древнемарийского языка, но и финно-угорского языка-основы.

Классические процедуры сравнительно-исторического языкознания и приемы ареальной лингвистики нашли свое последовательное применение в его монографии «Истоки финно-угорского родства» (1). В данной работе, получившей высокую оценку как у нас в стране, так и за рубежом, исследуются древнейшие периоды жизни финно-угорских народов. В ней проанализированы и критически обобщены взгляды отечественных и зарубежных ученых по таким узловым вопросам, как родство, прародина, расселение финно-угров, распад уральской языковой общности.

Как известно, финно-угры являются следствием распада более ранней общности. Поэтому в книге используются материалы, относящиеся к уральской эпохе. Так, исходя из ареалов распространения таких древесных пород, как ель, пихта, сибирский кедр, лиственница и вяз, названия которых встречаются в современных финно-угорских и самодийских языках, П.Хайду выдвинул гипотезу, что прародину уральских народов в начале и середине среднего голоцена следует искать в зоне тайги севернее Среднего Урала, между нижним течением р. Оби и верховьем р. Вычегды. По его мнению, большая часть уральской прародины находилась в Западной Сибири (2). В исследованиях, опубликованных в последующее время, как замечает Д.Е.Казанцев, венгерский языковед подтверждает вывод о местоположении уральской прародины. Это представляется весьма правдоподобным, несмотря на скептицизм отдельных исследователей (2, с. 40).

С целью определения этнического состава уральского пранарода Д.Е. Казанцев анализировал существующие гипотезы о генетическом родстве финно-угорских (уральских) языков с языками других семей, в частности с индоевропейскими, алтайскими, юкагирскими, дравидийскими языками Индии, которые сопоставлены с результатами исследований советских археологов и антропологов.

Комплексный метод использован автором также при исследовании хозяйственной жизни и постепенного расселения финно-угорских (уральских) племен.

Обремененный многими заботами проректора по заочному обучению МГПИ им. Н.К. Крупской в 1975–1979 гг. и преподавания дисциплин лингвистического цикла с 1972 г. (в 1982–1985 гг. – заведующий кафедрой русского языка, с апреля 1992 г. до 2007 г. – заведующий кафедрой общего и сравнительного языкознания), знакомящих студентов с основами науки о языке, с языком современной развитой нации, представляющей собой сложную систему, в которую входят, с одной стороны, стандартная, обработанная, литературная разновидность русского языка, с другой – его диалекты, он не забывал и о недостаточно разработанных вопросах марийской диалектологии и истории языка.

Им старательно собирались диалектные материалы, разрабатывались методы ретроспективного изучения современных марийских говоров, уточнялась история отдельных звуков как элемента эволюции звуковой системы марийского языка и решались другие вопросы, имеющие большое научное и практическое значение как для финно-угроведения, так и общего языкознания.

Важным этапом в творчестве Д.Е. Казанцева является выход в свет монографии «Формирование диалектов марийского языка (3).

Она посвящена характеристике исторического развития марийского языка от распада финно-пермской языковой общности до современного функционирования в качестве национального языка с его диалектами и говорами, распространенными на территории Ветлужско-Вятского междуречья.

Автор придерживается комплексного подхода к изучению взаимодействия диалектных ареалов с привлечением экстралингвистических данных (археологии, этнографии, истории), что позволяет более убедительно объяснять специфику формирования диалектов марийского языка.

Говоря о композиции данной работы, следует отметить, что названия ее частей регламентируются четырьмя периодами истории развития марийского языка: домарийским (до II–III вв. н.э.), раннедревнемарийским (II–III вв. – XII–XIII вв. н.э.), позднедревнемарийским (XII–XIII вв. – XVI–XVII вв.), современным (с XVIII в.). Им предпослан краткий экскурс, содержащий общие сведения о происхождении дореволюционного названия марийцев (3, с. 3–11), историографию изучения марийских диалектов, построенную по двуединому принципу: дореволюционный период (3, с. 12–19), советский период (3, с. 19–26).

Теоретическая часть монографии завершается заключением, содержащим умело сформулированные выводы по 4 вышеуказанным частям (3, с. 151–156).

Завершающим каноном монографии является следующее высказывание автора: «В марийском языке, помимо говоров и наречий, можно выделить две диалектные зоны, общие явления которых не совпадают с границами современных наречий. Они названы западной и восточной» (3, с. 156).

Обобщающее исследование проблем формирования марийского этноса и диалектов марийского языка сделано Д.Е.Казанцевым в его докторской диссертации «Историческая диалектология марийского языка (Образование диалектов и сравнительно-историческое описание их фонетики)». Она была успешно защищена им в 1989 г. в Тартуском университете.

Цель работы – определение территории и относительного времени формирования марийцев и марийского языка; изучение процесса постепенного образования ранних диалектов; характеристика основных типов фонемных изменений и возможных причин их развития в разные периоды существования марийского языка; определение специфических модификаций в фонетике диалектов, определивших главные соответственные явления между ними (4, с. 4–5).

Как явствует отмеченное, такой подход к изучению процессов образования ранних диалектов является шагом вперед. Исходя из этого, автор ставит зада-

чу – обобщить весь исследовательский опыт в данной области с максимальным охватом материала, пересмотреть существующие представления и выявить собственный подход к вопросам реконструкции основных фонемных типов и определения причин их эволюции в разные исторические периоды существования марийского языка.

Особенностью работы является и то, что древнее состояние и последующее диалектное членение марийского языка рассмотрены автором в тесной связи с происхождением и этнической историей его носителей, имевших в разное время контакты с ираноязычными племенами, мордвой, пермянами, булгарами, чувашами, татарами и русскими.

Синтезируя свои исследования по проблемам этногенеза и фонетическим особенностям марийских диалектов, автор приходит к следующему заключению: «Марийский язык является продуктом сближения и смешения на правобережье Средней Волги языков родственных племен. Длительный исторический путь, пройденный им, отражает территориальное размещение диалектов. Наиболее существенные различия между ними – фонетические. Они представляют собой результат неодинакового распространения синтагматических и парадигматических изменений, причины, условия и относительная хронология которых подробно проанализированы в диссертации. Одни из звуковых законов функционировали в силу внутренней необходимости марийского языка, а другие возникли и действовали в нем под влиянием соседних языков. Взаимодействие внутренних и внешних факторов установлено также в акцентуации и гармонии гласных. Этим объясняется своеобразие фонетики марийского языка и его диалектов» (4, с. 48).

Другую линию научной деятельности Д.Е.Казанцева представляют исследования в области лексикологии и этимологии. Еще в годы работы в МарНИИ (1961–1972 гг.) он изучал историческое развитие лексики марийского языка. Его основные концепции по этому вопросу изложены в книге «Современный марийский язык. Лексикология» (5), написанной в соавторстве с Г.С. Патрушевым. В ней впервые в марийском языкознании лексика современного марийского языка рассмотрена с точки зрения ее исторического формирования, прослежены системные связи слов, объединяемых спецификой их функционирования в речи, т.е сферой употребления, активностью или пассивностью использования.

Отдельный раздел занимает описание современной марийской фразеологии. Поскольку этот труд преследовал прежде всего задачи синхронного исследования лексики и фразеологии и предназначался как учебное пособие для студентов педагогического института, в разделе «Слово как лексическая единица языка» (5, с. 9–63) дается подробная семасиологическая характеристика современной лексической системе: определяются лексическое значение и его типы, описываются способы развития разных значений, рассматриваются омонимы, синонимы как лексические, так и грамматические, антонимы. Однако истори-

ческие процессы в области лексики даны только в наметках и не получили широкого и глубокого освещения. Вне поля зрения исследователей остались также системные связи слов, объединяемых стилевой принадлежностью и экспрессивно-стилистической характеристикой. Нет ни слова о паронимах современного марийского языка.

Важное место в научной деятельности Д.Е. Казанцева занимают этимологические изыскания. Вопросам происхождения слов он посвятил несколько работ (6; 7; 8).

Среди трудов Д.Е.Казанцева особое место занимает научно-популярная книга «Республика Марий Эл, Сернурский район: прошлое и настоящее». Она посвящена 250-летию поселка Сернур.

В ней рассказывается об истории освоения территории Сернурского района марийцами и русским населением; анализируется процесс формирования местных диалектов марийского и русского языков и характеризуется ряд их фонетических, лексических и грамматических особенностей; рассматриваются модели образования географических названий и дается классификация местной и русской топонимии; описывается специфика этнических, культурно-бытовых взаимоотношений двух народов.

Так, анализируя этноязыковое влияние марийцев на русских, автор констатирует, что собственно лексических заимствований из марийского языка в местном русском говоре имеется немного. К ним, по его мнению, можно отнести такие: ***вара•ш*** 'ястреб', ***кава•н / каба•н*** 'стог сена', ***кочка•т*** 'есть, кушать', ***пашка•р*** 'затычка', ***шойа•к*** 'ложь, лгун'. Некоторые представители сернурских русских, как отмечает Казанцев, столицу Республики Марий Эл называют ***Йошкарла•***. Здесь, как он думает, налицо превращение сложного слова в простое, имевшее место на почве местного марийского говора: ***Йошкар-Ола• →Йошкарла•*** (9, с. 63).

Рассмотрев динамику народонаселения Сернурского района в XX веке, Д.Е. Казанцев пришел к выводу, что за 60 лет (с 1925 г. до 1986 г.) число деревень сократилось на 97 (39,3%), а население района – на 10488 человек (27,6%), из них количество марийцев уменьшилось на 2527 человек.

Что касается причин сокращения селений и населения, то наиболее общими из них, по его мнению, являются такие:

1) большие потери людей (прежде всего мужской части населения) в годы войны и связанное с ними падение рождаемости в послевоенный период;

2) вербовка людей, которая практиковалась в послевоенное время. В 50–60-е годы прошлого столетия определенная часть местного населения (в первую очередь представители молодежи) уехала на стройки крупных промышленных предприятий в районы Сибири и Дальнего Востока, на освоение целинных и залежных земель Поволжья и Казахстана и оттуда она обратно не вернулась;

3) урбанизация, т.е. процесс повышения роли городов в жизни страны, выражающийся в сосредоточении экономической и культурной жизни в городских

центрах. Подавляющее большинство сельских жителей переселилось в города, в том числе в г. Йошкар-Ола. По этой причине исчезли целые деревни, некоторые из них в свое время были достаточно крупные;

4) политика ликвидации неперспективных деревень, которая проводилась в нашей стране в конце 60-х и в начале 70-х гг. Она коснулась преимущественно небольших деревень и починков (9, с. 95).

Сохранился у Д.Е. Казанцева на протяжении его научной и преподавательской деятельности и преимущественный интерес к особенностям русских говоров, распространенных на территории Марийского края, и их контактам с диалектами марийского языка. В этой связи в первую очередь следует назвать его учебное пособие «Русские говоры Республики Марий Эл» (10).

Оно написано на основе материалов, собранных студентами Марийского государственного педагогического института им. Н.К. Крупской во время ежегодно проводимой диалектологической практики. В нем дано системное описание фонетических, морфологических, синтаксических и лексических особенностей русских говоров.

Несомненный интерес в этом пособии представляют марийские заимствования в диалектной лексике. В русских говорах, по мнению Д.Е. Казанцева, они относятся к следующим тематическим группам:

1) **земледелие**: ***каван*** 'скирда, стог сена'→***каба•н*** 'стог сена, соломы'; ***катман*** 'мотыга, кетмень'→***катма•нка*** 'мотыга, кетмень';

2) **предметы домашнего обихода**: а) названия кушаний и предметов питания: ***лашка*** 'клёцка'→***л'ашка•*** 'похлебка с тестом'; ***паренге*** 'картофель' → ***пар'е•нка*** 'картофель'; ***сукыр*** 'каравай, хлеб'→***сукро•й*** 'небольшой кусок хлеба'; б) названия одежды, ее частей: ***ластык*** (***лаштык***) 'лоскуток'→ ***ластыч'о•к*** (***ластышо•к***) 'кусок; лоскуток'; ***шовыр*** (***шавыр***) 'поддевка из холста'→***ша•бор*** (***шабу•р***) 'грубое сукно; верхняя легкая одежда'; в) названия построек, их частей: ***аньык*** 'разборный ряд жердей или досок вместо ворот'→ ***а•н'ик'и*** 'калитка'; ***моклака*** (***маклака***) 'ком, комок, кусок чего-л.'→***макла•шка*** 'полено; дрова'.

3) **животный и растительный мир**: ***вараш*** 'ястреб'→***вара•ш*** 'ястреб'; ***карме*** 'муха'→***кара•м'е*** 'муха'; ***коршанге*** 'репей, репейник'→***карша•нка*** 'репей, репейник';

4) **родство, родственные отношения, признаки человека**: ***ача*** (***ӓт'ӓ***) 'отец'→***а•т'а*** 'отец'; ***йолагай*** 'лентяй'→***йолыга•й*** 'лентяй';

5) **глаголы действий и передвижения**: ***вашкалаш*** 'пачкаться'→***ва•шкатца***: ***с лу•ком ва•шкалас***'; ***лопкаш*** 'шагать спокойно, не спеша'→***ло•пкать***' 'топать' (9, с. 80–82).

Научный авторитет Д.Е. Казанцева признан далеко за пределами Республики Марий Эл. Он участник нескольких всесоюзных, всероссийских конференций и четырех Международных конгрессов финно-угроведов. Был членом специализированных советов в Удмуртском и Чувашском госуниверситетах. В на-

стоящее время он является членом специализированного совета по защите докторских диссертаций в Марийском государственном университете.

Д.Е. Казанцев награжден медалями, значком «Отличник народного просвещения», нагрудным знаком «Почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации».

Марийское языкознание за годы его научной деятельности поднялось на более высокий теоретический уровень. В этом большая заслуга юбиляра. Коллеги и друзья сердечно поздравляют Дмитрия Егоровича Казанцева с семидесятипятилетием, желают ему доброго здоровья и новых творческих свершений в его многогранной научной и педагогической деятельности.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. *Казанцев Д.Е.* Истоки финно-угорского родства. – Йошкар-Ола, 1979.

2. *Хайду П.* Уральские языки и народы. – М., 1985.

3. *Казанцев Д.Е.* Формирование диалектов марийского языка. В связи с происхождением марийцев. – Йошкар-Ола, 1985.

4. *Казанцев Д.Е.* Автореферат диссертации на соискание степени доктора филологических наук. – Йошкар-Ола, 1989.

5. *Казанцев Д.Е., Патрушев Г.С.* Современный марийский язык. Лексикология. – Йошкар-Ола, 1972.

6. *Казанцев Д.Е.* Этимология некоторых марийских слов // Вопросы финно-угорского языкознания. Вып. 3. – М., 1965.

7. *Казанцев Д.Е.* К вопросу о месте и времени проникновения иранских слов в древнемарийский язык // Вопросы марийского языка. Вопросы грамматики и лексикологии. – Йошкар-Ола, 1980.

8. *Казанцев Д.Е.* Сложные слова в марийском языке: происхождение и принципы образования // Актуальные проблемы межкультурных и межязыковых контактов. – Йошкар-Ола, 2004.

9. *Казанцев Д.Е.* Республика Марий Эл, Сернурский район. – Йошкар-Ола, 1999.

10. *Казанцев Д.Е.* Русские говоры Республики Марий Эл. – Йошкар-Ола, 2003.

«Финно-угроведение», 2007, № 2

Маргарита Иванова
Ижевск

КУЛИКОВ КУЗЬМА ИВАНОВИЧ
(к семидесятилетию со дня рождения)

8 ноября 2007 г. исполнилось 70 лет Кузьме Ивановичу Куликову, доктору исторических наук, профессору, директору Удмуртского института истории, языка и литературы УрО РАН, заслуженному деятелю науки Удмуртской Республики и Российской Федерации, лауреату Государственной премии УР, Национальной премии им. Кузебая Герда.

Кузьма Иванович Куликов – известный российский историк, признанный организатор науки на протяжении почти трех десятилетий возглавляет Удмуртский институт истории, языка и литературы УрО РАН, который под его руководством вырос до авторитетного академического центра, получившего признание в России и за рубежом своими исследованиями в области финно-угроведения, стал координатором, определяющим направления изысканий в области гуманитарной науки в Удмуртской Республике и ряде финно-угорских научных центров.

Родился и вырос он в деревне Елкибаево (Актэмыр) Алнашского района Удмуртской АССР. В 1956 году окончил Асановский совхоз-техникум, отслужил в армии, в 1964 году окончил Ижевский сельскохозяйственный институт. Несколько лет работал в профсоюзных органах: заведовал отделом культуры и быта в обкоме профсоюза работников сельского хозяйства, был председателем профкома Ижевского колхозно-совхозного управления. После окончания Высшей партийной школы при ЦК КПСС в Москве в 1966 году девять лет находился на партийной работе: был лектором, руководителем лекторской группы, заведующим отделом агитации и пропаганды Удмуртского обкома партии. С этой должности и поступил в аспирантуру Академии общественных наук при ЦК

КПСС в Москве. Завершил он учебу в 1978 году с защитой диссертации «Партийное руководство культурно-просветительской работой», которую вскоре издал отдельной книгой. Ему была присуждена ученая степень кандидата исторических наук. Степень доктора наук К.И. Куликов получил уже, будучи директором института, в 1993 году, защитив диссертацию по монографии «Национально-государственное строительство восточно-финских народов: 1917–1937 гг.».

Он возглавил институт в 1978 году после окончания аспирантуры Академии общественных наук при ЦК КПСС в Москве, где защитил диссертацию на соискание ученой степени кандидата исторических наук. К тому времени он уже имел большой опыт организационной работы, пройдя путь от лектора до заведующего отделом агитации и пропаганды Удмуртского обкома партии. Принимая назначение на должность директора Удмуртского научно-исследовательского института при Совете Министров УАССР (так он тогда назывался), он хорошо понимал многие проблемы регионального научного учреждения, в полной мере подотчетного местным руководящим органам. В Институте работали квалифицированные ученые, защитившие кандидатские диссертации в столичных научных центрах, располагавшие неплохим потенциалом, но они были ограничены в возможностях публикации результатов своих исследований, участия в программах академических учреждений страны, ютились в здании, совершенно не приспособленном для ведения научной работы. В недопустимых условиях находились сформированные поколениями ученых богатейшие фонды по культуре удмуртского народа, уникальная библиотека по финно-угроведению.

С первых дней своей деятельности Кузьма Иванович начал разрабатывать стратегический план развития научного учреждения академического уровня, повышения общественной значимости Института, консультировался с видными учеными, представителями руководящих органов Удмуртской Республики, руководителями академических институтов страны. Большие усилия в первую очередь он направил на создание необходимой материально-технической базы – строительство нового здания, разработка проекта которого была инициирована еще предыдущим директором В. Г. Гусевым. Благодаря настойчивости и колоссальным усилиям Кузьмы Ивановича, во всех инстанциях и контрольных органах были согласованы проектно-сметные документы, определено место по улице Ломоносова, решены многие проблемы, связанные с финансированием и организацией работ по возведению здания, в которые был вовлечен весь коллектив. Сотрудники участвовали в вырубке деревьев на строительной площадке, бетонировали подвал, подносили кирпичи для стен, убирали строительный мусор и т.д. В фантастически короткие сроки строительство было завершено, и в 1982 г. коллектив перешел в новое здание. В результате возросли возможности дальнейшего развития, появились перспективы увеличения количества научных сотрудников, соответственно – расширения тематики исследований. Способные молодые люди, проявлявшие интерес к исследовательской работе, направлялись в аспирантуру в академические институты Москвы, Ленинграда,

Казани, Эстонии, принимались меры по организации масштабных лингвистических, этнографических, фольклорных, археологических и других экспедиций для сбора полевых материалов – источниковой основы новых научных трудов. Был взят курс на создание серии научно-популярных книг, учебных пособий, активную пропаганду научных знаний в СМИ.

В 1988 году институт вошел в структуру Академии наук, предопределившую новый уровень научной работы коллектива. Была разработана система эффективной научно-организационной деятельности, одной из главных задач стала подготовка научных кадров высшей квалификации – докторов наук.

Осознавая важность усиления кадрового потенциала, К.И. Куликов сам в 1993 году защитил докторскую диссертацию, а перед сотрудниками поставил задачу подготовки монографических трудов, изыскивал возможности их публикации. Он вдохновлял сотрудников, вселял в них уверенность, упорно и последовательно убеждал, заставлял готовить докторские диссертации, контролировал ход работы, порой принимал жесткие меры. В результате из года в год в планах института увеличивалась доля монографических трудов по разным направлениям исследований. Преодолевая огромные трудности, Кузьма Иванович ежегодно добивался финансирования издательской деятельности. Создание в Институте редакционно-издательского отдела, компьютерной базы способствовало квалифицированной подготовке трудов к оперативной сдаче в типографию. В результате небольшой коллектив ученых стал издавать до 15 книг в год, в числе которых появились прекрасно оформленные научные монографии, труды по памятникам удмуртской письменности и фольклора, научно-популярные книги, методические и учебные пособия. С 1996 по 2001 год ведущие сотрудники почти ежегодно в центральных научных учреждениях защищали докторские диссертации, молодые – кандидатские.

Обеспеченность кадрами высшей квалификации позволила открыть в Институте аспирантуру по истории отечества, этнографии, этнологии и антропологии, археологии, фольклористике, литературе народов России, в 2001 – единственный в Урало-Поволжье Совет по защите кандидатских диссертаций по фольклористике. В значительной мере благодаря появлению докторов наук в нашем Институте, на историческом факультете Удмуртского университета был создан совет по защите сначала кандидатских, а впоследствии и докторских диссертаций по трем специальностям: отечественной истории, этнографии и археологии, в котором повысили свой научный статус более сотни специалистов не только Удмуртии, но и других регионов России.

Свой академический статус Институт оправдал во время проверки его научной и научно-организационной деятельности в 1998 г. В решении комиссии по итогам проверки констатировалось, что коллектив в короткий промежуток времени в полной мере сумел адаптироваться к условиям работы в академической системе и занял в ней достойное место. Вполне благополучно проходил Институт другие очередные проверки и аккредитации. Несмотря на, казалось бы,

непреодолимые трудности и нагрузки, Кузьме Ивановичу в самые тяжелые перестроечные годы удалось сохранить творческий потенциал коллектива, обеспечить его современной компьютерной техникой. Сотрудники института сегодня наряду с плановыми работами, участвуют в реализации фундаментальных исследовательских проектов головных институтов Российской Академии наук, расширяются научные контакты с финно-угорскими центрами России, Венгрии, Финляндии, Эстонии.

Несмотря на то, что большая часть времени уходит на решение организационных вопросов, Кузьма Иванович находится в постоянном научном и творческом поиске. Он автор более 200 научных трудов, в том числе 31 книги, среди которых есть научные монографии, научно-популярные книги, учебные и методические пособия, фотоальбомы. Его перу принадлежат документально-художественные повести об исторических деятелях Удмуртии, научно-публицистические книги и статьи, художественные рассказы и сценарии.

Кузьма Иванович – яркий и талантливый исследователь проблем гражданской войны, процесса коллективизации, политических репрессий, современных этнополитических и этнокультурных процессов в России. Одним из первых среди российских историков (с 1971 г.) он начал исследование истории гражданской войны, опираясь на документы обеих воюющих сторон: красных и белых с использованием зарубежных источников, в том числе Института Войны, Мира и Революции им. Гувера (США). Итоги его двадцатилетней работы опубликованы в ряде монографий, нашли реализацию в зале постоянной экспозиции Национального музея УР им. К. Герда «Гражданская война в Удмуртии».

Монография Кузьмы Ивановича «Дело СОФИН» (1998) и ранние исследования в этой области стали основой международного проекта по изучению репрессий финно-угорских народов России и особенностей отношений между СССР и Финляндией в 1920–30-е гг. Он первым положил начало разработке теоретических проблем национально-государственного строительства финно-угорских народов России, проанализировал проблемы их самоопределения и обосновал необходимость сохранения целостности и единства Российской Федерации. Монография «Национально-государственное строительство восточно-финских народов: 1917–1937 гг.» (1993 г.) явилась первой в этой области и положила начало развитию подобных исследований в научных центрах Урала и Поволжья. В последние годы под его руководством и личном участии сотрудниками института завершен фундаментальный трехтомный труд по истории Удмуртии, выполнены крупномасштабные исследования кряшен, бесермян, этнотерриториальных групп удмуртов, локализованных в Кировской и Пермской областях, в Республиках Башкортостан, Татарстан и Марий Эл. Обширные материалы о современных этносоциальной, политической, демографической, культурной, языковой, психологической ситуациях в диаспорных группах имеют большое практическое значение для оптимизации региональной национальной политики.

На протяжении всей жизни его интересуют яркие исторические личности, среди которых герои прошлого (А.С. Пушкин, М.И. Кутузов, В.Пуцек-Григорович), репрессированные (К.Герд, Т.Борисов, Т.А. Крюкова, М.Маркелов, М.Г. Худяков), герои гражданской и Великой Отечественной войн, а также современники. Им написаны книги об ученых, врачах С.И. Ворончихине, А.И. Перевозчиковой, А.М. Загребине, Н.В. Воробьеве, очерки и эссе о В.Е. Владыкине, В.В. Туганаеве, И.В. Тараканове, М.Г. Атаманове, художнике П.В. Елкине, композиторах Г.А. Корепанове, Г.М. Корепанове-Камском и др.

В последние десятилетия значительным направлением его деятельности стало внедрение опыта предшествующих поколений в творческую деятельность в новых условиях и формах. Неоценима его роль в организации междисциплинарных исследований средневекового городища Иднакар, создании прибора для изучения культурного слоя неразрушающими методами, популяризации богатейшего археологического наследия. Цветной фотоальбом «Древнее искусство Удмуртии» (2000), полностью подготовленный по его идее, фотографиям и макету, явился вкладом в развитие науки и искусства, основой творчества современных художников различных жанров.

Кузьма Иванович – инициатор и идейный вдохновитель создания Историко-культурного музея-заповедника «Иднакар», развития системы декоративно-прикладного искусства и ремесел, один из идеологов разработки государственной символики Удмуртии. Заметным явлением в культурной жизни стало возрождение старинного ритуального музыкального инструмента «*крезь*», занявшего сегодня прочное место в культуре Удмуртии. Не менее значимым направлением стала реконструкция костюмных комплексов на основе археологических материалов различных хронологических периодов, представленных в экспозиции Национального музея Удмуртской Республики, используемых в театральных спектаклях, а также художественными коллективами. Значительным событием в культурной жизни Республики стали ежегодные конкурсы-фестивали садово-парковой скульптуры, проводимые в городах и районных центрах, для которых он готовил научно-методические пособия. За 6 лет в садах и парках Удмуртии поставлено более 150 деревянных скульптур, созданных мастерами-резчиками по мифологическим и фольклорным сюжетам с использованием археологического наследия. В изданном им красочном фотоальбоме «Возрожденная древность» (2005) систематизированы и отражены наиболее характерные и яркие произведения, демонстрирующие неразрывную связь культурных ценностей древности и современности, значимость опыта поколений для творческой деятельности в новых условиях и формах.

Много времени и сил Кузьма Иванович отдал для создания в Институте подразделения энциклопедических исследований и изданий, концентрации исторических, лингвистических, культурологических и др. сведений в банках данных для длительного хранения. Созданным в 2001 г. отделом за истекший период подготовлены и изданы Словники отдельных томов отраслевых энциклопе-

дий «Просвещение, образование и педагогическая мысль Удмуртской Республики», «Культура и искусство Удмуртии», «Здравоохранение в Удмуртии», которые должны составить многотомную энциклопедию «Удмуртская Республика», собрана основная часть материалов. Для завершения работы над томами энциклопедии, подготовки к публикации и изданию необходимо финансирование со стороны Правительства Удмуртской Республики, но добиться этого, к великому сожалению, пока не удается.

Деятельность Кузьмы Ивановича многогранна. Он профессор ряда вузов, член двух специализированных советов по защите диссертаций, неугомонный журналист, долгое время имевший свою программу «Государство и мы» на телевидении, постоянный консультант ряда министерств, член Союза журналистов, Союза писателей РФ. С его участием и по его инициативе разработан ряд проектов и законов по науке, культуре, подготовке национальных кадров. Идеи, заложенные в проекты, излагались на Сенежском форуме, съездах народов Урала и Поволжья, международных конгрессах финно-угроведов, историков, финно-угорских народов мира. Его яркие выступления со смелыми неординарными выводами неизменно привлекают внимание слушателей, поэтому в качестве пленарного докладчика его настойчиво приглашают на многие научные форумы, общественно-политические и культурные мероприятия.

Вся научная, научно-организационная, педагогическая и творческая деятельность К.И. Куликова направлена на защиту чести и достоинства удмуртского народа, сохранение родного языка и развитие культуры, воспитание патриотизма и национального самосознания в подрастающих поколениях. При этом он остается одним из последовательных борцов за добрососедские отношения между народами Удмуртии, выработку и реализацию в обществе взвешенной и продуманной национальной политики. Он снискал большое уважение и заслуженный авторитет в Республике, в научных кругах России и финно-угорского сообщества, награжден орденом «Знак Почета», почетными грамотами Президиума Верховного Совета УАССР, Почетной грамотой Президиума РАН, лауреат Государственной премии УР, Национальной премии им. Кузебая Герда, ему присвоены звания заслуженный деятель науки Удмуртской Республики и Российской Федерации.

Его, энергичного, очень популярного в разных кругах Республики представителя интеллигенции, особенно любят журналисты разных СМИ. Будучи страстным фотографом, он сформировал огромный фонд фотоматериалов по обширной тематике, который используется практически во всех изданиях института. Кузьма Иванович – подлинно творческая, неординарная личность, человек кипучего жизнелюбия, исключительного трудолюбия. Хотя он может быть резким в словах и поступках, иногда даже весьма жестким, в самые трудные моменты жизни к нему обращаются многие отчаявшиеся, потерявшие надежды на решение своих проблем люди.

Мы привыкли к Кузьме Ивановичу, сидящему за компьютером и обширным письменным столом, заваленным исписанными листами бумаги, раскрытыми книгами, газетными подшивками, готовящим срочные статьи для научных конференций, журналов, монографии, альбомы. Сделано немало, но остаются задачи, проблемы, решение которых задерживается по многим, не зависящим от него обстоятельствам. Лежат подготовленные рукописи книг, статей, фонды материалов, разработанные заявки ряда проектов. Хочется надеяться, что придут более благоприятные времена, когда потенциал ученого в полной мере сможет быть реализован.

Сердечно поздравляем Кузьму Ивановича с юбилеем, желаем ему крепкого здоровья, неиссякаемой жизненной и творческой энергии, претворения в жизнь всего задуманного.

НАИБОЛЕЕ ЗНАЧИМЫЕ КРУПНЫЕ МОНОГРАФИИ И НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЕ КНИГИ:

В боях за Советскую Удмуртию. – Ижевск: Удмуртия, 1982. 260 с.

2-я армия в боях за освобождение Прикамья и Приуралья. 1918–1919 гг.: Документы. – Ижевск: Удмуртия, 1987. 316 с. (Сост.)

Гражданская война в Удмуртии 1918–1919 гг. – Ижевск, 1988. 175 с.

Удмуртская автономия: этапы борьбы, свершений и потерь. – Ижевск: Удмуртия, 1990. 206 с.

Трокай. – Ижевск: Удмуртия, 1991. 336 с.

Мятеж в Ижевско-Воткинском районе. – Ижевск: Удмуртия, 1992. 392 с. (Соавт. – П.Н. Дмитриев).

Национально-государственное строительство восточно-финских народов 1917–1937 гг. – Ижевск: Удм. ИИЯЛ УрО РАН. 1993. 280 с.

Дело «СОФИН». – Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 1997. 386 с.

Удмуртия – субъект России. – Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 1999. 270 с.

Древнее искусство Удмуртии. – Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 2000. 216 с. (Соавт. – М.Г. Иванова).

С этой минуты Россия спасена: к 190-летию Бородинского сражения. – Ижевск, 2001. 96 с.

Семантика символов и образов древнеудмуртского искусства. – Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 2001. 164 с. (Соавт. – М.Г. Иванова).

Возрожденная древность. Народное декоративно-прикладное искусство Удмуртии: альбом. – Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 2005. 196 с.

Грани победы: очерки. – Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 2005. 437 с.

Удмуртия в годы Первой мировой войны.1914–1918: Сб. док. (Сост., ред.). – Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 2006. 300 с.: илл. (Соавт. – Микрюкова М.А., Красильникова Н.А., Ря-бая С.А.)

ЛИТЕРАТУРА О НЕМ:

Кузьма Куликов // Писатели Удмуртии. – Ижевск, 1989. С. 240–241.

Развитие исторических исследований в Удмуртии // Вклад ученых Удмуртии в науку России. – Ижевск, 1996. С. 70–71.

Куликов Кузьма Иванович // Ученые-удмурты: Биобиблиографический справочник. – Ижевск: Удмуртия, 1997. С. 22–24.

Ванюшев В.М. К.И. Куликову – 60 лет // Наука Урала. – Екатеринбург, 1997. № 21 (694).

Айтуганова Л.Д. Всегда в работе / К.И. Куликову – 60 // Кенеш, 1997. № 11, 12. С. 4–6 на удм. яз.)

Куликов Кузьма Иванович // Кто есть кто в Удмуртии? – Ижевск, 1999. С. 183.

Ванюшев В.М. К.И. Куликову – 60 лет // Финно-угроведение. 1997. № 4. С. 101–107.

Куликов Кузьма Иванович // Удмуртская Республика. Энциклопедия. – Ижевск, 2000. С. 438–439.

Есть такое призвание – защищать народ // Удмурт дунне. – Ижевск, 2001. № 1, 3. 5 января. С. 4–5.

Куликов Кузьма Иванович // Институт: история и современность. – Ижевск, 2001. С. 253–255.

Красильников А.Г. Идейный вдохновитель // Долг. № 19 (665), 24 мая 2007 г. С. 4–5.

Рец.: Смирнов К.А. М.Г. Иванова, К.И. Куликов. Древнее искусство Удмуртии. Альбом. – Ижевск: Ижевск, 2000. 216 с. Тираж 2000 экз. // Российская археология. 2002. № 2. С. 173–174.

«Финно-угроведение», 2007, № 2

Анатолий Куклин
Йошкар-Ола

ЮБИЛЕЙ Л.П. ВАСИКОВОЙ

> …дело ученого… близко идти со своим народом, поднимать его незаметно вьющеюся спиралью на трудные крутизны истины.
>
> *В.В. Стасов*

Лидия Петровна Васикова – личность незаурядная. Она – первая женщина мари, ставшая доктором филологических наук, профессором.

Говоря о своей жизненной стезе, Лидия Петровна метко подметила, что «ее не опишешь в одних светлых или темных тонах. «Стараниями» одних людей в два года я лишилась родителей, родных, дома и всего, без чего не может существовать человек, а благодаря другим, готовым бескорыстно помочь во всем, я выжила… Больше, чем выжила. Многие из детей репрессированных не могли пройти преграды на пути к образованию» (1, с. 16).

Она достойно преодолела жизненные перипетии, пытливо познавая реальность жизни, проявив при этом исключительное трудолюбие и терпение, целеустремленность и выдержку. Перефразированными словами К.Маркса можно добавить, что она достигла сияющих вершин науки, где нет широкой столбовой дороги, не страшась усталости, карабкаясь по ее каменистым тропам.

Лидия Петровна – труженица тыла, ветеран труда, талантливый педагог, активная общественница, заслуженный деятель науки Марийской АССР и Российской Федерации, Почетный профессор Марийского государственного университета.

Л.П. Васикова родилась 28 мая 1927 года в дер. Пин-Пернянгаши (Пӹнгель Парнингäш) Еласовского (ныне Горномарийского) района Марийской АССР (ныне Республики Марий Эл). До войны, в 1940 году, она окончила Акчёринскую начальную школу и пошла учиться в Микряковскую среднюю школу. Окончив семь классов этой школы, она поступила в Козьмодемьянское педагогическое училище и успешно окончила его в 1946 году.

В том же году Л.П.Васикова по направлению педучилища пошла учиться в Марийский государственный педагогический институт им. Н.К. Крупской. Она готовилась поступить на физико-математический факультет, однако декан историко-филологического факультета Апатеева Тамара Гавриловна, по выражению Л.П. Васиковой, «затащила» ее на свой факультет.

Еще будучи студенткой IV курса она вела практические занятия по марийскому языку по поручению кафедры у математиков, историков и марийских филологов. С марийскими группами она вела занятия на марийском (луговом) языке. В истории это было впервые, ибо до нее занятия по родному языку для марийских филологов велись на русском языке.

После окончания института ее оставили ассистентом кафедры марийского языка и литературы за склонность к исследовательской работе.

В 1951 году Лидия Петровна Васикова была направлена в аспирантуру при кафедре финно-угорских языков Тартуского университета Эстонии. Являясь первой аспиранткой из марийцев, она проложила дорогу в мир науки, по которой впоследствии шли многие из марийцев. Следует отметить, что в этом университете академиком АН Эстонии Паулем Аристэ была заложена та научная база и создан тот языковой фон, на которых со временем возникло в Республике Марий Эл новейшее финно-угроведение.

Профессор Аристэ не был один, он был окружен коллегами-единомышленниками, имена которых нельзя не упомянуть: профессор Йохан Вольдемар Веске, доцент Паулине Пальмеос, профессор Арнольд Каск, доцент Карл Абен, затем выросло другое поколение профессоров – учеников академика Аристэ. Признанная во всем мире тартуская школа готовила в неразрывной связи Человека и Ученого» (1, с. 10).

После окончания аспирантуры в 1955 году Л.П. Васикова успешно защитила кандидатскую диссертацию на тему «Прошедшее время глагола в марийском языке». Теоретические положения, выводы и иллюстративный материал этого исследования легли в основу одного из разделов учебного пособия «Современный марийский язык. Морфология» (2).

После аспирантуры Л.П. Васикова вернулась на кафедру марийского языка и литературы МГПИ им. Н.К. Крупской.

В 1961 году, после пятилетней научно-педагогической работы в должности старшего преподавателя этой кафедры, она стала ее доцентом, а в 1963 году – доцентом кафедры русского языка этого же института.

В 1964 году Лидия Петровна была приглашена на заведование кафедрой языков Эстонской сельскохозяйственной академии (Тарту), в 1965 году – приглашена на кафедру русского языка МГПИ им. Н.К. Крупской для преподавания курса философии языка.

В апреле 1984 года Л.П. Васикова успешно защитила докторскую диссертацию на тему: «Сложносочиненные предложения в современном марийском литературном языке в сравнении с другими типами предложений».

Изучением вопросов синтаксиса сложного предложения Л.П. Васикова занимается с 60-х годов. Многие разработанные ею положения всесторонне апробированы и внедрены в школьную и вузовскую практику преподавания. Диссертация, таким образом, является одним из этапов многолетних и кропотливых изысканий автора и отражает достижения современной финно-угристики и ин-

доевропеистики. Она написана на добротном материале, состоящем из 30 тысяч карточек иллюстративного материала. Это позволило автору впервые поставить и решить ряд узловых, а также побочных проблем синтаксиса марийского языка. Так, впервые в марийском языкознании дается таксономия моделей предложений; характеризуются функции сочинительных союзов в сопоставлении с подчинительными союзами; описываются сложносочиненные предложения усложненной конструкции. По-новому трактуется типология сложносочиненных предложений минимальной конструкции; введены существенные коррективы в вопросы разграничения сочинения (паратаксиса) и подчинения (гипотаксиса) в марийском синтаксисе и выдвинута принципиально новая концепция природы и сущности деепричастных конструкций в структуре предложения.

Л.П. Васикова параллельно занимается исследованием проблем синтаксиса русского языка. Результатами многолетних изысканий являются ее труды: «Структурные схемы, модели и образцы разбора сложных предложений в русском языке» (Йошкар-Ола, 1975), «Основы синтаксиса простого предложения русского языка» (Йошкар-Ола, 1980), «Сопоставительная грамматика русского и марийского языков. Синтаксис» (Йошкар-Ола, 1990) и ряд других.

С октября 1984 года Л.П. Васикова исполняла обязанности профессора кафедры русского и общего языкознания Марийского государственного университета, а в 1985 году была избрана заведующей этой кафедрой.

В настоящее время Л.П. Васикова является профессором кафедры русского и общего языкознания Марийского государственного университета и руководит научно-исследовательской лабораторией «Кырык мары йылмы (Горномарийский язык)».

Научная деятельность и теснейшим образом связанная с ней преподавательская работа профессора Л.П. Васиковой характеризуется четырьмя основными направлениями: 1) исследование грамматического строя марийского и русского языков; 2) создание учебников и учебных пособий для преподавания русского и марийского языков в национальных отделениях высших учебных заведений; 3) упорядочение орфографических норм горномарийского и лугового литературных языков; 4) лексикографическая работа, направленная на составление «Русско-горномарийского словаря» и других типов словарей.

Юбиляр является автором более 160 научных работ, из них десять монографий. Ее орфографический словарь «Кырык марла орфографи лӹмдер», кардинально обновил горномарийское письмо (3). Разнобой, существовавший в горномарийской орфографии, вредно отражался на культуре письменной речи, мешал изучению правописания в школе и вносил орфографическую пестроту в печатную продукцию. По мнению учителей, писателей и работников культуры, значение нового словаря трудно переоценить.

Л. П. Васикова активно участвует в научных и научно-практических конференциях, симпозиумах и конгрессах, проводимых как в России, так и за рубежом. В ее содержательных докладах, прочитанных на многих международных

встречах финно-угроведов, рассматриваются актуальные и неразработанные вопросы агглютинативных языков и проблемы их грамматической структуры.

Лидия Петровна Васикова сама является организатором многих научно-практических конференций по проблемам изучения, преподавания и развития горномарийского литературного языка, с 1990 г. председателем общества «Гуан шая» («Родное слово»), директором Центра изучения горномарийского языка при Генеральной дирекции Фонда развития культур финно-угорских народов, председателем Республиканской комиссии по упорядочению и кодификации изданий на горномарийском языке соответственно орфографии 1994 года. Она была членом согласительной комиссии по выработке проекта Закона Республики Марий Эл «О языках в Республике Марий Эл»; членом комиссии по подготовке закона «О языках в Республике Марий Эл», принятого в 1995 году; членом экспертной комиссии при составлении Конституции Марий Эл, принятой в 1995 году.

Юбиляр всегда принимает посильное участие в государственных и общественных акциях, касающихся проблем языковых и национальных отношений.

Большой вклад она вносит в воспитание молодых ученых. Как лингвист широкого профиля и наставница, она всегда готова помочь добрым советом и консультацией по любому интересующему вопросу как своим аспирантам, так и молодым коллегам. Являясь членом диссертационного совета Марийского государственного университета, профессор Л.П. Васикова выступает оппонентом многих кандидатских и докторских диссертаций.

Необычайно целеустремленная и последовательная в своих научных изысканиях, ученый большого научного кругозора, исключительного трудолюбия, Л.П. Васикова пользуется заслуженным авторитетом как среди своих коллег и студентов, так и среди ученых-лингвистов, финно-угроведов других республик нашей страны и за рубежом.

Поэтому по праву отдельные статьи о жизненной стезе и научной деятельности Л.П. Васиковой включены в библиографические энциклопедические словари России.

За выдающиеся заслуги в области науки в 1988 году юбиляру присвоено почетное звание «Заслуженный деятель науки Марийской АССР», а в 1995 году – «Заслуженный деятель науки Российской Федерации».

В 2001 году профессор Л.П. Васикова награждена орденом Эстонской Республики «Крест Маарьямаа».

Ее ученики и коллеги по работе, студенты вузов Республики Марий Эл от всей души поздравляют профессора с юбилеем и желают крепкого здоровья, большого человеческого счастья и всего самого доброго.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Васикова Лидлия Петровна: библиографический указатель. – Йошкар-Ола, 2007.
2. Современный марийский язык. Морфология. – Йошкар-Ола, 1961.
3. Кырык марла орфографи лӹмдер. – Йошкар-Ола, 1994.

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

Рец.: ЛУШНИКОВА А.В. Модель универсума древних календарей (на материале языков разных семей). – Диссертация на соискание ученой степени доктора филологических наук. Москва, 2006. – 331 л.

5 октября 2006 г. в Специализированном совете Д.002.006.03 по защите диссертаций на соискание ученой степени доктора филологических наук при Институте языкознания РАН состоялась защита докторской диссертации Аллы Вячеславовны Лушниковой «Модель универсума древних календарей (на материале языков разных семей)» по специальности 10.02.20 «Сравнительно-историческое, типологическое и сопоставительное языкознание». Официальными оппонентами на защите выступили доктора филологических наук О.А. Мудрак из Москвы, В.А. Лившиц из Санкт-Петербурга и Е.А. Цыпанов из Ханты-Мансийска. Диссертационная работа была выполнена в Институте языкознания РАН, научным консультантом работы была доктор филологических наук Н.К. Рябцева.

Тема представленной диссертации является несомненно актуальной для современного сравнительно-исторического, типологического и сопоставительного языкознания, ведь как в исторической, так и синхронной лингвистике системное изучение древних народных календарей разных народов Евразии, названий месяцев, сезонов, различных временных периодов вообще еще не предпринималось. За период работы над диссертацией автор собрала обширный и разнообразный материал из всевозможных источников, словарей, справочников, иных материалов по различным языкам, включая научные монографии и статьи на многих языках. Библиографический список, помещенный в конце работы, включает 553 наименования.

Научная новизна исследования А.В. Лушниковой состоит в том, что впервые подготовлена крупная монографическая работа по исследованию древних календарей не только с точки зрения чисто языковедческой (хотя здесь представлена также и лингвистическая их интерпретация), но и с точки зрения мировоззренческих представлений древних народов, давших наименования для обозначения временных периодов, частей света, небесных светил. Автор первой в науке сделала очень интересную работу на стыке различных научных дисциплин, ввела в научный оборот огромный эмпирический материал, подвергнутый

тщательному отбору, подробной интерпретации и детальной систематизации. В целом докторская работа А.В. Лушниковой открывает целое направление для проведения подобных исследований в отдельных группах генетически и/или регионально связанных языков, и в этом заключается одно из явных ее достоинств. Диссертант прекрасно ориентируется в разнообразной литературе по языкознанию, фольклористике, этнографии, археологии, этнической истории, астрономии, работа в достаточной степени снабжена различными иллюстрациями: таблицами, рисунками, схемами.

Структура диссертационной работы хорошо продумана и логично вытекает из ее концепции рассмотрения народных календарей в ракурсе мировоззренческих представлений древних этносов, что отражает языковую картину мира в отношении выражения традиционных представлений о времени и пространстве. Диссертация состоит из введения, четырех основных глав, объемного и развернутого заключения, списка сокращений по языкам, списка использованной теоретической литературы, включающей 553 источника. Общий объем работы соискателя 331 страница.

Введение к диссертации достаточно объемное (36 страниц); кроме общих сведений о работе оно содержит отдельный раздел вводно-теоретического характера, который посвящен проблематике и обзору исследований по теме диссертации. По мнению оппонента, было бы логичнее вводно-теоретический раздел все-таки вывести из введения и представить отдельно в качестве небольшого предисловия.

Первая глава «Хищник и жертва» является наиболее объемной из всех основных глав и состоит из одиннадцати связанных внутренней логикой подразделов. Автор скрупулезно представляет материал народных календарей уральских, тунгусо-маньчжурских и палеоазиатских языков и приходит к выводу о схожести разделения времени года на два сезона или года, зиму и лето и связанных с ними обозначений, которые содержат указание на хищника и его жертву. В основе такого разделения, как указывает А.В. Лушникова, лежат многовековые наблюдения за движением солнца и промыслово-хозяйственная жизнь в условиях лесов и степей. Бинарная оппозиция сезонов наблюдается также и в промысловом календаре древних коми. А.В. Лушникова приводит в этой главе также множество сведений о следах концептов охотника и жертвы из народных календарей европейских народов, что говорит о большой древности этой оппозиции, что отражается и в многочисленных мифах о космической охоте на лося или оленя. В данном контексте хочется дополнить материал автора диссертации и одним сюжетом из коми фольклора, где в народной легенде о богатыре Йиркапе также содержится этот древний мотив. По сюжету, охотник-богатырь Йиркап страстно желает добыть голубого оленя и обрести счастье-удачу. Ради этого он рубит свое дерево, хранителя его души, и из него изготавливает чудесные лыжи. Однако добытый им голубой олень приносит ему несчастье. Конкретное содержание легенды, вероятно, изменилось, однако мотив охоты на го-

лубого оленя здесь очевиден. Много новых сведений содержат раздел 1.10. о синкретизме образов хищника и копытного животного по данным археологии и лексики и следующий за ним раздел о цвете как отражении бинарной оппозиции в структуре мира. Выводы, сделанные по материалам главы, вполне аргументированы и подтверждаются рассмотренным материалом.

Вторая глава «Ursa Major: Лось или Медведь?» также достаточно объемиста и очень информативна, она насыщена интересным и самым разнообразным языковым, этнографическим и археологическим материалом. В центре внимания А.В. Лушниковой лексические наименования созвездия Большой Медведицы (Ursa Major) в языках Евразии и объяснения того, почему и на какой основе даны приведенные названия. В действительности А.В. Лушникова рассмотрела в этой главе и другие названия основных созвездий, приводя фольклорно-мифологические сюжеты об охоте на копытных животных (лося, оленя), чьими именами и называется Большая Медведица в большинстве языков, вовлеченных в исследование. Очень много ценного содержится в разделах о мифах, о небесной охоте, связанных с мотивом добывания невесты. Это еще раз говорит о синкретизме мышления древних насельников Евразии и о метонимическом переносе жизненно важных хозяйственно-семейных циклов в сферу мифологии и в процесс номинации небесных светил. Образ медведя, как убедительно показала А.В. Лушникова, выступает как первопредок человеческого рода у множества народов, что еще раз подтверждает культурологическую и мировоззренческую значимость этого животного в жизни древних людей.

Третья глава «Белый горностай» посвящена комплексному сравнению звездно-календарных систем двух основных этнических сообществ – ирано-индоевропейского и уральского, причем подобное исследование А.В. Лушникова проделала в науке впервые. На большом фактическом материале из различных индоевропейских и уральских языков диссертант выявила совокупность символических и лексических обозначений интервалов времени, а также звезд. Так, урало-сибирский символ лета горностай с выраженным женским началом соответствует индоевропейским названиям, подчеркивающим значение верховного божества с изначальным женским образом. Автор на стр. 209–210, говоря о горностай-девице *(чужмӧр-ныл ӧй чабан ӧй)* из коми народной песни, явно некритически оценив, приводит цитату из работы этнографа Н.Д. Конакова, где он приводит такие слова как *тшӧж/чӧж* «утка», *чӧжны* «накопить», *чӧжйӧв* «молозиво», *чож* «дядя по матери» и сводит их в так называемый семантический пучёк, связанный с женской символикой и плодородием. Между тем этот вывод, сделанный неспециалистом в области языкознания, не выдерживает критики, ибо эти слова, относящиеся к совершенно разным праязыковым этимонам, приобрели современные значения в разное время, к тому же вряд ли можно найти женское начало в глаголе со значением «копить» или композите, сложном слове со значением «молозиво», где *чӧж* является одной из частей слова. Общеизвестно, что абсолютное большинство слов – обозначений животных, птиц,

насекомых в уральских языках может обозначать особи и мужского, и женского пола, а на женское начало указывает слово-конкретизатор *эмъ* «самка». Слово *чӧж* «утка» обозначает разновидность водоплавающих птиц обоих полов. К тому же слова *чожмӧр* и *чӧж/чӧжны* фонетически и структурно несопоставимы, т.к. в слове *чожмӧр* непроизводной основой является *чожм-*, а -ӧр является именным деривационным суффиксом.

Четвертая глава «Левый север и правый юг» внешне как бы не связана с темой изучения народных календарей, однако содержание этой главы логично вытекает из предыдущих и опирается на них. Автор выявляет особенности пространственной картины мира у иранских и урало-сибирских народов, которая во многом сложилась под влиянием многовековых перемещений-миграций народов. В число урало-сибирских народов вполне можно было включить и коми-зырян, которые в древности также проживали в Прикамье. Рецензент считает нужным дополнить материал диссертации следующими языковыми фактами. Так, у коми зырян есть бог северного ветра *Войпель/Войпӧль* с буквальным значением «северный старик», который приносит заморозки, холод и неурожаи. На основе словосочетания *вой тӧв* со значением «северный ветер» в коми языке появилось слово *войтӧв* «судорога». Оба слова несут явно негативную коннотацию. А.В. Лушникова обоснованно делает вывод, что понятие левый связано с понятием женский, а правый с мужским на основе лексики индоевропейских языков. К сожалению, в четвертой главе анализ слов со значением «левый» и «правый» из финно-угорских и тунгусо-маньчжурских языков не сделан; очевидно, это является перспективной задачей для исследователя.

Достаточно обширное заключение содержит ряд теоретических выводов и положений по диссертации в целом. Библиография составлена со знанием дела, однако у ряда изданий, в основном словарей, не указаны авторы, например, у таких книг как «Коми-русский словарь» 1961 г., «Немецко-русский словарь» 1993 г., «Русско-эвенкский словарь» 1952 г., энциклопедии «Мифология коми» 1999 г., этимологического словаря финского языка 1958 г., словаря вогульского (мансийского) языка 1980 г. В библиографическом описании диалектологического и этимологического словаря В.Штейница не указано место издания. В списке сокращений по языкам есть два одинаковых сокращения *перм.*, одно из которых раскрыто как пермяцкий, т.е. очевидно коми-пермяцкий, другое как пермский. В отношении последнего не вполне ясно, какой язык или диалект здесь подразумевается, т.к. понятия «общепермский праязык» и «допермское по происхождению слово» уже раскрыты в сокращениях *общеперм.* и *доперм.* Под сокращением *сысольск.* автор подразумевает сысольский диалект. Однако в современной коми диалектологии такой диалект уже не выделяют, в настоящее время разграничиваются отдельные верхнесысольский и среднесысольский диалекты.

Таким образом, диссертационная работа А.В. Лушниковой с содержательной стороны не имеет каких-либо серьезных недостатков, содержание исследо-

вания опирается на обширный и богатейший эмпирический материал, скрупулезно собранный автором.

В тексте диссертации, к сожалению, есть некоторые стилистические и технические недостатки. Так, применительно к саамам автор употребляет явно устаревший и уже вышедший из широкого научного употребления этноним *лопари*. Текст диссертационной работы не избежал опечаток: в авторском тексте на стр. 7, 23, 39, 53, 55, в библиографии на стр. 329, в примерах на коми языке на стр. 84, 208, 224, 225. Иногда в предложениях отсутствуют запятые на стр. 27, 76, 169, 219, 267, 279, подчас запятая является излишней, на стр. 185, 267. Однако перечисленные недочеты имеют непринципиальный, частный характер, технически их легко можно исправить.

Автореферат докторской диссертации полностью отражает структуру и все основные положения исследования, он написан сжато и в языковом отношении корректно. Особенно впечатляет список трудов (монография, многочисленные статьи и тезисы докладов) и перечень международных конференций и конгрессов, на которых диссертантка докладывала и обсуждала положения своей работы. Отрадно, что практически весь текст диссертации уже опубликован отдельным изданием. Однако учитывая пионерский характер рецензируемого исследования и большое теоретическое значение его положений и выводов, было бы крайне желательно осуществить перевод работы с русского на английский язык и также издать труд отдельной монографией, что позволило бы свободно ознакомиться с исследованием А.В. Лушниковой ученым разных специальностей из многих стран.

В целом диссертация Аллы Вячеславовны Лушниковой вносит крупный вклад в общую теорию народных календарей языков различных семей, носители которых проживают на обширной территории Евразии, положения работы создают основу для написания иных обобщающих работ в различных научных дисциплинах. Содержание исследования, далеко выходящее за рамки собственно языкознания, найдет несомненное практическое применение прежде всего в преподавании различных языков, этнографии многих народов, мифологии и археологии в вузах, при разработке новых основных и спецкурсов, при написании учебных и учебно-методических пособий, учебников нового поколения. Диссертационное исследование А.В. Лушниковой «Модель Универсума древних календарей (на материале языков различных семей)» написано на высоком научно-методическом уровне, оно вносит большой теоретический вклад в сравнительно-историческое, типологическое и сопоставительное языкознание, содержание его всецело соответствует квалификационным требованиям, предъявляемым к докторским диссертациям, а диссертант заслуживает присуждения искомой ученой степени доктора филологических наук.

Евгений Цыпанов
Сыктывкар

«Финно-угроведение», 2007, № 2

Рец.: R. BLUMBERG. Lībieši un vēstulēs: Somijas zinātnieku ekspedīcijas pie lībiešiem. Rīga: Latvijas vēstures institūta apgāds, 2006. 383 lpp.+81 lpp. krāsu il.

Феномен этнической идентичности является одной из сложных и дискусси-онных проблем современной этнологии, порой, приобретающей острый политизированный оттенок, когда речь заходит о позиционировании этноса в историческом времени и историографическом пространстве. Как и когда носители определенной этничности осознают собственную значимость, как и когда эту значимость осознают их соседи, при каких обстоятельствах и в силу каких мотиваций наука включается в процесс идентификации тех или иных этнических общностей? Все эти вопросы возникают вновь и вновь при знакомстве с трудами по истории этнографического изучения отдельных народов. В нашем случае предметом рассмотрения является монография латвийского этнографа, ливки по происхождению и, безусловно, по самоощущению, Ренате Блюмберг «Ливы в документах и письмах: Экспедиции финских ученых к ливам».

Ливы на сегодняшний день один из самых немногочисленных финно-угорских народов, живущий на западе Латвии на берегу Ирбенского пролива, чье имя вошло в письменные свидетельства прошлого еще со времен «Повести временных лет» и «Хроники Генриха Латвийского», отразившись в названии обширного региона Восточной Прибалтики – Ливонии. На протяжении своей жизни ливы испытали массу трудностей, связанных с войнами, эпидемиями и государственными решениями, тем не менее, утратив многое, этносу удалось сохранить главное – себя и собственное место в истории. Наверное, сделать это было бы много сложнее, если бы в нужное время к процессу самопознания не подключились заинтересованные люди – вдохновленные идеей финно-угорского родства ученые из Финляндии. Выдающуюся роль в изучении истории, языка и этнографии ливов сыграли финский этнограф и русский академик А.И. Шёгрен (1794–1855), финский этнограф и музеевед А.О. Хейкель (1851–1924), финские лингвисты Э.Н. Сетяля (1864–1935) и Л. Кеттунен (1885–1963), подробному рассмотрению ливских изысканий которых посвящено рецензируемое исследование.

В структурном отношении исследование состоит из авторского предисловия, четырех глав и приложения, содержащего перепись ливского населения, выполненную в 1935–1937 гг. пастором Э. Ваалгамаа, и пространного резюме на английском языке. В первой главе книги, автор анализирует материалы, связанные с научными поездками к ливам А.И. Шёгрена. Так, в 1846 г. ученому и

его местным помощникам удалось зафиксировать редкие и исчезающие свидетельства языка и бытовой культуры ливов на территории Лифляндии (Видземе), где им было найдено лишь 22 человека, говорящих либо понимающих по-ливски. Экспедиция 1852 г., организованная под эгидой Русского географического общества, была логическим продолжением предыдущей поездки, имея своей главной целью сбор языкового и этнокультурного материала, обобщением которого занимался преемник А.И. Шёгрена по академическому департаменту Ф.И. Видеман. Во второй главе говорится об экспедициях к ливам Лифляндской и Курляндской губерний профессора финского языка и литературы Хельсинкского университета Э.Н. Сетяля в 1888, 1905 и 1912 гг., в ходе которых он собрал немало сведений по этнической истории края, а также сделал профессиональные записи ливского фольклора, затем представил ливские материалы европейской научной общественности. Третья глава посвящена работе первого профессионального финского этнографа А.О. Хейкеля, весной 1902 г. побывавшего в ливских селениях Курляндии (Курземе) и собравшего для Национального музея Финляндии коллекции традиционной одежды и образцы произведений народного декоративно-прикладного искусства ливов. Заключительная четвертая глава рассказывает о научной и просветительской работе среди ливов профессора прибалтийско-финского языкознания Хельсинкского университета Л. Кеттунена, в период с 1920 по 1937 гг. совершившего одиннадцать поездок к ливам, чьи мемуары содержат множество бесценных свидетельств ливской культуры повседневности. Таким образом, исследование Р. Блюмберг хронологически и проблемно-тематически охватывает период становления и развития научного изучения ливов, логическим путем подводя читателей к пониманию того, что следом за периодом внешнего интереса наступает время самопознания, когда этнос становится способен выдвинуть исследователей из своей среды.

«Книги, – как говорили древние, – живут своей жизнью». Думается, что книге Р. Блюмберг обеспечена долгая жизнь, как впрочем, и тому народу, которому она посвящена.

Наряду с высококачественным полиграфическим исполнением книги, нельзя не отметить авторскую работу по подбору иллюстративного фона, включающего не только экспедиционные фотографии, но и репродукции акварелей художника А.Г. Пецольда, путешествовавшего вместе с А.И. Шёгреном к ливам в 1846 г. и в романтической манере запечатлевшего разных представителей народа в окружении их традиционного быта.

Алексей Загребин
Ижевск

«Финно-угроведение», 2007, № 2

Рец.: СЕПЕЕВ Г.А. История расселения марийцев. – Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ, 2006. – 200 с.

Книга Г.А. Сепеева, известного марийского этнографа, представляет собой первое монографическое исследование по истории расселения марийцев. Эта проблема затрагивалась многими исследователями дореволюционного и послереволюционного периода, но предметом специального изучения не являлась. Г.А. Сепеев, долгие годы занимаясь изучением материальной культуры, этнокультурных взаимосвязей, этнических процессов, в своих работах касался рассматриваемой темы, но серьезно приступил к ней лишь несколько лет назад. Работая над книгой, он изучил и обобщил имеющуюся этнографическую, историческую литературу, документальные источники XVI–XIX вв., картографические работы, материалы археологических исследований, данные языка, топонимики. Чтобы выяснить ареал расселения марийцев в современный период, привлек материалы всеобщих и Всесоюзных переписей населения разных лет, статистические справочники, полевые экспедиционные материалы. Так, опираясь на широкий круг различных источников, Г.А. Сепеев проследил историю формирования марийцев и их территории расселения с середины I тысячелетия н.э. до наших дней. Каждая глава содержит приложения, в которых приведены сведения о расселении и численности населения за тот или иной период.

Книга открывается введением, в котором автор коротко обосновывает актуальность темы, дает историографический обзор источников, литературы. В первых письменных памятниках территория расселения марийцев представлена очень слабо. Лишь с середины XVI в. появляется значительное количество материала в виде писцовых и переписных книг, ревизских сказок, отчетов и справок местных органов власти и т.д., где указывалось о заселении марийцами территорий. Позднее ситуации о расселении марийцев XVI–XIX вв. по различным дорогам, уездам, губерниям проясняют публикации XIX – начала XX вв. Разнообразные данные по этому вопросу приводятся и в историко-этнографических исследованиях современных ученых. Более полно, как утверждает автор, ранняя картина расселения прояснилась в результате работ Марийской археологической экспедиции (с 1956). Из материалов экспедиций, трудов археологов выясняются новые сведения, позволяющие проследить процесс расселения марийцев. С ними сходятся и данные языка, топонимики.

В первой главе рассматривается расселение марийцев в эпоху средневековья. Это был сложный период, происходили частые передвижения, миграции народов из-за различных социально-политических событий в Среднем Поволжье, поэтому территория расселения марийцев не была постоянной. Древние

летописи, хроники, записи зарубежных дипломатов, русских правительственных чиновников того времени не дают точную информацию о территориальном размещении марийцев. Современные ученые, занимающиеся изучением этого периода, также имели разные мнения относительно территории формирования древних марийцев. Г.А. Сепеев, используя имеющиеся источники, данные археологов, карты археологических памятников проследил место формирования древних марийцев и их постепенное продвижение в сторону территории Ветлужско-Вятского междуречья. Выясняется, что большинство марийского населения почти до конца I тысячелетия н.э. проживало в правобережье Волги – от Оки до Свияги. Лишь с VI века н.э. началось освоение левобережья. Расселение марийцев по Ветлужско-Вятскому междуречью происходило поэтапно, причин для передвижения было много – монголо-татарское нашествие, рост и распространение славяно-русского, болгаро-чувашского населений в правобережье Волги после разгрома Болгарского государства, усиление церковно-монастырской колонизации. Миграция и расселение марийцев происходили путем вытеснения пермско-финского населения (удмуртов и коми). В течение XIII – первой половины XVI вв. были сформированы из правобережных марийцев и Поветлужья горные марийцы, из левобережных – луговые.

Вторая глава освещает вопросы расселения марийцев в середине XVI–XVIII вв. Автор описывает политическую обстановку, сложившуюся в Русском государстве в этот период. Марийский край был присоединен к Русскому государству, и этническая территория марийцев стала претерпевать заметные изменения. В ней активно расселялось русское население, чувашское и татарское. Монастыри становились владельцами земель марийских крестьян, строились укрепленные города, росли поборы с крестьян. Из-за невыносимых условий жизни марийцы вынуждены были переселяться в другие места. XVI век стал заключительным этапом переселения правобережных марийцев в левобережную часть Марийского края. Продолжалось переселение с территорий Приказанья, Заказанья. В течение второй половины XVI – середины XVIII вв. марийцы осваивали территории Прикамья и Приуралья. К середине XVIII века сформировалась этнографическая группа восточных марийцев.

В третьей главе показаны основные ареалы расселения марийцев в XIX – начале XX вв. Этническая ситуация в этот период в регионе Поволжья и Приуралья была стабильной. Народонаселение курировалось государственными ведомствами и службами. Переселения населения происходили в пределах основных территорий расселения. Причины переселений – нехватка земель, уклонение от надзора земской полиции и волостного начальства, притеснения чиновников, а также предоставленная свобода передвижения после отмены крепостного права. Автор указывает, где, из каких мест шло переселение, на каких территориях Марийского края возникали русские, татарские, удмуртские, чувашские селения. Показана и этническая ситуация в приуральских ареалах, где проживали восточные марийцы, в Сибири, даже в Средней Азии.

Четвертая глава представляет историю расселения марийцев в послеоктябрьский период. До и после Октябрьской революции в России происходили крупнейшие события – Первая мировая война, Октябрьская революция, гражданская война, становление Советской власти, Великая Отечественная война, в 90-е годы – распад СССР. Они привели к усиленной миграции всего населения страны, в том числе и марийцев. Оказавшись в общем потоке миграционного движения, марийцы расселялись на территории традиционных ареалов расселения – Поволжского и Приуральского, а также за их пределами. Данные Всесоюзных переписей показывают, что марийцы проживали в самых разных точках Советского государства. Они, как и другие народы, стали участниками всех процессов, происходивших в стране. Перемещения марийцев шли в годы гражданской войны, в 30-е годы, во время Великой Отечественной войны и послевоенные годы. Марийцы уезжали из Марийского края на военную службу, поднимать разрушенное хозяйство после войны, осваивали целинные земли, строили ГЭС, шахты и заводы. В советское время в Марийской республике происходили изменения в национальном составе, сюда прибывали специалисты разных отраслей народного хозяйства с других территорий СССР. В городах стало увеличиваться число марийцев за счет притока сельских жителей.

После распада СССР миграция марийского населения продолжалась. Марийцы стали уезжать в поисках работы в северные районы России, по различным обстоятельствам оказывались в странах дальнего зарубежья. А в Республику увеличился поток прибывающих марийцев из бывших союзных республик из-за неблагополучной политической обстановки в них.

Завершается книга небольшим заключением, в нем автор сделал краткий анализ содержания книги.

В целом надо сказать, что выход в свет монографии Г.А. Сепеева является значительным событием в марийской этнографической науке. Книга имеет большую научно-познавательную ценность, найдет себе широкий круг читателей, будет хорошим пособием для студентов, школьников и тех, кого волнуют проблемы истории, этнографии родного края, народа.

Ольга Калинина
Йошкар-Ола

ХРОНИКА

МНОГОЦВЕТЬЕ КУЛЬТУР В ФЕСТИВАЛЬНОМ ПРЕЛОМЛЕНИИ

Важным событием 2007 года стал Международный фестиваль культур финно-угорских народов «Шумбрат, Финно-угрия!», который состоялся в Республике Мордовия. На его открытии присутствовали Президент России В.В. Путин, Президент Финляндии Тарья Халонен, Премьер-министр Венгрии Ференц Дюрчаня.

В Саранске еще не было такого количества государственных символов, обозначающих представительство стран-участниц и делегаций субъектов Российской Федерации. Гости и участники фестиваля прибывали в Мордовию авиационным, железнодорожным и автомобильным транспортом. Всего 1500 человек. Из зарубежных участников самой представительной была делегация из Венгрии – более ста человек, в том числе всемирно известный танцевальный коллектив «Хойду» из Дебрецена, второго по величине города Венгрии. Самой большой по численности из российских регионов была делегация из Марий Эл (167 человек), в том числе народный ансамбль «Марий сем».

В мероприятиях в рамках фестиваля приняло участие 74 фольклорных коллектива, в том числе 36 из регионов Российской Федерации. Кроме того в фестивале учавствовали 14 молодежных эстрадных коллективов.

Народные художественные промыслы и декоративно-прикладное творчество финно-угорскиих народов представляли 315 мастеров, в том числе почти половина (155 человек) гостей.

События форума финно-угорских народов освещали ведущие российские и зарубежные СМИ, аккредитацию на фестиваль получили более 200 российских и зарубежных журналистов. Подробные репортажи из Мордовии прошли по всем ведущим телеканалам России, фрагменты с торжественного открытия фестиваля увидели и услышали далеко за пределами Мордовии.

Саранск встретил гостей чистотой улиц, большим количеством цветов, фонтанов и жарким солнцем.

У входа в сердцевинную часть фестивального действия – в «национальную деревню», «Город мастеров» и проход к стадиону «Старт», стояли два ряда флагштоков. В переднем ряду было четыре флагштока, на которых развевались флаги России, Финляндии, Венгрии и Эстонии. В двух метрах – еще шесть флагов:

Мордовии, Карелии, Коми, Марий Эл, Удмуртии, Коми-Пермяцкого и Ханты-Мансийского АО.

Вообще надо отметить, что после того, как на президентском сайте в середине июня появилась информация о том, что 19 июля Президент России проводит в Саранске саммит и его гостями станут Президент Финляндии и Премьер-министр Венгрии, количество заявок на гостевое участие в этом международном мероприятии многократно увеличилось. К сожалению, далеко не всех желающих удалось принять.

Кто был причастен к подготовке данного мероприятия, тот знает, насколько напряженной и кропотливой она была. Напомню: заблаговременно Главой Республики Мордовия Н.И. Меркушкиным был подписан соответствующий Указ, был создан республиканский оргкомитет во главе с Председателем Правительства РМ В.Д. Волковым, утверждены план подготовки, рабочие группы и т.д.

Не останавливаясь на всех деталях подготовки, отметим лишь, что, к примеру, в рамках подготовки данного мероприятия в Саранске побывал посол Венгрии в РФ Арпад Секей , а непосредственно уже перед этим событием в столице Мордовии несколько дней провела директор Венгерского культурного и научного центра в России Илона Кишш.

В ходе подготовки к фестивалю особенно часто задавались два вопроса: «Почему в Саранске?» и «Что это даст?».

Говоря о выборе места для проведения событийной встречи , отметим, что это был выбор нашего Президента. В Саранске В.В.Путин проводил саммит с руководителями Финляндии и Венгрии, что само по себе уже значимо для дальнейшего развития российско-финляндских и российско-венгерских отношений (причем не только культурных).

Что касается аргументов в пользу выбора Республики Мордовия, отметим, во-первых, тот факт, что мордовский народ наиболее многочисленный из финно-угорских народов РФ; во-вторых, Саранск в последние несколько лет становится одним из наиболее реальных центров финно-угорского движения. Здесь находится центральный офис ассоциации финно-угорских народов РФ, руководящий состав которого возглавляет известный ученый, декан филологического факультета нашего университета профессор М.В. Мосин.

В 2006 году при поддержке В.В. Путина в г. Саранске был открыт Поволжский центр культур финно-угорских народов (руководитель Ю.А. Мишанин), на базе которого стала издаваться финно-угорская газета.

И еще один аргумент хотелось привести. Два года подряд в Саранске проводится Всероссийская выставка-ярмарка народных художественных промыслов и ремесел финно-угорских народов, а также международные соревнования по легкой атлетике в закрытых помещениях среди школьников финно-угорских стран и народов.

Высокие темпы социально-экономического развития Мордовии даже на общероссийском фоне послужили дополнительным аргументом в пользу выбора Саранска местом проведения международной встречи.

Оценивая итоги международного фестиваля национальных культур финно-угорских народов, необходимо выделить его международную значимость. В данном случае языково-культурная общность стала базовой мотивацией стран, поразному интегрированных в европейское и мировое сообщество. Кроме того, велика значимость фестиваля для народов нашей многонациональной России в плане осмысления места традиционной культуры в социально-экономическом развитии российского общества. И наконец, результаты этого международного форума скажутся на дальнейшем социально-экономическом развитии Республики Мордовия, укреплении ее авторитета в стране и в финно-угорском мире, как региона, создающего комфортные условия для сохранения и развития языково-культурных признаков мордовского этноса.

Грандиозный праздник открытия Международного фестиваля национальных культур финно-угорских народов «Шумбрат, Финно-угрия!» удался на славу. На поле стадиона «Старт» вышло около шести тысяч человек – все творческие коллективы Мордовии, а также гости.

Все сидящие на трибунах стадиона, участники театрализованного представления встретили руководителей России, Финляндии и Венгрии, почетных гостей, а также делегации овациями.

Само представление было красочным, динамичным и, несмотря на огромное количество участвующих в нем, хорошо отрепетированным. В концептуальную основу этого спектакля под открытым небом были положены эпические и музыкально-этнографические традиции финно-угорских народов, удачно дополненные музыкально-хореографическими сценами из современной жизни родственных народов. Большой режиссерской удачей была завершающая часть – красочное шоу-представление народов – участников фестиваля с их песенными и фольклорно-обрядовыми действиями, характеризующими в том числе и особенности традиционной хозяйственной деятельности народов. Важно отметить, что наряду с профессиональными и фольклорными коллективами в открытии фестиваля принимали участие и дети, вызывавшие у зрителей своей непосредственностью дополнительные положительные эмоции.

Апофеозом открытия стали приветственные выступления руководителей России, Финляндии и Венгрии.

Президент РФ В.В. Путин поблагодарил всех, кто приехал в Саранск на фестиваль, и прежде всего своих коллег – Президента Финляндии Т.Халонен и Премьер-министра Венгрии Ф.Дюрчаня. «На российской земле, здесь, в Мордовии, собрались представители самых разных народов из самых разных стран Европы, – подчеркнул В.В. Путин. – Мероприятие, которое мы сегодня открываем, будет способствовать не только развитию культуры финно-угор-ских народов в самой России, оно будет способствовать сближению самых разных стран мира. И это тоже одна из значимых заслуг финно-угорских народов».

В своих приветствиях Президент Финляндии и Премьер-министр Венгрии говорили о большом впечатлении от открытия фестиваля и подчеркивали необходимость беречь национальную культуру наших народов.

Составной частью фестиваля национальных культур стали экспозиция «национальная деревня» и «Город мастеров», развернутые на территории, прилегающей к стадиону «Старт».

Здесь были построены стилизованные под дерево избы и представлена традиционная бытовая обстановка венгров, финнов, эстонцев, карел, коми, марийцев, удмуртов, хантов и манси, коми-пермяков.

Владимир Владимирович Путин с коллегами в первую очередь заглянули в мордовскую избу. Лидеров братских стран встретили песнями, пирогами, блинами и национальным напитком позой. Трудно словами описать ажиотаж, возникший у представителей СМИ. Наиболее продвинутые из телевизионных операторов направили свои камеры с целью запечатлеть уникальные кадры внутри избы.

А тем временем Президент России решил подпеть окружившим его бабушкам. Если бы, помимо немецкого и английского, он знал мордовский – точно бы подпел. Пока же в словарном запасе Президента только одно слово – «шумбрат». Зато повторял он его не раз, вызывая тем самым добрые улыбки у окружающих.

Здесь же, напротив «национальной деревни», был развернут «Город мастеров», экспозиции которого дополнили бытовую характеристику финно-угорских народов их особенностями в промыслово-хозяйственной деятельности. Причем, русское название этой экспозиции дублировалось на венгерском, финском и эстонском языках.

На этой выставке-ярмарке были представлены народные художественные промыслы и ремесла практически всей России и финно-угорского зарубежья: ткачество, вышивка, резьба по дереву, плетеные изделия из лозы, керамика. Чуть поодаль работали мастера кузнечного дела и резчики по дереву. Умельцы симбирского кузнечного двора из Ульяновска демонстрировали всем желающим свое мастерство. Тут же были выставлены изготовленные ими изделия – выкованные из железа букеты цветов, изящные фигуры. Здесь главы государств проявили завидную солидарность – каждый из них собственноручно сделал несколько ударов по раскаленному железу. «Да, тяжело», – заметил В.В. Путин, отдавая молот кузнецу из Ульяновска, на что тот тоже ответил: «Владимир Владимирович, а мы так каждый день». Тарья Халонен, вспомнив, что ее дед был кузнецом, тоже не упустила шанс подержать в руках молот.

Далее Путин вместе с Дюрчанем шлифовали деревянные изделия. «Это гораздо сложнее, чем работать премьер-министром», – сделал вывод венгр.

Председатель Союза мастеров декоративно-прикладного искусства Коми Василий Попов высоко оценил работу Владимира Путина. «Было видно, что он добросовестно отнесся к делу, шкурил старательно и хорошо. Эту уточку, ошкуренную Президентом страны, я увезу домой на память».

Самый большой интерес у всех гостей «Города мастеров» вызывала единственная женщина-резчик Наталья Талигина. Ей постоянно приходилось отрываться от работы, чтобы отвечать на вопросы очередных журналистов или обычных зрителей.

Наталья приехала из далекого Салехарда. В руках этой хрупкой женщины не женские инструменты выглядят довольно странно. Но она легко управляется ими и говорит, что дерево – это только один из материалов, который она использует в своей работе. Женщина-мастер, участница и дипломант всевозможных конкурсов и фестивалей, в своем городе вырезает также ледовые скульптуры, у нее много работ из кости.

А мордовские резчики-мужчины в основном специализировались на изготовлении мифологических скульптур. Среди этих деревянных скульптур было немало богов из мордовского пантеона. Все скульптуры после необходимой в таких случаях обработки установлены в местах отдыха г. Саранска.

Говоря о знакомстве первых лиц России, Финляндии и Венгрии с традиционной материальной и духовной культурой финно-угорских народов, отметим посещение ими обновленного мордовского (мокшанского) национально-культурного центра в селе Старая Теризморга Старошайговского района. Уникальность данного учреждения заключается в том, что здесь бережно сохраняется уникальное явление в традиционном песенном творчестве – многоголосье. Причем песенная культура здесь сочетается с этновоспроизводящими традициями в изготовлении женских мордовских (мокшанских и эрзянских) костюмов. Все это достигается на основе отлаженной уже десятилетиями преемственности поколений. Руководителю этого Центра удалось создать атмосферу заинтересованности в восприятии культурных ценностей своего народа. Здесь созданы все необходимые условия для этого: замечательный актовый зал, мастерские и т.д.

К фестивалю данный национально-культурный центр пополнился традиционным мордовским подворьем с соответствующим набором дворовых и хозяйственных помещений, включая баню и кузницу. В избе предусмотрено и гостевое помещение. Все это позволяет включить этот населенный пункт в один из этнотуристических маршрутов. Вообще, это село, по нашему убеждению, является уникальным в том плане, что здесь получился яркий пример, как, сохраняя национально-культурный потенциал, можно его модернизировать, создавая комфортные условия для сельских жителей, включая возможность получения полноценного образования и рабочих мест с учетом создаваемого высокотехнологичного сельскохозяйственного производства.

Праздник не ограничился концертными площадками столицы и названным селом, он волной прокатился по всем районам республики. Делегации братских народов встречали в Дубенках и Кадошкине, Ардатове и Теньгушеве, Большеигнатовском, Темниковском и других муниципальных районах. Везде гостей встречали традиционно хлебом-солью, мордовскими блинами и позой, знакомили с фольклорно-обрядовыми традициями мокши и эрзи.

Мордовия сказала «Шумбрат!» так громко, что услышали далеко за пределами России. В рамках саммита, безусловно, важной стала встреча лидеров России, Финляндии, Венгрии и Главы Республики Мордовия с представителями международного финно-угорского движения – председателем международного консультативного комитета финно-угорских народов В.П. Марковым, председателем исполкома общероссийского общественного движения «Ассоциация финно-угорских народов Российской Федерации» М.В. Мосиным, координаторами финно-угорского движения от Финляндии Мерьей Ханнус, от Венгрии Яношем Пустаи. Она прошла во вновь построенном уникальном здании Мордовского национального драматического театра.

Это первая встреча такого формата. Открывая ее, В.В. Путин подчеркнул: «Россия оказывает содействие процессу сближения финно-угорских народов во всех сферах жизни и является инициатором важнейших мероприятий, способствующих его развитию».

На встрече отмечался довольно высокий уровень международного сотрудничества в финно-угорском мире в области подготовки преподавательских кадров, в проведении конгрессов, различных фестивалей и конкурсов, издательских и образовательных проектов. Все эти неполитизированные мероприятия работают во благо как всего финно-угорского сообщества, так и каждого носителя этой древней языково-культурной среды.

Касаясь ситуации в сегодняшнем финно-угорском сообществе, участники встречи затрагивали проблемы сохранения малочисленных народов, мест национальной самобытности в условиях новых технологических прорывов в различных сферах жизнедеятельности, говорили о роли национально-культурных автономий в условиях многонационального российского сообщества.

И первые лица, и представители общественных организаций финно-угорского содружества в своих выступлениях подчеркивали необходимость придания сотрудничеству нового импульса.

Завершая свои наблюдения о прошедшем в Республике Мордовия в середине июля Международном фестивале культур финно-угорских народов «Шумбрат, Финно-угрия!» и участии в его открытии руководителей России, Финляндии и Венгрии, необходимо подчеркнуть, что последнее десятилетие стало временем поиска продуктивных мер, способных в условиях унификации и глобализации сохранить национальную идентичность, языки и культуру, подлинное возрождение национальных традиций не только финно-угорских народов, но и всех народов Российской Федерации, пробуждение их интереса к собственной истории. В этих процессах активно участвуют общественные организации регионов России. Россия, где исторически финно-угорские народы живут бок о бок со славянами и тюрками, всегда была и остается центром притяжения и соединения многих культур. И в этом сила России и наш огромный потенциал, который, как мы убедились, нужно развивать.

Предварительные итоги фестиваля позволяют утверждать, что языково-культурная общность, во-первых, является важным фактором взаимопонимания между народами, в данном случае финно-угорскими, во-вторых, ее составляющие имеют различный уровень функционирования.

В финно-угорском зарубежье национальные признаки сейчас более ярко выражены в функциональном состоянии языковой сферы и профессиональном искусстве.

Среди финно-угорских народов России, наоборот, широко развито фольклорно-этнографическое направление народного искусства, являющееся яркой характеристикой самобытности. Поэтому вовсе не случайно лейтмотивом выступлений и первых лиц, и ученых, языковедов, фольклористов, этнографов была мысль о необходимости сохранения самобытной культуры. Развивая экономику, новые технологии, необходимо сохранять национальную культуру – основу любого этноса.

Это важное международное событие убедительно показало, что мы открыты для культурного диалога, для осуществления перспективных совместных проектов плодотворного сотрудничества как в гуманитарной сфере, так и экономике. Руководство Российской Федерации поддерживает стремление финно-угорских народов к межнациональному сотрудничеству. Российская делегация на крупнейших финно-угорских международных форумах традиционно самая представительная. Для нашей многонациональной страны движение финно-угорских народов является символом современного сосуществования людей, устремленных к миру, глубоко убежденных, что любые проблемы могут быть решены во взаимном согласии и уважении. Оно не только олицетворяет географическую целостность европейского пространства, но и духовно сближает обновленную Россию с обновленной Европой.

Александр Лузгин
Саранск

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Владыкин Владимир Емельянович – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой этнологии и региональной истории Удмуртского государственного университета

Загребин Алексей Егорович – кандидат исторических наук, заведующий отделом исторических исследований Удмуртского ИИЯЛ УрО РАН

Иванова Маргарита Григорьевна – доктор исторических наук, ученый секретарь Удмуртского ИИЯЛ УрО РАН

Игнатов Михаил Дмитриевич – аспирант-соискатель при кафедре коми и финно-угорских языков Сыктывкарского государственного университета

Исанбаев Николай Исанбаевич – доктор филологических наук, профессор кафедры марийского языка МарГУ

Казимова Мария Александровна – аспирантка кафедры философии МарГТУ

Калинина Ольга Александровна – научный сотрудник отдела этнологии МарНИИЯЛИ

Куклин Анатолий Николаевич – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой марийского языка и литературы Марийского педагогического института

Лисовская Галина Константиновна – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник отдела литературы Института языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН

Лузгин Александр Степанович – доктор исторических наук, председатель Государственного комитета Республики Мордовия по национальной политике

Пенькова Мария Викентьевна – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник отдела литературы МарНИИЯЛИ

Попова Елена Васильевна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела исторических исследований Удмуртского ИИЯЛ УрО РАН

Роцевская Лариса Павловна – доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник отдела «Научный архив и энциклопедия» Коми научного центра УрО РАН

Сапуков Ксенофонт Никанорович – доктор исторических наук, профессор кафедры региональной истории МарГУ

Сибатрова Серафима Сергеевна – кандидат филологических наук, заведующая отделом языка МарНИИЯЛИ

Федосеева Елена Александровна – доктор филологических наук, доцент кафедры русской и зарубежной литературы Мордовского государственного университета им. Н.П. Огарева

Федосеева Надежда Александровна – кандидат филологических наук, заведующая отделом литературы МарНИИЯЛИ

Цыпанов Евгений Александрович – доктор филологических наук, старший научный сотрудник Института языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН

Чупрова Эльвира Геннадьевна – кандидат исторических наук, научный сотрудник отдела «Научный архив и энциклопедия» Коми научного центра УрО РАН

CONTENTS

ARTICLES

Phedoseyeva E.A. Forming of book forms of Mordvinian heroic epos 3
Sibatrova S.S. I.S. Galkin's contribution in Mari Linguistics and development of other humanities sciences in Mari El Republic (traits to his creative work) 21
Sanukov K.N. The newspaper «Üzhara» is a monument of Mari social and political thought (to the 90th of anniversary) 33
Isanbayev N.I. Russian borrowings of XVIII century in the Mari language and their thematic groups 48

REPORTS

Phedoseyeva N.A., Penkova M.V. Folklore and literary works in «Marla calendar» 59
Popova E.V. Bans in the context of keeping of sacred groves of besermyans 74
Lisovskaya G.K. V.N. Dyomin's contribution and researching of I.A. Kuratov's creative work and some problems of modern literature 84
Vladykin V.E. Great worker of ethnography 91
Ignatov M.D. About the origin of the names Kuva and Kudymkar 96
Kazimova M.A. Moral basis of ethnic traditions of Mari people 101
Roshchevskaya L.P., Chuprova E.G. At the source of study Komi people folklore 107

PERSONS

Kuklin A.N. D.E. Kazantsev's anniversary 112
Ivanova M.G. Kulikov Kuzma Ivanovich (devoted to the 70th anniversary) 120
Kuklin A.N. L.P. Anniversary of L.P.Vasikova 128

SURVEYS AND REVIEWS

Tsypanov E.A.: Rev: Lushnikova A.V. Model of Universum of ancient calendars (on the materials of different families' language). Thesis submitted for Degree of Doctor of Philology. – Moscow, 2006. – 331 p. 133
Zagrebin A.E. Rev.: R. Blumberg. Lībieši un vēstulēs: Somijas zinātnieku ekspedīcijas pie lībiešiem. – Rīga: Latvijas vēstures institūta apgāds, 2006. 383 lpp.+81 lpp. krāsu il. 138
Kalinina O.A. Rev.: History of settling of Maris. – Yoshkar-Ola: Mari Scientific-Research Institute of Language, Literature and History, 2006. – 200 pp. 140

CHRONICLE

Luzgin A.S. The variety of cultures in the festival refraction 143
Information about the authors 150

«Финно-угроведение», 2007, № 2

Научный журнал
Основан в феврале 1994 года

Свидетельство о регистрации ПИ № 77–5360

Редактор *Н.И. Сараева*
Компьютерная верстка *З.Г. Воронцовой*
Обложка художника *Ю.П. Клюкина*
Английский текст *Э.И. Пекшеевой*

Адрес редакции: 424036, г. Йошкар-Ола,
ул. Красноармейская, 44
Телефон: 64-19-28, 45-39-94
т. факс (8362) 45-14-73
E-mail: mamii@mari-el.ru

Подписано в печать 20.12.2007. Формат 70×100/16.
Усл. печ. л. 12,26. Тираж 300 экз. Заказ № 10624

Отпечатано с готового оригинал-макета
в ОАО «Марийский полиграфическо-издательский комбинат»
424002, г. Йошкар-Ола, ул. Комсомольская, 112